

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания

Ю. В. УСОВА

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ РЕГИОНОВ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ И ВЕКТОРЫ
ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ**

ВЛАДИКАВКАЗ 2015

ББК 66.3(2Рос)

У 74

*Печатается по решению Учёного совета
СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А*

- У 74 **Усова Ю.В.** Политические элиты регионов современной России: факторы трансформации и векторы позиционирования : монография / Ю.В. Усова. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. – 268 с.

ISBN 978-91480-237-7

Рецензенты:

Б.Г. Койбаев – доктор политических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет им. КЛ. Хетагурова»;

В.Н. Панин – доктор политических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет»

Монография посвящена исследованию особенностей трансформации и позиционирования региональных политических элит на современном этапе. В последнее время заметно возрос интерес к элитологической проблематике, к аспектам деятельности региональных политических элит. В связи с этим возникла необходимость упорядочить имеющиеся знания и рассмотреть вопросы регионального элитогенеза в современных условиях жизни общества.

Исследование отражает авторскую концепцию и может быть использовано в процессе написания научных работ по проблемам элитологии, политической регионалистики, основ государственной службы. Материалы монографии могут быть рекомендованы в учебном процессе в качестве информационной базы для последующих социально-политических исследований, послужить основой для региональных разделов учебных программ образовательных учреждений, программ спецкурсов и курсов по выбору, разработки учебников и учебно-методических пособий.

ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-91480-237-7

© ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015
© Усова Ю.В., 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭЛИТОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ.....	7
1.1. Категория «политическая элита» в элитологических концепциях.....	7
1.2. Особенности формирования элит в современном политическом пространстве.....	29
1.3. Динамика и позиционирование элит как условие развития современного политического процесса	57
ГЛАВА 2. ТЕХНОЛОГИИ ЛЕГИТИМАЦИИ И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ РОССИИ.....	78
2.1. Электорально-избирательные технологии как механизм леgitимации власти политических элит.....	78
2.2. Политические институты современной России в контексте позиционирования региональных политических элит России	123
2.3. Специфика масс-медийного позиционирования региональных политических элит в современном политическом процессе	107
ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ	146
3.1. Факторы трансформации региональных политических элит на современном этапе	146
3.2. Современные политико-властные элиты республик Северо-Кавказского федерального округа в контексте социальных изменений	146
3.3. Институционализация формирования региональных политических элит (на примере республик Северного Кавказа) .	192
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	223
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	226
ПРИЛОЖЕНИЕ	224

Введение

Проблемы элитогенеза всегда вызывали повышенный интерес у научного сообщества. На различных этапах развития государства и общества, используя разнообразные методологические подходы, исследователи занимались изучением процессов динамики и трансформации элитных групп. Во многом это объясняется стратегически важными позициями, которые занимают политические элиты в общественной структуре. Выступая одним из основных субъектов политического процесса, элиты трансформируются под реалии политического пространства, приобретают новые черты и характеристики, инновационные формы политического позиционирования.

В конце прошлого столетия произошло стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, которые, проникая во все сферы социальной действительности, трансформировали прежнюю систему общественных отношений. Тенденции глобальных преобразований существенно меняют и политические процессы. Зависимость от средств массовой информации, имеющих под собой электронную основу, приводит к далеко идущим последствиям для характеристик, организации и целей политических процессов, институтов, политических элит. Власть, которой располагают сети СМИ, представляющие одновременно и средством, и продуктом глобализации, позволяет ей проникать через любые преграды и границы. Поэтому на современном этапе важную роль играет изучение особенностей масс-медийного позиционирования политических элит. Значение традиционных СМИ и коммуникационных технологий, как инструментов влияния политических элит на формирование общественного сознания и манипулирование общественным мнением, возрастает и приобретает особую актуальность.

Современное российское общество стоит на пороге больших перемен в социально-экономической, политической и духовной сферах. Реформирование российской государственности актуализирует проблему становления адекватной системы политических институтов. Актуальность проблемного поля исследования очевидна в связи с современным этапом административной реформы, реформы МСУ, федеративных отношений, а также в связи с мо-

дернизацией политической системы РФ, которая провозглашена именно высшей политико-управленческой элитой. Предложенная правящей элитой стратегия развития страны отличается четким обозначением ценностных основ политического, экономического и социального курса. Она подразумевает превращение России в сильного, конкурентоспособного игрока на международной арене. Это требует комплексных мер, следовательно, трансформация элит в том или ином варианте неизбежна.

Глубокое осмысление процессов трансформации российского политического пространства невозможно без детального исследования основных направлений регионального развития. Региональные импульсы при всей их разновариантности, противоречивости и асимметричности во многом определяют политический «климат» в масштабах всего государства. Внимание исследователей к региональным процессам связано с общей направленностью социально-политического развития России в конце прошлого века, которое выражается и характеризуется возрастающей ролью политических элит регионов, концентрацией в их руках ключевых властных и управленческих ресурсов. Значение Северо-Кавказского федерального округа в социально-политическом развитии страны возрастает. От стабильности ситуации в этом регионе, находящейся в прямой коррелятивной связи со структурой элит, способами и методами использования элитами властных ресурсов, во многом зависит обстановка на Юге России. В этой связи понятен и закономерен научный интерес к анализу региональных политических элит в субъектах СКФО.

Актуальность заданной теме придает и тот факт, что проблема элитогенеза является чрезвычайно дискуссионной. При наличии большого количества опубликованных материалов по тематике исследования, данная работа восполняет определенный пробел в политической науке, представляя интерес для улучшения качества управляемости на федеральном и региональном уровне. Исследование основных тенденций динамики и позиционирования элитных групп может стать основой для моделирования общих тенденций политического развития страны в долгосрочной перспективе, для дальнейших разработок различных аспектов проблемы регионального элитогенеза.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭЛИТОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

1.1. Категория «политическая элита» в элитологических концепциях

Современный политический процесс — как последовательная смена состояния социально-политической действительности и, в первую очередь, политической системы, образуется деятельностью акторов и их взаимоотношениями. Среди акторов политических процессов, как показывает практика, особое место занимают политические элиты. Все аналитики согласны с тем, что в политических процессах элиты играют доминирующую роль. Следовательно, присущие элитам интересы, ценностные и целевые установки, взаимодействие типов и уровней элит имеет огромное значение и требует особого внимания исследователей.

Идеи политического элитизма зародились еще в эпоху древнего мира. Крупнейший китайский мыслитель Конфуций разделил общество на чиновников, занимающихся умственным трудом, и простолюдинов, работающих физически.¹ Древнегреческий ученый Платон выделял особую привилегированную группу (философов-аристократов), которая знает, как управлять государством, и выступал против того, чтобы к управлению допускались выходцы из низов². В последующий исторический период представления об элите не были связаны с социальными изменениями в обществе, в частности, с ускорением или замедлением происходящих социальных процессов. Политические

¹ История китайской философии. — М., 1989. — С. 74.

² См. Платон. Сочинения. — М., 1972.

процессы трактовались как результат божественного предопределения, независимый от деятельности человека, а в более поздних теоретических конструктах — как закономерное действие социальных механизмов.

Система взглядов и представлений в виде теорий элит сформировалась в социологии и политологии на рубеже XIX-XX вв. А в конце XX — начале XXI вв. в связи с трансформацией социальной реальности произошло изменение представлений об элитах. В современной политической науке можно выделить следующие основные направления элитизма: макиавеллистская школа; ценностные теории элит; теории демократического элитизма; концепции плюрализма элит; леволиберальные концепции; критические теории элит (марксистские и неомарксистские).

Концепции, принадлежащие к макиавеллистской школе, объединяют следующие идеи:

- наличие у представителей элитарных кругов особых качеств, которые связаны с природными дарованиями, воспитанием и проявляются в способностях к управлению обществом;

- групповая сплоченность элиты,

- наличие профессионального статуса, особого социального положения;

- признание элитарности любого общества, неизбежность его деления на привилегированное властвующее меньшинство и пассивное большинство;

- доминирующая, руководящая и конструктивная роль элиты в обществе;

- формирование и смена элит в результате борьбы за власть.

Согласно теории Н. Макиавелли — одного из самых известных политических деятелей эпохи Возрождения, заменившего этику ценностным познанием структуры

власти, представители правящего класса подразделяются на «львов», которые обладают чувством преданности государству, консервативно настроены, не боятся применять силу, и на «лис» — изворотливых, хитрых, беспринципных реформаторов.¹ Впоследствии образы льва и лисицы послужили основой концепции «циркуляции элит» итальянского мыслителя Вильфредо Парето. Безусловной заслугой Парето является введение в социологию термина «элита», несмотря на то, что сам он применяет такие понятия, как «правлящий класс», «высший слой общества» и «аристократия». Социальная стратификация, с его точки зрения, представляет собой пирамиду, которая состоит из двух слоев: на вершине находится немногочисленный «высший слой», а в нижней части — «низший слой», т.е. основная масса населения. Генезис элиты связан с появлением внутри общества пассионарной группы, которая первоначально не имеет власти, не допускается к ней существующей правящей элитой, хотя и стремится к власти. Она является базовой основой новой элитной группы, выступающей в рамках старой политической системы в качестве контрэлиты. Таким образом, в теоретических постулатах В. Парето внимание концентрируется не только на самой элитарной группе, но и на динамическом характере элит. Парето концептуально оформил многочисленные идеи Платона, Ф. Ницше и др., подробно проанализировал причины гибели правящей элиты и сделал попытку разграничить понятия элита и правящая элита.

Концепция правящего класса, как субъекта политического процесса, сформулированная другим итальянским мыслителем Гаэтано Моской,² обосновывает деление общества на господствующее меньшинство и политически

¹ См. Макиавелли Н. Государь. — М., 2005.

² Моска Г. Элементы политической науки // Социс. — 1995. — № 8.

зависимое большинство — массу. Главным критерием рекрутации правящего меньшинства является наличие определенных способностей, востребованных для политического управления в конкретную эпоху. Во взглядах Моски прослеживаются идеи трансформации, а не циркуляции элит. Господство элиты — главная идея, при помощи которой правящее меньшинство старается утвердить свою власть и убедить большинство в ее легитимности. При сопоставлении взглядов Парето и Моски становится очевидным, что наряду со сходством основных положений существуют и отличия. Если Парето делает акцент на замене одного типа элит другим, то Моска подчеркивает постепенное проникновение в элиту «лучших представителей». Моска абсолютизирует действие политического фактора, в то время как Парето объясняет динамику элит психологически. Впоследствии те или иные положения концепций итальянских мыслителей подвергались критике, в частности, с точки зрения перегруженности ценностными суждениями.

Немецкий ученый Роберт Михельс, соглашаясь с Моской в определении причин элитарности, особое внимание уделил организаторским способностям, а также организационным структурам общества, усиливающим элитарность и возвышающим управляющий слой.¹ Главное отличие теории Михельса от концепций итальянских ученых, заключается в том, что он делает акцент не на властных группах, а на специфических сообществах, которые осуществляют управленческие прерогативы в организации. На основе исследования структуры существовавших в то время политических партий, Р. Михельс приходит к выводу, что олигархизация является неизбежной формой жиз-

¹ Михельс Р. Демократия и железный закон олигархии: глава из книги «Социология политической партий в условиях демократии // Диалог. — 1991. — № 3. — С. 42-46.

ни крупных социальных структур. В соответствии с «железным законом олигархии» Михельса демократия, даже если она возможна, неизбежно перерождается в олигархию. Таким образом, Михельс делает акцент на особых, специфических интересах высших слоев общества гораздо в большей степени, чем Парето и Моска. Несомненной заслугой немецкого ученого является то, что концепцию элит он распространил на все крупные социальные группы и провозгласил один из немногих законов социологии и политологии.

Концепции классиков элитологии послужили основой для широких теоретических, а впоследствии и эмпирических исследований социальных групп, участвующих в управлении государством или претендующих на это. Выдающийся русский ученый, политолог М.Я. Острогорский отмечает борьбу олигархических и демократических тенденций в политических организациях и отсутствие фатальной предопределенности олигархичности в политическом процессе.¹ Теория М.Я. Острогорского, явившаяся классическим элитологическим исследованием, оказала влияние на все развитие элитологии, в частности, на мировоззрение крупнейших современных политологов, таких как Р. Арон, С. Липсет, К. Поппер, на концепции элитарного плюрализма.

Последователи макиавеллистской школы: П. Блау, Ж. Сорель, Э. Фромм, А. Адлер, Р. Стогдилл² и другие уче-

¹ См. Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. — М., 1997.

² Блау П. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль — М., 1994. — С. 8-29; Сорель Ж. Социальные очерки современной экономики. — М., 1908; Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.П.. Сумерки богов. — М., 1990; История социологии в Западной Европе и США/Отв. ред. Г.В. Осипов. — М., 1993. Гл. 12. — С. 278-309.

ные развивали и переосмысливали отдельные положения, составив характеристику конкретных особенностей политических элит и лидеров, раскрыли и уточнили на этой основе взаимосвязь между индивидуальными свойствами правящего класса и основаниями господствующего политического порядка. Однако фундаментальные основы классической теории элит остаются и поныне практически незыблемыми. Проследившая эволюцию макиавеллистской теории элит, можно сделать следующие выводы: приверженцы данного направления считают, что власть меньшинства над большинством постоянна. С их точки зрения, историческое развитие всех цивилизаций — от самых первых до современных сложноорганизованных систем показывает, что господствующее меньшинство монополизирует политическую власть, управляет большинством населения и обеспечивает политическое развитие государства и общества.

Современные авторы, рассматривая элиты в макиавеллистском ключе, выделяют общие принципы, образующие концептуальную базу классической теории элит. Они считают, что политическая власть, как и все социальные ценности, распределена неравномерно; люди делятся на две группы: тех, кто имеет и тех, кто не имеет власть; элита единая и однородная, ее представители имеют сходные мотивации к деятельности и обладают идентичными системами ценностей; элита является автономной никому не подотчётной за свои решения группой, решающей важные социальные вопросы в соответствии с собственными интересами. Имея множество последователей, макиавеллистские теории элит, тем не менее, постоянно критиковались за антидемократизм, низкую оценку активности и роли народных масс, недостаточное внимание к процессам эволюции общества. Преодолеть слабые стороны макиавеллистских

теорий пытались последователи других направлений этиологии.

Согласно ценностным теориям, элита является главной конструктивной силой общества. Элитарность выступает в качестве одного из главных условий эффективного функционирования любого государства и основывается на естественном разделении исполнительского и управленческого труда. Закономерно вытекая из равенства возможностей, она не противоречит демократическим принципам. К представителям ценностного подхода можно отнести испанского философа Хосе Ортега-и-Гассета, который противопоставлял духовную элиту, творящую культурные ценности, пассивной управляемой массе, бессознательно следующей стандартизированным обычаям и привычкам.¹

Базовые положения ценностных теорий послужили основой концепции демократического элитизма (элитарной демократии), рассматривающей развитие демократических тенденций, как результат конкуренции между потенциальными руководителями за доверие избирателей.² Школа демократического элитизма связана с именами Й. Шумпетера, К. Манхейма, Т. Дая, Х. Зиглера, Дж. Сартори, Г. Лассуэла³ и др. исследователей, которые пытались соединить принципы демократии с реалиями существования в структурах современных социумов элитных слоев. В целом они подходили к вопросу выделения элиты из масс с

¹ См. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. — М., 2008.

² См. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. — М., — 1995.

³ См. Манхейм К. Проблемы интеллигенции. Демократизация культуры. — Ч.1. — М., 1993; Dye T. Who's Running America? The Clinton Years, 6-th ed., N. J., Prentice Hall, 1995; 7-th ed., 2000; Зиглер Х. Демократия для элиты: введение в американскую политику. — М., 1984; Сартори Дж. Вертикальная демократия // Политические исследования. — 1993. — №2.

точки зрения меритократии (элита по заслугам, достижениям). Исключением служит концепция Г. Лассуэла,¹ который с альтиметрических позиций, отбросив ценностные критерии, рассматривал представителей элиты, как немногочисленную часть общества, имеющую наибольшую власть. Согласно концепции демократического элитизма, от качества элиты серьезно зависит социальная ценность демократии, а демократия означает, что народ имеет возможность согласиться или не согласиться, с тем, чтобы им управлял тот, или иной представитель элиты.

Плюралистическая концепция элит, также получившая распространение в рамках ценностных теорий, базируется на положениях, согласно которым в органах власти существует несколько элитных групп. Каждая из них подчинена собственным механизмам развития, обладает зоной властного влияния, авторитетом и выражает специфические интересы различных слоев населения. основоположники плюралистической концепции — Р. Даль, Д. Трумэн, Д. Рисмен, С. Липсет,² и др. считали развитие современного политического процесса в США и странах Западной Европы результатом взаимодействия и конкуренции между «группами давления». Политическая власть распределена между несколькими альтернативными «центрами влияния» — государственными и общественными. Доминирующая элита отсутствует, а представители административно-бюрократических группировок выражают интересы всего общества, достигшего консенсуса. В отличие от своих предшественников, представители концепции плюрализма элит пошли еще дальше в углублении интеграции прин-

¹ См. Лассуэлл, Х. Власть и персоналии — М., 1989.

² Dahl.R Who Governs? New Haven: Yale Univ. Press, 1961. Липсет, С. М. Третьего пути не существует. (Перспективы левых движений) // Политические исследования. — 1991. — № 5. — С. 15-32.; Рисмен Д. Лица в толпе — СПб, 1952.

ципов демократии с традиционными представлениями о существовании элитных групп в обществе. Они считали, что дифференциация современного общества послужила основой для существования множества типов элит, выражающих интересы различных социальных групп. Между элитой и внеэлитными группами располагаются такие политические акторы, как группы давления, партии и т.д.

Основные положения леволиберальных теорий элиты противоположны концепциям плюралистического элитизма. Чарльз Миллс, один из основателей данного направления, разделяя некоторые взгляды Парето и Моски, еще в середине XX века пытался обосновать, что в США существует одна властвующая элита. Главным элитообразующим признаком выступают не выдающиеся индивидуальные особенности претендента, а нахождение на руководящих должностях, командных позициях. Элита «состоит из людей, занимающих определенные властные позиции, которые дают возможность принимать решения, имеющие широкие последствия».¹ Именно обладание ключевыми позициями в политике, экономике, силовых структурах и других институтах является основой властных отношений и институционализирует элиту. Синтезирующим фактором элиты является не столько личная заинтересованность входящих в неё групп относительно сохранения привилегированного положения, сколько общность социального статуса, культурного и образовательного уровня, ценностных ориентаций, круга интересов, а также родственные связи. Хотя Миллс остро критикует господствующую элиту США, он все же не является сторонником классового марксистского подхода, согласно которому политическая элита выступает в качестве выразителя интересов монополистического капитала.

¹ Миллс Р. Властвующая элита. — М., 1959. — С. 124.

Глубокое различие между элитой и массой Миллс видит в том, что выходцы из народной среды могут претендовать на вхождение в элиту, лишь при условии нахождения на высоких постах в общественной иерархии. Однако, на самом деле, они имеют очень мало реальных шансов: при помощи денежных средств, полученных знаний, выработанного механизма манипулирования сознанием властная элита способна управлять обществом практически бесконтрольно. Политическая элита представляет собой «треугольник власти», в который входят политики, высшая администрация, представители деловых кругов. Они абсолютно контролируют и формируют властные институты, управляют государством, осуществляют руководство крупными банками и корпорациями. Возможность решающим образом оказывать влияние на различные стороны общественной жизни обеспечивается как концентрацией стратегических ресурсов в руках политической элиты, так и поддержанием определенного уровня репутации членов элиты.¹

Идеи Р. Миллса послужили методологической основой теории элит, в рамках которой сформировался функциональный подход. С. Келлер в рамках концепции плюрализма элит определила элиту как «меньшинство», которое предназначено для эффективного и ответственного служения коллективу общественно полезным путем². В. Мюлман относит к элите «социальную общность», выделяющуюся по объективному положению в обществе способностью к «самоизбранию», к «самопрезентации», самооценке собственных возможностей. Аналогич-

¹ См. Шварценберг Р.Ж. Политическая социология. — М., 1993. — Т.3

² См. Келлер С. Стратегические элиты в современном обществе. -Киев, 1994.

ной точки зрения придерживается Ф. Теннес, согласно утверждению которого члены элиты воспринимают себя, как класс, чувствуют свое превосходство и считают себя избранными.

Для современного подхода к интерпретации дефиниции «элита» характерно признание микроэлит в различных сферах жизни общества.¹ Большинство авторов современных элитологических концепций рассматривает элиту, как особую группу, которая обладает высокими социальными, политическими, психологическими качествами, владеет определенным уровнем информации и наделена способностью оказывать непосредственное влияние на принятие важнейших политических решений. Основатели ноократической концепции элит Дж. Гэлбрэйт, Д. Бэлл, Дж. Бернхейм (автор менеджментной теории элиты) продолжают традиции макиавеллистской школы. Радикальные изменения в политическом классе они связывают с появлением нового социального слоя — управленческой элиты (менеджеров), потеснившей класс собственников материальных ресурсов. Согласно теории Дж. Бернхейма, политическое господство управленческой элиты основано не столько на обладании собственностью или возможностью распределять ресурсы, сколько на образованности, знаниях, профессиональной компетентности. При этом основным мотивом социальной активности выступает политическая власть.²

Американский экономист Дж. Гэлбрейт отмечал, что элита — это «технократы», которые способны на профес-

¹ Бирюкова Н. С. Социально-философский анализ концепта «элита» в классических и постклассических теориях элитообразования // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал) — № 4 (12). — 2012 // www.sisp.nkras.ru

² Burnham James, *The Managerial Revolution: What is Happening in the World*. New York: John Day Co., 1941; p. 29.

сиональном уровне превратить свои специальные знания в господство в различных отраслях деятельности, на уровне отдельных организаций и обладают выдающимися организаторскими способностями.¹ Основатель теории постиндустриального (информационного) общества Д. Белл определяет элиту, как социальную группу профессионалов-технократов и «больших ученых». Для данной социальной страты характерен высокий уровень образования, профессионализм, соответствующая техническая квалификация, креативность и обучаемость. Образование выступает в качестве одного из способов доступа к власти. Во властные структуры приходят интеллектуалы, которые обладают наибольшим культурным капиталом и культурой политического дискурса.²

Существенной деталью, наглядно характеризующей постклассические теории элит, является система критериев элитарности, в которую включены такие факторы, как критерий самоидентификации, самооценки. Эта позиция отражена в работах Ф. Теннеса и В. Мюльмона³. Обобщенная позиция постклассической интерпретации элит отражена в определении, которое предлагают А. Сванн, Дж. Мэнор, Э. Куинн, Э. Райс: элита — это те, кто контролирует большую долю материальных, символических и политических ресурсов общества, занимает высшие властные позиции и имеет наивысший престиж.⁴

Некоторые авторы, основываясь на разграничения сфер влияния элит, выделяют внутри элиты отдельные

¹ См. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. — М., 2004.

² См. Белл Б. Грядущее постиндустриальное общество. — М., 2004.

³ Tonnies F. A new evaluation: Essays and documents/Ed. and with introduction by W.J. Cahnman. Leiden: E.J. Brill, 1973;

⁴ Сенистебан Л. Основы политической науки. — М., 1992. — С. 36.

сегменты. По степени влияния на политический процесс П. Шаран ¹ делит элиту на три группы:

— «высшая» элита — непосредственно участвующая в процессе принятия решений или оказывающая на него существенное влияние. В странах Западной Европы на один миллион жителей приходится около 50 представителей высшей элиты, а в США в состав высшей элиты входит примерно 10 тысяч человек;

— «средняя» элита — принадлежность к которой определяется уровнем дохода, наличием профессионального статуса и высшего образования. По мнению автора, средняя элита в демократиях западного типа составляет около 5% населения;

— «административная» элита, включающая высший слой государственных служащих, профессиональных управленцев, которые сохраняют нейтралитет и не высказывают своих партийных предпочтений.²

Представители элиты обладают сопоставимыми размерами экономического, политического и культурного капитала. Объем и структура личного капитала делает их «отборной частью» общества, а высокая степень самоидентификации и групповой сплоченности — самой организованной частью населения, доминирующей над остальной массой. Между этими частями — господствующей и подчиненной — существует труднопреодолимая для основной массы представителей низов социальная перегородка.

Американский политолог М. Юсим для описания правящей элиты США и Великобритании ввел термин «внутренний круг» власти, в который он включил лидеров бизнеса (руководителей крупнейших корпораций), поддерживающих систематические контакты друг с другом и полити-

¹ См. Шаран П. Сравнительная политология. — М., 1997. — Ч.1

² Там же.

ческими лидерами (конгрессменами, высшими администраторами, руководителями партий и т.д.). Важнейшие государственные решения принимаются в пределах этого круга, главным образом в рамках таких неофициальных форм общения, как общественные клубы, светские приемы, встречи и т.д., а затем проводятся через официальные структуры власти. Таким образом, бизнесмены получают доступ к власти, а политики — к источникам финансирования своей деятельности.¹

Помимо высшей политической элиты, принимающей важнейшие решения и состоящей из профессионалов-политиков, Р. Арон², выделяет еще несколько категорий:

- «духовная власть», в которую входят лидеры профессиональных организаций и интеллектуальная элита;
- руководители военной элиты и силовых структур;
- крупные владельцы собственности или управляющие средствами производства;
- лидеры профсоюзов и политических партий;
- «административная власть», состоящая из функционеров высшего звена. Структурирование элиты происходит на основе синтеза различных дополнительных факторов — объемов ресурсов политического господства, характера властного влияния, конкретных показателей образа жизни (образования, досуга, ценностных ориентаций и т. д.).³

На рубеже XX-XXI веков в связи с трансформацией социальной практики возникла необходимость изменения понимания концепта «элита», ранее характерного для классических теорий элитообразования. Анализируя

¹ Useem, M. *The Inner Circle: Large Corporations and the Rise of Business Political Activity*. N. Y.: Oxford University Press, 1984.

² См. Арон Р. *Этапы развития социалистической мысли*. — М., 1993.

³ Там же

концепции Т. Карлейля, М. Рокича, С. Келлер, Л. Фройнды, Т. Драйтцеля, В. Мюлмана, Д. Рисмена, Г. Эндрувайта, П. Штомпки, О. Штаммера, Т. Дая, М. Арчера, П. Бурдые и других ученых можно выделить черты и характерные особенности активного и динамичного процесса, включающего социологизацию, рационализацию (десакрализацию) и субъективацию критериев элитарности, рассматривать категорию «элита» в зависимости от тех форм, которые принимают социальные группы (политическая, интеллектуальная, бизнес- элита и т.д.)¹.

Марксистское учение является серьезным теоретическим оппонентом элитистских теорий. Карл Маркс и его последователи признавали, что в обществе существует правящее меньшинство — владельцы средств производства. Однако на определенных этапах развития общества, например в переходный период от социализма к коммунизму, власть меньшинства сменится другой формой управления, где любой представитель общества сможет осуществлять определенные управленческие функции. В конечном итоге функции социальной власти и управления возьмет в свои руки большинство общества, а государство в качестве аппарата, стоящего над обществом, постепенно прекратит свое существование.² В обществоведении советского периода теории элит рассматривались, как

¹ См. Roceach M. *The Nature of Human Values*. N. Y., 1973; Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. — М., 2001; Келлер С. Стратегические элиты в современном обществе. — Киев, 1994.; Эндрувайт Г. Элиты и развитие: теория и исследования влияния элит на процессы социально-политического развития // Политическая наука. Элиты в сравнительно-исторической перспективе. Проблемно-тематический сборник. — М., 1998; Дай Т.Р. Демократия для элиты. — М., 1994; Штомпка П. Социология социальных изменений. — М., 1996; Бурдые, П. Социология политики. — М., 1993.

² Нарта Д. Теория элит и политика: к критике элитаризма. — М., 1978. — С. 127.

антидемократическое, псевдонаучное направление общественной мысли. Термин «элита» в советской научной литературе упоминается лишь во второй половине XX века в рамках критики «буржуазной социологии».

Анализ социальных отношений с позиций элитологической проблематики в нашей стране был под запретом, а в официальных советских документах, общественно-политической литературе, публицистике термин «элита» никогда не употреблялся. Согласно социалистической идеологии, в советском обществе, состоящем из рабочих, крестьян и прослойки интеллигенции, рекрутируемой из данных общественных слоев, господствующего класса не существует. Но, несмотря на негативное и критическое отношение к элитизму, доминирующая роль партии рабочего класса, призванной руководить обществом до построения коммунизма и полной ликвидации мировой буржуазии, была обоснована именно в трудах В. И. Ленина. Попытки практической реализации партократической теории осуществлялись в Советском Союзе и странах социализма. Анализ теоретических постулатов В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, И. В. Сталина¹ позволил выделить следующие основополагающие черты партократической концепции:

— наличие глобального, мессианского характера партийно-государственной элиты, который выступает в качестве интернациональной силы и обусловлен историческим призванием элитных групп к руководству в процессе перехода человечества от капиталистической формации к коммунистической, от предыстории человеческой цивилизации к его подлинной истории;

¹ Ашин Г. К. Современные теории элиты: критический очерк. — М., 1985; Ильин В. И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917-1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистического анализа. — Сыктывкар, 1996. — С.122-135.

— непосредственное руководство, осуществляемое элитой в области всех сфер общественной практики: от политической и экономической областей до воспитания нового человека на основе морального кодекса строителя коммунизма;

— требование формальных критериев принадлежности к партийно-государственной политической элите, обязательное условие социального происхождения (из среды рабочих и крестьян), которое обуславливает способность к восприятию подлинно научной марксистско-ленинской идеологии, легитимирующей политическое господство;

— существование жесткой иерархичности партийной элиты, наличие высокой степени групповой сплоченности и интеграции;

— концентрация фактической власти в руках высшего партийного руководства (Генерального секретаря ЦК КПСС и Политбюро).

Партократическая концепция отрицала элитарность, социальное неравенство и политическое господство. Поэтому элитарный характер партийного идеологизированного государственного аппарата длительное время оставался практически незаметным для широких народных слоев. Можно отметить, что и на современном этапе развития общества объектом дискуссии в области социально-политических наук остается вопрос о том, является ли политическая элита внеклассовой социальной структурой, выражающей совокупный интерес общества в целом. Или же к элите следует отнести верхушку экономически господствующего класса, который осуществляет руководство обществом для поддержания функционирования социальной системы, выдвигающей этот класс на привилегированные позиции.

Анализируя роль бюрократии, выражающей совокуп-

ный интерес господствующего класса, К. Маркс называл ее конечной целью государства. При этом эгоистический интерес она (бюрократия) пытается представить, как всеобщий, и защищает, тем самым, мнимую всеобщность особого интереса¹. Элитарные теории находятся в конфликте с марксистской теорией классовой борьбы. В Манифесте Коммунистической партии провозглашается, что история всех, до сих пор существовавших обществ, была историей борьбы классов, в то время как основной тезис элитарных теорий состоит в том, что история всех, до сих пор существовавших обществ, была историей борьбы элит.

Крах советской системы положил начало широкомаштабным дискуссиям о категории «элита», применительно к высшему политическому руководству нашей страны и о том, является ли элита сложившимся социальным слоем или же она находится в процессе своего формирования. Социологический анализ трансформации элитных групп одними из первых в отечественной политической науке провели Ф.М. Бурлацкий и А.А. Галкин². Опираясь на теоретические постулаты М. Вебера, авторы поднимали проблемы состава, рекрутирования, мобильности элиты, анализировали роль политической личности (вождей и их советников), а также обращались к историческим персоналиям элитной группы. Они отмечали, что с течением времени изменяются ценностные ориентации элит, жесткие принципы вертикальной рекрутации сменяются рациональными, основанными на общественных достижениях.

¹ См. Маркс, К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта/Маркс К., Энгельс Ф. — Т. 7. — М., 1989.

² См. Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма — М., 1985; Галкин А. А. Новые ростки политической науки // Российская политическая наука. — Т. 3. — М., 2008; Галкин А. А. Правящие элиты современного капитализма // Российская политическая наука — Т. 3. М., 2008

Возникает большое количество новых элитных групп, внутренний состав, социальный статус и критерии отбора которых также меняются.

Серьезный вклад в формирование теории элит на современном этапе внесли видные российские социологи и политологи: Г. Ашин, М. Афанасьев, Я. Пляйс, О. Гаман-Голутвина, О. Крыштановская, А. Понеделков, А. Старостин, А. Чирикова, Н. Лапина, В. Мохов и др.¹ Большинство современных российских авторов указывает на появление нового класса — профессиональных управленцев, который становится подлинной элитой и оттесняет на периферию класс собственников на средства производства. К новой элите относятся представители высших эшелонов партийной бюрократии и технократии. Подобная трактовка выглядит достаточно дискуссионной, так как в рамках российской действительности представители бизнес-элиты занимают довольно высокие позиции в иерархической структуре власти.

Категория «политическая элита» не предусматривает качественных критериев восприятия элиты обществом (как это неизбежно в случае интеллектуальной и куль-

¹ См. Афанасьев М.Н. Клиентела в России вчера и сегодня // Полис, 1994. — № 1; Ашин Г.К. Правящая элита и общество //Свободная мысль. — 1993. — № 7; О.В. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты: определение основных понятий //Полис. — 2000. — № 3; Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. — М., 2005; Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Стратегия региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор. — М., 2000; Лапина Н.Ю. Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российском обществе. — М., 2004; Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России (1950-1990). — Пермь, 1998; Карабущенко П.Л. Политическое образование для становления элит // Полис. — 2000. — № 4; Карабущенко П.Л. Элитология образования: методология и теория //Элитологические исследования. — 1998. — № 2-3.

турной элиты) и количественных параметров измерения, помогающих обозначить границы бизнес-элит. Некоторые отечественные исследователи к политической элите относят лиц, которые принимают стратегически важные решения или непосредственно влияют на этот процесс, включая естественно, противодействие принятию подобных решений. Следовательно, в состав элитных групп, как в «центре», так и в регионах России, включены представители правящих, оппозиционных, силовых структур, профессиональных союзов и т.д.¹

Современные российские исследователи выделяют региональные и федеральные политические элиты. В отечественной элитологии широкую известность получили: концепции региональных элит Санкт-Петербургской и Ростовской элитологических школ, концепция этнократических элит, концепция социально-управленческих типов взаимодействия элит, культурно-исторических типов элит, ценностной обусловленности деятельности элит, в которых прослеживается как выход в широкий социально-политический контекст, так и достаточно конкретная характеристика российских политических процессов того или иного исторического периода. В совокупности конкретно-теоретические и парадигмально-элитологические конструкты создают содержательный образ российской политики, реконструированной с позиции элитологии.²

В российской элитологии присутствует полицентрическая модель, фиксирующая разнообразие моделей взаи-

¹ Дискин И.Е. Элиты как субъекты российских реформ // Вестник московского университета. Серия 12, Политические науки. — 1996. — № 1. — С. 10-17.

² Старостин А.М. Философия элитологии: статус научного направления и базовые проблемы // Философия элитологии. Сб. трудов Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием/Науч. ред. А. М Старостин. — Ростов н/Д, 2013. — Т. 3. — С. 9

модействия элит. Если в западной политологии главенствует институциональная (неинституциональная) доктрина в элитологических исследованиях, то российские элитологи, отталкиваясь от институтов, в итоге апеллируют к лидерам, отчетливо осознавая слабость российских политических институтов и их формальную роль в элитогенезе. Часть российского элитологического научного и экспертного сообществ исходит из институциональной идентификации российских элит, другая часть идентифицирует их в качестве неполноценных элит или антиэлит. Так, например, с точки зрения А. М. Старостина более доктринально-репрезентативной является позиция о незавершенности процессов институционализации элитогенеза и обозначение российских элит в качестве протоэлитных сообществ.¹ В данном случае речь идет о полицентричной модели элит в многосоставном российском обществе.

Таким образом, направленность элитологических исследований определяется, в первую очередь, постановкой вопроса о существовании правящих групп, определяющих развитие общества, и анализом качественных характеристик этих групп. Элитологические исследования составили значительный теоретический и эмпирический материал, на основании которого можно воссоздать логику политического процесса, дать его новые интерпретации. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что термин «современная политическая элита» в социальных науках не имеет единого и однозначного определения, а в российской элитологии сама эта центральная категория является предметом острых дискуссий. Согласно накопленный опыт теоретического анализа, можно сформулировать новое авторское видение понятия «современная политическая элита».

¹ См. там же.

Современная политическая элита — это доминирующий актор современного политического процесса, немногочисленная, образованная социальная группа, которая обладает наивысшим статусом в системе властных диспозиций иерархизированного общества, нуждается в легитимации своей политической деятельности, образует систему глубоких внутренних связей и коммуникаций, позволяющих профессионально непосредственно или опосредованно воздействовать на сферу властных отношений и политического управления на различных уровнях. Концентрируя в своих руках материальные и нематериальные ресурсы, предопределяя пути и формы политического развития, она выражает социально-политические интересы той или иной общности, продуцирует определенные политические ценности, а также является субъектом подготовки стратегических решений и контролирует (или влияет на) процесс их принятия и реализации.

Контрэлита представляет собой социальную группу, сформированную в результате институционализации политического влияния (позитивного или негативного) различных социальных групп, в том числе оппозиционных структур, на ценностные ориентации и поведенческие стереотипы в обществе, обладающую характерными чертами элиты, но не имеющую прямого доступа к властным исполнительным функциям.

Политическая элита, как высший слой в политической иерархии государства, выполняет следующие функции:

— управление страной и принятие ответственных решений;

— инициирование социальных изменений, определение политической программы действий путем генерирования новых идей, отражающих интересы общества, классов, слоев и т.д.;

- создание и коррекция институтов политической системы, осуществление на практике выработанного курса, воплощение политических решений в жизнь;
- укрепление стабильности и единства общества, устойчивости его политической и экономической систем, недопущение и разрешение конфликтных ситуаций;
- функцию рекрутирования, выдвижения из своей среды политических лидеров;
- изучение интересов социальных групп и выстраивание субординации;
- отражение в политических программах потребностей различных слоев общества, реализация общей стратегии реформирования общества.

1.2. Особенности формирования элит в современном политическом пространстве

В конце XX — начале XXI вв. произошло стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, которые, проникая во все сферы социальной действительности, трансформировали прежнюю систему общественных отношений. Современная эпоха перехода индустриального общества в новое качественное состояние — постиндустриальное, информационное общество основана на принципе открытой информации и высокоразвитых информационных технологиях. Все основные сферы жизнедеятельности сегодня в значительной мере находятся под воздействием коммуникационных процессов, охватывающих своим влиянием политические институты, органы государственной власти и местного самоуправления, профессиональные сообщества, экономические институты и сферу услуг.

Характерными чертами современного общественного развития является:

- увеличение роли информационного ресурса в социально-политической и экономической сферах;
- создание глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное информационное взаимодействие всех социальных институтов, доступ к мировым информационным ресурсам;
- определение современного общественного прогресса, прежде всего, развитием информационных технологий.

В социальной сфере расширение доступа к информации становится важнейшим стимулятором изменения качества жизни, формирования и утверждения «информационного сознания». В экономике информация приобретает значение базового фактора дальнейшего развития, выступая в качестве ресурса, услуг, товара, источника занятости. Культурный критерий состоит в признании ценностного характера информации. В области политики информационный ресурс способствует росту участия граждан в политическом процессе и достижению консенсуса между различными социальными группами.

Другой всеобъемлющей тенденцией развития современного общества является глобализация — процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. Ядро политической глобализации — это процесс усиления взаимодействия между элитами, новое качество межэлитных контактов, когда на смену относительно устойчивым альянсам в рамках национальных границ и военно-политических союзов приходит гибкая система временных элитных альянсов, пересекающих государственные рубежи.¹ Глобализация сопровождается

¹ Гаман-Голутвина О. В. Трансформация роли элит и этики госслужбы в условиях глобализации. Материалы Конгресса МАПН (Квебек) // Вестник РАПН. — М., 2000. — С. 8.

снижением возможности национальных элит контролировать национальные экономики и отчасти сферы политики и культуры. Проведение саммитов, форумов региональных ассоциаций стимулирует формирование взаимозависимых элит. Образуется транснациональная элита, ослабевает ее подотчетность национальным электоратам, а значит процессы глобализации, с одной стороны, усиливают политическую власть элит. Современный мир движется к созданию новой страты — корпоративных элит, которые формируются в результате фактического слияния верхушки политических и бизнес-элит и оказывают во многом определяющее влияние на принятие важнейших политических решений.¹ Корпоративные элиты тесно связаны с финансовым капиталом и выступают наиболее мощной и организованной группой давления на власть, используя непосредственные контакты с политиками, подконтрольными СМИ. В начале XXI в. в мире действовало 64 тысячи ТНК, контролирующих 830 тысяч филиалов. Почти 50% экспортных операций США осуществляется американскими и зарубежными ТНК, в Великобритании — до 80%, в Сингапуре — около 90%.² Несмотря на то, что российский бизнес очень молод, многие отечественные фирмы уже вошли в списки ведущих ТНК планеты: «Газпром», «Лукойл», «Роснефть». Одновременно с усилением экономической мощи ТНК возрастает их политическое влияние. Созданы и активно функционируют международные организации, где принимаются решения по ключевым вопросам финансовой, военной и социальной политики. Транснациональные элиты стремятся к осуществ-

¹ Кочетков А.П. Корпоративные элиты в мировой системе корпоративно-экономических отношений // Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием «Элитология России: современное состояние и перспективы развития» — Ростов-н/Д., 2013. — Т. 1. — С. 444

² Там же. — С. 445.

влению собственных проектов, выражающих интересы меньшинства. Методы реализации этих проектов являются крайне жесткими и приводят к обострению обстановки на всем политическом пространстве и нарастанию кризисных явлений.

С другой стороны, опосредованным эффектом глобализации является возвращение элит в состояние неопределенности и высоких рисков, которое считалось нормой в историческом прошлом. Наблюдаются следующие изменения в системе «элита-массы» при глобализации: кризис партий и партийных систем, сложившихся ранее; постепенная маргинализация общественных парламентов и легислатур в связи с усилением влияния экономических структур (МВФ, МБ и др.); распространение деятельности организованных преступных сообществ на глобальный уровень; рост официальной и нелегальной эмиграции; увеличение количества экологических катастроф; виртуализация политики, при которой политический процесс воспринимается обществом как телевизионная картинка. Многополярность современного политического пространства подразумевает как наличие различных центров притяжения в виде государственных образований, так и формирование финансово-промышленных групп, конфессий, глобальных информационных систем, этнических диаспор. Особенности функционирования современного политического пространства существенно изменили факторы групповой сплоченности элит, основания и способы распределения политических ролей, ресурсы, обеспечивающие их господство, ценностные ориентации. Таким образом, можно отметить, что современные политические элиты представляют собой своеобразную систему связей, коммуникаций, объединяющую представителей различных социальных групп, участвующих в

процессе разработки, принятия и реализации политических решений.

Проблема формирования состава политических элит является важнейшим вопросом для обеспечения жизнедеятельности любой системы власти и, безусловно, рассматривается как ключевая, системообразующая. Описанные в политической теории (Б. Рокмэном, Л. Дж. Селигманом, Х. Джэкобом¹ и др.), способы рекрутирования лидеров и элит универсальны; характерные для политического процесса периода раннего и среднего модерна, в ситуации позднего модерна и постмодерна они не потеряли своей актуальности, но функционируют в отдельных странах в зависимости от характера сложившихся политических систем. Если антрепренерская модель в полной мере соответствует основным положениям плюралистической концепции теории элит, то модель гильдий в большой степени соответствует постулатам теоретиков — элитистов. Рекрутирование отражает интегрирующие компоненты социальных и политических процессов, противоречия, сложившиеся в обществе, критерии социальной стратификации, уровень представительности системы, а также структурные изменения в системе политических ролей. В то же время, в качестве независимого фактора, система рекрутирования элит, безусловно, оказывает влияние на вектор основных направлений политической стратегии государства, в том числе, детерминирует порядок политического участия и кооптации, обеспечивает стабильность всей общественной системы.

Механизмы рекрутирования, традиционалистские и конкурентные, напрямую зависят от типа общественной си-

¹ См. Рокмен Б. Политическое лидерство // Советское государство и право. — 1988. — № 5; Elite Recruitment in Democratic Politics // H. Eulau, M. Czudnowski (eds.). New York, 1996.

стемы и ее модели стратификации. Преобладание конкретных каналов рекрутирования зависит, прежде всего, от социальных, экономических и культурных традиций, сложившихся исторически. Динамический фактор рекрутирования находится в соответствии с типом политической системы, спецификой распределения властных полномочий между политическими акторами и институтами. На современном этапе к числу основных институциональных каналов такого рода можно отнести аппарат государственной власти, систему местного самоуправления, армию и силовые структуры, политические партии, общественно-политические движения, конфессиональные организации, систему образования. Доминирование того или иного канала обусловлено социокультурными традициями, историческим развитием, особенностями политического режима и т.д.

Одна из ключевых проблем, с которой сталкиваются современные ученые, состоит в многообразии подходов к анализу процессов формирования, развития и воспроизводства политической элиты. Еще К. Мангейм¹ выделяет аристократический, буржуазный и современный этапы развития общества, отмечая, что каждому этапу соответствует конкретная модель формирования и обновления элитных групп, имеющая принципиальное значение в ту или иную историческую эпоху. В частности, аристократическому этапу развития общества соответствует отбор по крови, буржуазному — отбор по владению и современному демократическому этапу — отбор по достигнутому успеху.

Опираясь на труды классиков элитологии и А. М. Старостина², современные исследователи предлагают несколь-

¹ См. Мангейм К. Очерки социологии знания: проблема поколений — состязательность — экономические амбиции. — М., 2000.

² См. Старостин А. М. Административно-политические элиты России: позиционирование во власти и управленческая эффективность. Ростов н/Д. 2003; Он же — Современные российские элиты: на пути к

ко методологических принципов, позволяющих подробно рассмотреть механизмы формирования и функционирования политических элит¹.

В основе действия принципа антропологической и социальной детерминации элит лежат такие факторы, как естественная дифференциация населения; профессионализация труда; деление управленческих функций на контрольные и распорядительные, обладающие явным приоритетом; политическая пассивность и инертность широких общественных слоев, требующая более активных действий правящей элиты.

Основой принципа циркуляции элит, сформулированного В. Парето,² является периодическое обновление элитных групп за счет новых, динамично развивающихся молодых элит и вытеснения «старых элит», которые постепенно теряют свои властные позиции.

Базирующийся на основных положениях концепции Р. Михельса принцип олигархизации элит³ заключается в неизбежности формирования в любом, даже демократическом обществе, олигархической верхушки, и находит подтверждение в многочисленных примерах олигархического перерождения, даже в случае демократических и декларативно эгалитарных обществ.

новой конфигурации // *Власть*. 2003. № 7. С. 48-55; Он же — Эффективность деятельности государственной власти и управления. — Ростов н/Д, 2005; Он же — Философия элитологии: статус научного направления и базовые проблемы // *Философия элитологии*. — Сб. науч. трудов. — Ростов н/Д, 2013; Старостин А. М., Швец Л. Г. Факторы релевантности в современных элитологических исследованиях // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. — 2012. — № 1;

¹ См. Новиченко А. И. Региональные этнократические элиты: тенденции формирования и специфика политической деятельности (на примере юфо) // *Дисс.. канд. полит, наук*. — Ростов н/Д, 2009.

² См. Парето В. *Указ.соч.*

³ См. Михельс Р. *Указ.соч.*

Действие принципа цивилизационного своеобразия элит заключается в соответствии характера формирования, развития и деятельности элит с конкретной национальной и цивилизационной и спецификой.

Синтез нескольких факторов, лежащих в основе элитообразования, рассматривает О.В. Гаман-Голутвина¹, подчеркивая важность влияния природно-климатических условий, плотности населения, хозяйственного освоения территории, исторических традиций политического развития, культурно-цивилизационных особенностей и внешнеполитических характеристик. Политические элиты не могут существовать обособленно, их развитие и функционирование происходит в конкретном обществе, в результате различных взаимодействий социальных групп и общностей, утверждения специфических культурных и правовых норм, зарождения традиций, выработки основ самой политической деятельности, правил политической игры, оказывающих большое влияние на сущность элитных групп.²

В методологии социально-гуманитарного познания сегодня одно из главных мест отводится контекстуальности, основанной на необходимости изучения всякого социального явления в рамках той культурно-исторической среды, которая породила это явление. Поэтому прежний поиск универсальных категорий и моделей, пригодных при изучении любой страны, независимо от ее социально-исторического своеобразия, признан неадекватным и отвергается многими ведущими учеными.

Приведенные выше теоретические положения можно рассмотреть на конкретных примерах. Р. Миллс, ана-

¹ См. Гаман-Голутвина О. В. Указ. соч.

² См. Покатов Д. В. Отечественная социология о политической элите: история и современность// Дис... доктора соц.наук. — Саратов, 2010.

лизируя процесс формирования элиты в США, объяснял особенности американского элитогенеза отсутствием феодального этапа развития. В отличие от России и государств Европы, американская элита не развивалась на основе феодально-аристократических традиций и в этом заключается ее несомненное преимущество¹. Американская политическая система строилась на демократических принципах, ее парадигмой была демократическая политическая культура и гражданское общество, что оказало существенное влияние на формирование политической элиты, в основе которого лежит антрепренерская система рекрутирования. Трансформационные процессы внутри современного американского общества привели к тому, что элита рекрутируется не только из представителей олигархии и потомков первых переселенцев — группы, которая занимает нишу европейской аристократии, — но и из представителей медиасреды, которая превратилась в один из наиболее перспективных лифтов рекрутирования элиты. Представители элитных кругов, стремящиеся к достижению успеха, должны соответствовать образу представителя медиасреды, как публичной личности.² Кроме того, на современном этапе американская элита начала принимать на себя важную для истеблишмента роль — создание системы социальных кодов, последовательно выстраивающих общественно-политический климат в политическом пространстве, установление формирующего общество неофициальных иерархий, навязывание своей идеологии другим с целью

¹ См. Миллс Р. Указ. соч.

² Рогов И. И. Философия элитологии: старые концепции и трансформация социальных элит постбиполярного мира // Философия элитологии. Сб. трудов Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием/науч. ред. А. М. Старостин. — Ростов н/Д, 2013. — Т. 3. — С. 193.

установления «демократических принципов и улучшения качества жизни», подвергая всесторонней критике нарушителей заведенного порядка. Однако современная политическая элита США так и не стала тем технократическим истеблишментом, который был заявлен в трудах сторонников меритократии. Наблюдаемые явления — прямое следствие информационного века, когда идеи и знания играют не меньшую роль, чем природные ресурсы и финансовый капитал. Представители новой элиты компилятивно-центристского толка способны создать из идеи или эмоции капитал, предпочитая поместную утилитарность обсуждению идеологических и общенациональных вопросов, тем не менее, именно их социально-политические принципы детерминируют в современной общественной жизни.

Для политических систем Великобритании в сравнительном измерении характерен относительно долгий период институционализации демократических практик. Существующая в стране политическая система сформировалась в результате исторического компромисса между элитами и основной массой простых граждан и отражает их реальное влияние в обществе. В современной Великобритании существует жесткое разделение политической, экономической и чиновничьей элит. Правящая партия формирует кабинет министров, в то время как весь остальной государственный аппарат — это чиновники. Обособленность элит носит, скорее видимый, чем реальный характер, взаимодействие элит происходит на неформальном уровне, так как представители бизнеса, политики и госслужащие — выпускники одних и тех же учебных заведений и члены одних и тех же клубов. Традиции эти складывались столетиями, обеспечив единство жестко структурированных элит.

Современная правящая элита Франции в своей основе состоит из чиновников, именно государственная служба является залогом успешной карьеры. Конституция страны отражает исторически сложившуюся традицию управления с помощью сильной исполнительной власти в сочетании с наделением граждан широкими демократическими правами, гарантирующими ограничение власти элит. В современной Германии корпоративность, системная согласованность политической элиты — это воплощение ценностных основ многообразия и партикуляризма, которые носят либерально-демократический характер. Во Франции, Германии, Швеции, Швейцарии бюрократический аппарат выступает в качестве важного канала элитообразования, а большая часть представителей высших эшелонов власти именно государственной службе обязана своим положением в составе политической элиты. В органах местного самоуправления представлено значительное количество парламентариев Германии, Италии, Франции, Австрии. Значение политических партий в процессе формирования элиты также возрастает в большинстве парламентских режимов западных демократий.

Согласно результатам сравнительного исследования социальных параметров институционализации политических элит, в некоторых странах Европы и США значительную роль играет как социальный, так и гендерный аспект. Женщины в современной политической элите европейских стран составляют лишь 8%. Самое большое количество представительниц прекрасного пола наблюдается в составе голландской элиты (15%), наименьшее количество — в составе британской (4%). Выходцы из среды рабочего класса составляют около 7% чиновничьего аппарата европейских стран; 22% представлены в законодательных собраниях. В США 16% членов палаты представителей от

демократической партии происходят из рабочего класса и более низких слоев общества, у республиканцев эта цифра составляет 25%.¹

Политические элиты европейских стран и США различаются и по типу полученного образования. Высшее образование имеют более 90% представителей европейских парламентов и почти 97% государственных должностных лиц. Причем, свыше 40% государственных чиновников Великобритании имеет гуманитарное образование, тогда как в США их количество равно 6%, в Германии — 3%. Среди британских государственных чиновников лица с юридическим образованием составляют 3%, в США — 20%, в Голландии — 40%, в Италии — 55%, а в Германии — около 70%. Что касается представителей законодательных органов власти, подсчитано, что более половины членов палаты представителей США имеют юридическое образование, в то время как в Великобритании — только 20%.² Основной упор в современном глобальном мире делается на поощрение образования и увеличение разрыва между не имеющими высшее образование и обладателями престижных дипломов, которые, по мнению аналитиков, составляют отдельную демографическую категорию. Таким образом, вознаграждение за интеллектуальный капитал в среде политической элиты возрастает, в то время как материальный капитал дороже не стал.³

Согласно исследованиям П. Шарана⁴, показатель зрело-

¹ Lee, Jae Mook. «The political consequences of elite and mass polarization.» dissertation, University of Iowa, 2012. <http://ir.uiowa.edu/etd/3333>; Hussey, L. 2012. Polarized politics and citizen disengagement: the role of belief systems, American Politics Research 20 (10):1-31.

² См. там же.

³ Brooks, D. Bobos in paradise. The new upper class and how they got there. — New York, 2000.

⁴ См. Шаран П. Сравнительная политология. — М., 1997.

сти общества, характер культурных ценностей во многом определяют ресурсы господства и влияния элит, а так же особенности политического имиджа. Взяв за основу влияние этих факторов, индийский политолог разделил элиту на традиционную и современную. К ресурсам властвования традиционной элиты он отнес религиозный фактор, господство обычаев и традиций, культурные стереотипы и т. д. Внутри традиционной элиты П. Шаран выделил ряд «руководящих категорий», влияние которых различно в традиционных и предсовременных обществах.

Власть традиционных элит опирается на обычаи, религиозные верования, богатство и другие установившиеся стереотипы. Сегодня власть религиозных элит на общегосударственном уровне ослабла, но религии все еще влияют на политическую жизнь (например, католические партии в Западной Европе). Некоторые религиозные лидеры открыто оказывают влияние на государственных чиновников (буддистские монахи в Бирме и на Цейлоне). Политические лидеры исламских государств вновь пытаются завоевать поддержку религиозных элит ввиду их влияния на массы (в частности, в Иране, в странах Персидского залива и др.).

При рассмотрении восточных практик, можно отметить большое влияние ментальных особенностей и традиций на формирование политических элит. Например, правящая элита Израиля представляет собой узкий слой общества, в руках которого находится реальная власть. Его формируют верхушечные группы различных общественных страт, которые в совокупности составляют господствующую силу, осуществляющую контроль над экономической, политической и социальной жизнью. Израильская элита не имеет четкой структуры и состоит из евреев западного и восточного происхождения. Последние с трудом прокла-

дывают дорогу в израильский истеблишмент, хотя их доля в крупном бизнесе, военном руководстве и политической структуре возрастает. Влияние политической элиты в Израиле чрезвычайно велико, ее состав и условия функционирования тесно связаны с партийным руководством, что зависит от уникальной роли политических партий и партийной элиты. Особая роль политической элиты объясняется спецификой исторического развития страны, где традиционно отсутствовала земельная, светская и духовная аристократия.

Для политической элиты арабских стран характерно сочетание исторически укоренившихся автократических и новых, еще только нарождающихся демократических механизмов управления при сильном влиянии традиций, которые придают властным структурам (в сознании низшего и среднего класса) легитимность и даже священность. Авторитарные традиции, лежащие в основе политических режимов государств Ближнего Востока и Персидского залива, продолжают оказывать воздействие на поведение лидеров и политической элиты. Полученное ими в демократических странах высшее образование сочетается с местными арабскими традициями. Анализ последних событий так называемой «арабской весны», в частности, ситуация, сложившаяся на современном этапе в Египте, позволяет сделать вывод о возрастании влияния военной элиты, несмотря на неоднородность ее состава и различия в ценностных ориентациях.

Одним из факторов, который в значительной степени влияет на характеристики российских элит, также является система формирования. Россия издревле формировалась как союз удельных княжеств, а затем на протяжении многих лет существовала, как монархия. Увеличивающиеся размеры государства, отдаленность территорий способ-

ствовали развитию провинциализма. Преобладающая в русском менталитете привычка поклоняться монарху, как высшему представителю правящего класса, противостояла политическому плюрализму и способствовала развитию идеологии, основанной на динамическом антагонизме в дихотомии: «хороший — плохой», «свой — чужой», «элита — масса». Отсюда следует особая роль российских политических элит, персонифицирующих законы коммунальности и олицетворяющих коллективистскую мораль. На протяжении тысячелетней российской истории государство стремилось контролировать все общественные институты, но при этом никто не контролировал само государство. Народные массы и в период монархического правления и при тоталитарной однопартийной системе были отстранены от реального выбора представителей политических элит. Политическая трансформация постсоветского периода позволила преодолеть некоторые очевидные недостатки советской административно-командной системы, но добавила новые трудности. Эти долгосрочные факторы оказали большое влияние на российский элитогенез.

Особенностью процесса элитообразования в современной России является его многоисточниковый характер. К числу основных генерирующих элементов можно отнести организации и социальные институты, которые оказались наиболее устойчивыми в период краха социально-политической структуры советского общества. В их числе: партийно-государственная номенклатура, корпоративно-олигархические группы, бюрократия, этнические и клановые связи, силовые структуры, а также организованный криминалитет. В органах власти федерального, регионального и местного уровня — везде консолидируются и доминируют выдвиженцы и представители вышеупомянутых структур. Неоднородный харак-

тер российского общества оказывает влияние на высшие эшелоны власти. Можно согласиться с тем, что современные политические элиты трудно отнести к какому-либо конкретному классическому типу: классовому, сословному, меритократическому, номенклатурному и т.д. В современном российском обществе во многом сохраняются тенденции прошлых лет: усиление патрон-клиентарных и клановых отношений, олигархичность, затрудненность формирования независимых от государства структур и коммуникаций, что препятствует развитию гражданского общества.¹

Социальные движения и общественные организации в российском политическом пространстве развиваются в новой социально-экономической и политической реальности, включающей переходность экономики от государственно-монополистической к смешанной, разрушение хозяйственных связей, социальную поляризацию общества, обнищание значительной массы населения. В результате обостряются общественные противоречия, нарастает экологическая напряженность. Все эти факторы в условиях гласности, активизации средств массовой информации стимулируют зарождение и активное развитие новых социальных институтов, таких как рабочие, экологические, национальные движения и т. п. Особенности современного российского общества определяют и специфику политических партий. На сегодняшний день в нем, по разным данным, функционирует от 60 до 300 политических партий федерального и регионального уровней. Такая множественность отражает не столько многообразие социальных интересов, сколько неупорядоченность и незрелость политических отношений.

¹ Старостин А., Понеделков А. Современные российские элиты // http://www.polit.ru/article/2004/03/24/polit_studies

В современной России помимо традиционных принципов элитного рекрутирования, большую роль играют неформальные практики, такие, как клановость, землячество, семейственность, патрон-клиентарные отношения, основанные на опыте совместной учебы, работы и т.д. Эти практики являются свидетельством того, что у нас в стране сохранились черты гильдийной системы рекрутирования. Каналы вертикальной социальной мобильности в современной России все еще значительно деформированы. Критерии системы рекрутирования элит находятся в противоречии с реальными интересами и потребностями общества. В результате процесс самовоспроизводства элиты, проходивший в условиях автономности, клановости и умения манипулировать работает не на развитие, а на стагнацию и оказывает, тем самым, консервирующее воздействие на весь правящий слой.¹

Вместе с тем, остаются принципы, которые можно отнести и к антрепренерской системе, — прежде всего, многоканальность прихода во власть. В настоящее время наблюдается тенденция к разнообразию каналов формирования элит, ведущая к достижению подвижного равновесия между номенклатурной и конкурентной моделями рекрутирования.

Российские политические элиты — это сложное многовекторное образование, которое невозможно исследовать только в рамках существующих классических теорий. Характер рекрутирования элит, многоисточниковый и многовариантный, включает советскую федеральную и региональную бюрократию, силовые структуры, кримина-

¹ См. Федоренко Н.В. Механизмы системного функционирования управленческой элиты в условиях модернизации современного российского общества // Автореферат дис... д-ра социологических наук. — М., 2008.

литет, финансово-промышленные группировки, «новые» элиты и разрозненную организацию. Социальный «лифт» в постсоветский период поднял на вершину тех людей, которые ранее были далеки от рычагов власти, изменив облик самих представителей элиты. При помощи СМИ они приобрели новую форму, но не смогли трансформироваться качественно.

Очевидным является тот факт, что в постперестроечный период политические элиты не смогли удержать идейные и лидерские позиции. Следует отметить очевидность полной утраты ими воздействия на национальное самосознание. Роль духовного лидера оказалась утерянной. Место «духовного учителя» нации и основного средства культурного воздействия заняли СМИ и информационная элита, их представляющая, а также различные религиозные организации.

В последние годы в современном российском политическом процессе наблюдается тенденция усиления роли конфессиональных (религиозных) институтов. Церковь, заполняя образовавшийся в постсоветский период идеологический и мировоззренческий вакуум, начинает претендовать на роль одного из акторов современного политического процесса и стремится оказывать опосредованное влияние на представителей политических элит. Многоконфессиональный, многонациональный состав России, как бывшей империи, делает очень сложной задачу сохранения политического и мировоззренческого единства. В условиях слабости единого национального экономического пространства, неразвитости правовых институтов, множества этнокультурных и языковых различий в России сохраняется вполне реальная угроза дезинтеграции страны по конфессиональным и этническим признакам. Поэтому государство в своих отношениях с авторитетными конфес-

сиональными институтами стремится любыми средствами достичь не просто нейтралитета, взаимного невмешательства в дела друг друга (как это записано в Конституции), а прямого взаимного согласия, сотрудничества по основным вопросам внутренней и внешней политики.

В современных условиях Русская Православная Церковь рассматривается правящими элитами как исключительно важный ресурс в политической борьбе за власть, в частности, на различных выборах. В обмен на свой авторитет РПЦ может рассчитывать на политическую, правовую и экономическую поддержку государства во всех звеньях и на всех уровнях управления. Другие религии — ислам, иудаизм, буддизм, в силу укорененности в своих этнокультурах, по существу, признаются российским государством союзниками в этом непрерывном процессе обмена государственных ресурсов на моральный авторитет «традиционных религий». После долгих десятилетий притеснений со стороны властей в начале XX века многие лидеры русского христианства стали выступать за активное участие в политике и вхождение в государственную власть. Уже в начале 1990-х гг. в России появились многочисленные христианские партии. Продвигается проект введения основ православной культуры в средних школах. Обозначился процесс подготовки внедрения в армии института военных капелланов из представителей служителей только официально признанных «традиционных» религий.

Немного можно назвать современных стран, где политическая власть так тесно сотрудничала с церковью, как в России, начиная с 2000-х гг. Два духовных лидера РПЦ: Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский, и Климент, архиепископ Калужский и Боровский, в указанный период занимали второе место в рейтингах политического влияния в Смоленской и Калужской областях со-

ответственно. Прежний глава Чеченской Республики А. Кадыров (бывший муфтий Чечни) был профессиональным служителем культа. При передаче полномочий Президента РФ 31 декабря 1999 года присутствовал Патриарх Московский и всея Руси, давший В.В. Путину благословение на его деятельность. С этого момента и в дальнейшем отношения РПЦ с государственной властью постоянно крепли. Концепции и инициативы РПЦ оказались нужны политическим элитам, сложно справляющимся с конструированием общественных идей и ценностей. Высокая активность иерархов РПЦ проявляется в отношении практически всех процессов, происходящих в стране. РПЦ как один из самых многочисленных институтов современного общества взаимодействует с федеральными органами законодательной и исполнительной власти, проводит постоянные консультации с комитетами Государственной Думы, с правительством и администрацией Президента, участвует в обсуждении законов. Призывы Патриарха Кирилла скорректировать политический курс, обращения к интеллигенции митрополита Иллариона, реакция на значимые политические события протоиерея Чаплина свидетельствуют о расширении влияния церкви. Влияние РПЦ на общественный процесс в настоящее время усиливается при активной поддержке государства, православие превращается в важный ресурс идеологического проектирования и идеологической основы власти, что в перспективе ведет к еще большему сокращению расхождений между РПЦ и политическими элитами.

Еще одним важным радикальным процессом переходного периода явилось формирование крупных, средних, и мелких групп собственников. Определяющим критерием выступал сам механизм слияния бизнеса и власти. Отношения между внутриэлитными функциональными группами:

высшим руководством, законодательными и исполнительными органами власти, лидерами политических партий и общественно-политических движений, бизнес-элитой, региональными элитами и т.п. носили нестабильный по времени и интенсивности характер и характеризовались, как изменчивые и дискретные. Это сказалось на функционировании и развитии всей общественно-политической системы в целом.¹

В рамках современных российских политических элит можно выделить страты, которые различаются по объему своих полномочий и уровню компетенции и включают в себя:

1) высшую элиту — немногочисленную социальную группу, принимающую все важнейшие решения (руководителей государства: президента, главу правительства и парламента, лидеров крупнейших партий, их ближайшее окружение);

2) среднюю элиту — лиц, занимающих выборные общественные должности в органах законодательной власти;

3) административную элиту, составляющую высший слой государственных служащих (руководителей министерств и ведомств, других государственных органов). Эта элитная группа менее зависима от результатов выборов, а поэтому в наименьшей степени проницаема для общественного давления и контроля;

4) региональные элиты — ведущих политических лидеров местного уровня, губернаторов, мэров крупных городов.

Элитные группы различаются по степени своей интегрированности в политическую систему и подразделяются на:

— правящую элиту, для которой характерно реаль-

¹ См. Старостин А., Понеделков А. Указ.соч.

ное обладание рычагами и механизмами осуществления властных решений;

— оппозиционную элиту, которая при всей интегрированности в систему властных отношений может выражать взгляды, расходящиеся со взглядами доминирующей группы;

— несистемную оппозицию — часть контрэлиты, которая в силу своей нелояльности и непримиримости исключена из системы властных отношений и отвергает существующую политическую систему.

Институт оппозиции является основой существования демократического общества, так как с его помощью осуществляется рекрутирование политических элит и контрэлит, обеспечивается функционирование институтов гражданского общества. Оппозиционные организации в России делятся на две категории, которые в российской прессе называются «системной» и «несистемной» оппозицией.

Под «системной оппозицией» подразумеваются официальные политические партии, имеющие право принимать участие в выборах. «Несистемная оппозиция» — это политические организации, которые реально существуют, но не являются признанными государством и не имеют права участвовать в выборах. Как правило, им доступна лишь одна информационная площадка — Интернет. Уровень осведомленности граждан России о деятельности этих организаций не высок, но они имеют возможность оказывать определенное влияние на наиболее высокообразованных, относительно состоятельных граждан, в основном проживающих в крупных городах страны.

Оппозиция выступает в качестве конкурента властной элиты и сама по себе является контрэлитой, которая уже в рамках своих партийных или иных общественно-политических организаций проявляет организаторские способ-

ности и в той или иной степени влияет на политический процесс.¹ Современная российская контрэлита достаточно многочисленна, но далеко не едина, имеет, в большинстве случаев, разнонаправленные интересы и предполагает противоположные векторы развития, но не обладает национально ориентированной идеологией, что в значительной степени ослабляет ее позиции. В состав контрэлиты входят, как правило: интеллектуальная элита, граждане, обладающие способностями к управлению и не нашедшие им применения в рамках существующей политической системы, активисты, политические лидеры и идеологи, которые конкретно претендуют на высокие должности в органах государственной власти в случае победы на выборах или иным образом.²

К способам образования политических контрэлит можно отнести:

— открытый тип, который ориентируется, преимущественно, на личностные качества кандидатов;

— полуоткрытый, основанный на отборе претендентов из различных слоев общества по рекомендациям партийных и других организаций;

— закрытый тип или номенклатурный, включающий постепенное продвижение претендентов по ступеням иерархической лестницы оппозиционной политической организации. Процесс формирования контрэлиты влияет на характер ее функционирования, на конкурентную борьбу с господствующими политическими элитами.

В том случае, когда легитимация элит идет успешно, создаваемая групповая идентичность может формировать

¹ См. Кривчук И.А. Политические оппозиции и контрэлиты в условиях российской демократической реформации // Автореферат дис... кандидата политических наук. — Ростов н/Д, 2009.

² Там же.

довольно зрелые модели власти. В западных странах в процессе демократических выборов властвующие политические элиты регулярно сменяются контрэлитами. В рамках демократической политической системы, конституционно оформленное действие либерально-демократических механизмов приводит к тому, что властные рычаги переходят, чаще всего, в руки системной оппозиции. Закономерно, что смена федеральной и региональной правящей элиты в ходе выборов влечет за собой изменение высшего и среднего звеньев руководящего состава государственного аппарата. Это препятствует коррупции госслужащих, сращиванию госаппарата управления с мафиозными, криминальными и частнокапиталистическими структурами.

В условиях российской действительности, где отсутствует эффективный государственный контроль, только выборная демократическая ротация во властных структурах, в среде конкретных политических лидеров и политических партий может, в определенной мере, нейтрализовать недостатки, связанные со становлением правового государства и гражданского общества. Группировки, входящие в современные российские политические элиты и контрэлиты, отличаются внутренними противоречиями, борьбой за влияние и доминирование, крайне жесткой конкуренцией, ведущей к единоличному господству и вытеснению конкурентов из верхних эшелонов власти. Эта борьба, подчиняющая себе функции общественных институтов, обеспечивает ценностные ориентации и идеологические установки элит.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Все основные сферы жизнедеятельности сегодня в значительной мере находятся под воздействием коммуникационных глобальных процессов, охватывающих своим влиянием политические, экономи-

ческие, духовные институты, органы государственной власти и местного самоуправления. Глобализация способствуют образованию транснациональной элиты, которая не подотчетна национальным электоратам, а значит процессы глобализации, с одной стороны, усиливают политическую власть элит. С другой стороны, опосредованным эффектом глобализации является возвращение элит в состояние неопределенности и высоких рисков, так как глобальные процессы, развивающиеся в современном мире, оказывают непосредственное влияние и на рост политической культуры общества. Многополярность современного политического пространства подразумевает наличие различных центров притяжения в виде государственных образований, социально-политических институтов, финансово-промышленных структур, конфессий, глобальных информационных систем, этнических диаспор и т.д. В силу указанных причин современные политические элиты представляют собой своеобразную систему связей, коммуникаций, объединяющую представителей различных социальных групп, участвующих в процессе разработки, принятия и реализации политических решений.

На формирование современных политических элит оказывают влияние особенности исторического развития и политического управления, традиции, ментальные и ценностные установки. По-прежнему актуальными и универсальными для всех стран являются традиционные системы, механизмы и каналы рекрутирования политических элит. В качестве независимого фактора, система рекрутирования элит оказывает влияние на вектор основных направлений политической стратегии государства, в том числе, детерминирует порядок политического участия и кооптации, обеспечивает стабильность всей общественной системы.

Особенности формирования современных российских политических элит заключаются в комбинаторном использовании двух классических систем: гильдейской и антрепренерской, сохраняя большинство специфических особенностей системы гильдий. На современном этапе можно констатировать наличие в России политических элит, как относительно интегрированных, меняющихся социальных групп, которые функционируют по определенным принципам. Нынешнее состояние политических элит позволяет утверждать, что процесс их формирования еще не завершился. Они не обладают такими необходимыми свойствами, как относительная сплоченность, целостность и единство. У большинства составляющих ее групп отсутствует сколько-нибудь широкая социальная база, усиливается тенденция к закрытости.

В целом, для современных элит России наиболее характерными являются следующие особенности:

— усиление роли исполнительной власти. Но специфика исполнительной власти состоит в том, что не она формирует направление развития страны, не она должна определять политические цели. Лишенная контроля со стороны судебной власти исполнительная власть сосредотачивается лишь на самосохранении и самовоспроизводстве. Именно это становится её основной задачей. Любые коренные реформы являются угрозой существования элиты, потому она не может быть их инициатором. Элита в нынешних российских условиях, прекрасно это осознает, потому и не стремится в большинстве своем к каким-либо коренным изменениям;

- повышение значимости неофициальных связей;
- монополизация власти узким кругом и стремление любой ценой удержаться у власти;
- обострение внутриэлитного соперничества;

— бюрократизация, которая действует не в интересах государства, что ведет к увеличению масштабов коррупции и «паразитированию» на бюджете;

— стремление бизнеса войти в состав политических элит, СМИ и влиять на государственные структуры. Доминирующим мотивом интеграции бизнеса в структуры власти (в различных формах — институциональных и неинституциональных, и на различных уровнях — федеральном, региональном, местном) является стремление упрочить свои экономические позиции и защитить свой бизнес. При этом необходимо отметить, что современные богатые люди России в большинстве своем не являются «бизнес-элитой», так как, в целом, механизм накопления и оборота капиталов не работает внутри страны, экономические и финансовые ресурсы не концентрируются в России;

— искусственное поддержание процесса самовоспроизводства элит;

— зависимость основных субъектов политического процесса от действий и распоряжений Главы государства. Данная закономерность есть национально-историческая особенность нашей страны, отражающая авторитарность сознания и низкий, в целом, уровень политической культуры элит. В то же время Глава государства (президент) формирует программу развития страны, как правило, в пределах срока своих полномочий;

— незаинтересованность некоторых представителей региональных элит в перспективе развития страны, ориентированность на воссоздание консервативных связей, узкомеркантильных и клановых интересов. В значительной части регионов России отсутствуют факторы, способствующие повышению уровня исполнительной власти, к которым можно отнести: наличие хорошо организованной системы кадровой политики, выстроенность нормативной

базы, хорошо отлаженную систему контроля за исполнением принятых решений, эффективную оценку информационного воздействия на население, наличие конструктивной оппозиции. В суждениях ряда экспертов высказывается мысль, что российские региональные элиты не соответствуют качественным критериям и требованиям, предъявляемым к элитному слою, в котором представлена значительная часть бывшей номенклатуры, сменившей прежнюю идеологическую принадлежность. Современные российские региональные элиты, хотя и носят название постсоветских, и по своим идеологическим ориентациям уже в значительной степени отделились от советских стандартов, но по своим социальным характеристикам, исходной профессиональной ментальности, опыту и методам управленческой деятельности еще во многом близки к прежним советским региональным элитам;

— сохранение господствующего положения правящего слоя благодаря действию разнонаправленных и преимущественно отрицательно ориентированных факторов — инерции народного послушания власти, социальной апатии населения, его боязни ухудшения ситуации. Особенность российского общества, ставящая его практически в полную зависимость от правящей элиты и ее решений, превращает качество элит в одну из центральных проблем.

В настоящее время в состав политических элит России входят: высшие руководящие кадры; политические лидеры и группировки, непосредственно участвующие в управлении; представители силовых структур; видные деятели культуры и спорта, суждения и мнения которых пользуются определенным авторитетом; наиболее влиятельные экономические и административные круги; руководители средств массовой информации, учебно-просве-

тительских учреждений, а также члены семей влиятельных лиц (они непосредственно не участвуют в принятии решений и в реализации политики). Относительно роли конфессиональных организаций в процессе интеграции во влиятельные политические группы, можно отметить, что некоторые представители Русской православной церкви входят в число влиятельных в политике лиц. В состав элит входят также те представители правящего класса, которые формально не связаны с политикой, но оказывают существенное влияние на принятие политических решений и в определенное время могут становиться главными действующими акторами политического процесса.

1.3. Динамика и позиционирование элит как условие развития современного политического процесса

Конкурентная борьба элитных групп, стремление определять вектор развития политического процесса приводит политические элиты к пониманию того, что без правильного позиционирования перед избирателями, без динамики, связанной с обновлением своего состава, корректировкой идеологических доктрин, невозможно выступать в качестве ведущего актора современного политического процесса.

Концепция позиционирования, впервые выдвинутая Э. Райсом и Дж. Траутом,¹ сразу приобрела статус классической. Основоположники теории позиционирования определяли данную категорию, как создание определенной позиции, своеобразной ниши, которая нашла бы отражение в иерархии ценностей, созданной в сознании потенциального покупателя. Процесс позиционирования начинается с определения функциональных и психологических преимуществ рассматриваемого объекта. Определенный про-

¹ Ries Al, Trout J. Positioning The Battle for Your Mind. N. Y., McGraw-Hill, 1979; Bottom-Up Marketing, 1990.

дукт или услуга имеют функциональные преимущества, которые удовлетворяют базовую потребность. Психологическое преимущество представляет собой наиболее важный аспект позиционирования, поскольку функциональная ценность часто является лишь доказательством того, что это преимущество обладает достоверностью.¹ Позиционирование осуществляется с учетом потребностей конкретной целевой группы, для которой создаются и предлагаются преимущества и уникальность. Без ясного представления о том, на что направлена позиция, очень сложно, почти невозможно согласовать решения.

Проблема сущности позиционирования субъектов в пространстве социальных взаимодействий была теоретически обоснована в трудах П. Бурдьё.² При распределении агентов по различным сегментам социального пространства, Бурдьё наделяет каждого активного субъекта той или иной формой капитала, ресурсами, позволяющими агенту осуществлять власть или контроль. Капитал, согласно своей природе, имеет двойственное — объективированное и субъективированное — выражение. Он выступает в качестве своего рода ресурсов, которыми распоряжаются отдельные представители общества, занимающие различные позиции в социальном поле и обладающие правом доступа к тем благам, которые определяются объемом имеющейся у них власти.

Видный британский специалист в области политических коммуникаций Брэндан Брюс, связывая между собой процедуры сегментирования и позиционирования, считает, что «позиционирование — это четкий анализ того, для чего и для кого нужна данная марка (или компания, чело-

¹ Там же.

² См. Бурдьё П. Начала. М., 1994; Он же — Социальное пространство и символическая власть // Thesis. 1993; Он же. — Практический смысл. М.; СПб, 2001.

век, политическая партия и т.д.), почему кто-либо может быть заинтересован в ее выборе».¹ В известном смысле политика представляет собой рынок, где происходит обмен политических идей и программ на политическую поддержку их авторов и проводников. В роли «продавцов» выступают политические лидеры, элиты, политические партии, движения; в роли «покупателя» — граждане (избиратели, рядовые члены партий, участники движений). Элементами политического рынка являются: обмен; договорная свобода участников; политическая конкуренция; власть. Политический рынок есть способ выявления потребностей его участников на основе информации о том, что может быть воспринято, как ожидания, и в какой степени эти ожидания реализуемы. В отличие от экономического рынка, на политическом рынке действия участников обмена ценностно обусловлены, идеологически окрашены и, в целом, — социально значимы.

Авторская концепция позиционирования современных политических элит основана на определенной типологии, которая включает в себя различные уровни:

— властное позиционирование мы рассматриваем с точки зрения социально-управленческой результативности действий элит, их стратегического потенциала и влияния на перспективы общенационального и международного развития при использовании ресурсов государственных, правовых институтов и структуры управления;

— политическое позиционирование — это чётко выстроенная и налаженная система коммуникаций с представителями ключевых аудиторий, непосредственно или опосредованно влияющих на развитие политических процессов, протекающих в стране; оно базируется на соз-

¹ Bruce B. Images of Power. How The Imagemakers Shape Our Leaders. London, 1992, p. 87-88

дании в сознании избирателей устойчивой ассоциации, выделении определенных политических факторов, в выгодном свете отличающих конкретных представителей элит, участвующих в подготовке и принятии политических решений;

— экономическое позиционирование заключается в возможности представителей элитных групп влиять на политику, управлять ходом политического процесса, включаться в социально-управленческие и социально-регулятивные процессы, опираясь на экономические и финансовые ресурсы, имеющие многокомпонентную вариативность;

— идеологическое позиционирование основано на комбинировании некоторых наиболее востребованных политическими элитами ценностей и встраивании их в некую идеологическую традицию. В ходе процесса идеологического позиционирования набор ценностей, приписываемый идеологической традиции в массовом сознании, может довольно заметно меняться. Но эти трансформации всегда обусловлены особенностями конкурентного политического пространства в данной стране;

— статусно-ролевое позиционирование связано с конкретными социальными характеристиками представителей элитных групп, определенной позицией, занимаемой ими в иерархии политических отношений, стилем управления, который они принимают и реализуют в обществе.

Опираясь на предложенную типологию позиционирования современных политических элит, мы предлагаем объемную модель позиционирования элит, уходя от одномерности. Позиция, основанная на динамическом антагонизме в дихотомии: «хороший — плохой», «свой — чужой», «элита — масса», на сегодняшний день уже не представля-

ется актуальной. Динамика позиционирования современных политических элит может быть представлена объемно, в виде трехмерной системы координат.

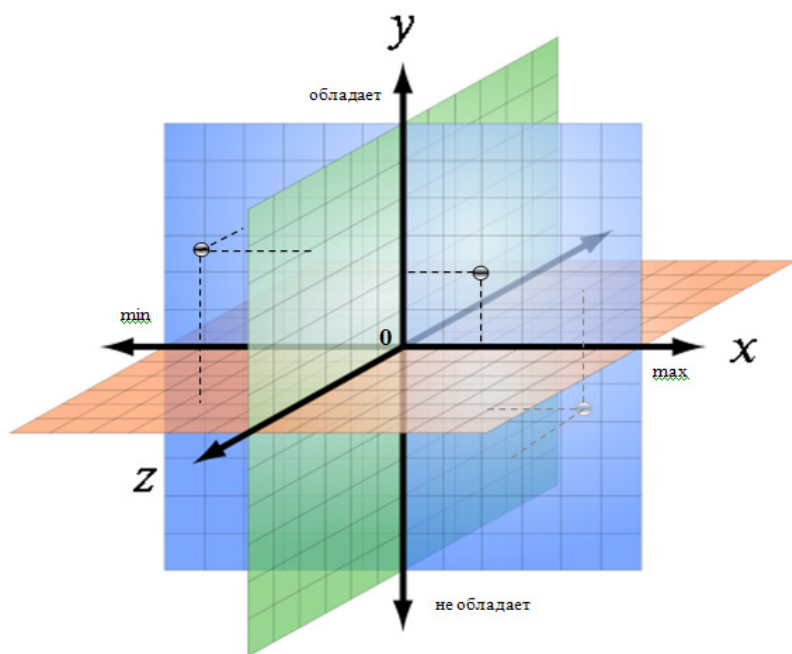

Схема: Позиционирование современных политических элит

Первая позиция (X), статусно-ролевая, лежит в основе классификации позиционирования и связана с конкретными социальными характеристиками представителей элитных групп, определенным политическим статусом, занимаемым ими в социально-политической системе иерархизированного общества, организационными возможностями и стилем управления. Вторая позиция (Y), экономически-ресурсная, связана с возможностями представителей элитных групп влиять на политику, управлять ходом политического процесса, включаться в

социально-управленческие и социально-регулятивные процессы, опираясь на экономические и финансовые ресурсы. Третья позиция (Z), идеолого-властно-политическая, связана с социально-управленческой результативностью действий элит, их стратегическим потенциалом, выстраиванием и налаживанием системы коммуникаций с представителями ключевых аудиторий, непосредственно или опосредованно влияющих на развитие политических процессов; комбинировании наиболее востребованных ценностей и встраивании их в некую идеологическую традицию с использованием ресурсов государственных, правовых институтов и структуры управления. Центром системы координат является равновесие между элитными группами, а промежуточные градации определяют размер ресурсного потенциала. Степень корреляции данных позиций между собой позволяет выявить динамику конкретных представителей политических элит или целой элитной группы (федерального и регионального уровней) на протяжении определенных периодов политического развития государства.

Политические индикаторы позиционирования могут включать в себя: состав элит и электората; уровень поддержки политических сил по итогам социологических опросов и выборов; количественные параметры территории конкретного региона. Индикаторы политической культуры основываются на степени развития региональной идентичности и ее характере (конфликтный либо консенсусный); исторических традициях регионального сообщества; дискурсе политических текстов (выступлений политиков, текстов СМИ, устной речи).

Эффективность позиционирования политических элит, по нашему мнению, может быть напрямую связанная со степенью легитимности, восприятием государственных

институтов местным населением. Например, представители региональных властных структур имеют возможность позиционировать себя в качестве органа, принимающего стратегические решения, транслировать эту информацию на уровень федерального центра, общественного мнения населения управляемой территории или же стремятся добиться такого статуса. В основе процессов легитимации, и, как следствие, формирования региональной идентичности наиболее часто оказывается фигура Главы региона. Поэтому позиционирование региональных элит нередко рассматривается через призму личностного фактора первого лица региона.

Проблема динамики политических элит также поднимает много вопросов: как происходила она в центральном аппарате государственной власти и в регионах; как элита менялась в различных структурах этого аппарата и какова динамика этих изменений по разным отрезкам времени. Необходимо знать, изменилась ли половозрастная структура элиты, ее социальный состав, географическое происхождение и уровень образования. Таким образом, под институционально-организационной и функционально-деятельностной динамикой подразумевается: процессы генезиса, институционализации, трансформации и функционирования элиты, появление новых идей и ценностных ориентаций, расширение электорального поля, изменение поло-возрастного состава и других социальных характеристик. Факторами динамики политических элит также могут выступать: конъюнктура, внешние глобальные обстоятельства, стремление расширить электоральную базу и скорректировать вектор развития страны и др.

Стратификационные исследования современных ученых ориентированы, главным образом, на выявление динамики российских элит в ходе политических изменений

после реформ М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина. Ведущими в данной области считаются концепция «трансформации номенклатуры» О. Крыштановской и С. Уайта¹, а также модель «смены поколений» Д. Лэйна². Среди приверженцев «номенклатурного» подхода преобладает мнение, что политической элите советского периода удалось «выжить» в новых условиях, благодаря конверсии политического капитала в экономический. Концепция «трансформации номенклатуры» соответствует модели «политического капитализма», разработанной на материале стран Восточной Европы³

Стремление сформированной в переходный период «новой» элиты вытеснить старую номенклатуру порождает глубокие расколы в правящей группе и является основой модели «смены поколений», предложенной Д. Лэйном. При сравнении двух категорий российской федеральной элиты, названных, соответственно, «горбачевской» и «ельцинской» (по периодам рекрутирования), автор приходит к выводу, что итог трансформации определяется конфликтом поколений и постепенной заменой «старой» элиты на «новую». В рамках данной концепции, широко используемой и при изучении отечественных региональных элит, замена «старой» элиты на «новую», более мобильную и способную выстраивать взаимоотношения, которые отвечают

¹ Kryshchanovskaya O., White S. The Nomenklatura in Post-Communist Russia. In: Elites and Leadership in Russian Politics. Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warsaw, 1995/ed. by G. Gill. Macmillan, 1998.

² Lane D., ed. Elites and Political Power in the USSR. Aldershot: Edward Elgar, 1988; Lane D. Soviet Society under Perestroika. Boston: Unwin Hyman, 1990; Lane D. Soviet Elites, Monolithic or Polyarchic? // Russia in Flux. The Political and Social Consequences of Reform. Ed. D. Lane. London, Vermont: Edward Elgar, 1992. P. 3-23.

³ Mawdsley E., White S. The Soviet Elite from Lenin to Gorbachev. The Central Committee and its Members. Oxford University Press, 2000

современным реалиям, признается вполне оправданной.

В постсоветский период в России произошли глубокие изменения социополитической системы в отношении частной собственности и политического плюрализма, что неизбежно привело к перераспределению политической власти. Часть молодых, более прагматичных номенклатурщиков, стала политиками, другая часть — предпринимателями. В экономике произошло переконвертирование власти в собственность, основанное на приватизации ключевых секторов хозяйства. Однако номенклатурное прошлое и сегодня во многом определяет облик, черты поведения элит и их оторванность от масс.

Как нам представляется, результатом трансформации и динамики современных политических элит России являются следующие изменения:

- омоложение представителей высших эшелонов власти;

- снижение доли выходцев из сельской местности в составе элиты;

- снижение доли выходцев из низших слоев общества;

- увеличение количества лиц, имеющих высшее образование, интеллектуалов и профессионалов;

- возрастание удельного веса рыночно ориентированных хозяйственников и прагматиков;

- изменение самой системы рекрутирования элит (неноменклатурный тип);

- выдвижение новых политических лидеров на основе «новой» легитимности (выборов);

- восстановление места и роли представителей силовых структур в составе политических элит. Это связано не только с личностью Президента В. В. Путина. Существенную роль играют геополитические реалии и значительная уте-

ря Россией военно-стратегических ресурсов и прежнего военно-политического имиджа; необходимость введения долгосрочных гарантий классу владельцев собственности; строительство правового государства; укрепление закона; борьба с преступностью и коррупцией. Популярными и, в то же время, необходимыми являются меры по установлению контроля над сектором теневой экономики и частичному перераспределению крупной собственности.

В аспекте деятельностных характеристик очевидным является тот факт, что политические элиты современной России, как и прежде, прибегают к административным методам в решении политических и экономических задач, направленным не на создание новых возможностей, а на перераспределение или передел уже имеющихся ресурсов. В плане сопоставления используемых у нас и на Западе методов управленческого воздействия российские элиты сохраняют приверженность программно-целевым подходам. Это, вероятно, является показателем не столько преобладания технократических характеристик в ментальности элит, сколько влияния социально-экономических, политических и цивилизационных особенностей развития страны.

Своеобразным показателем для характеристики стабильности любой политической системы является реакция правящего класса на кризисные явления. Мировой экономический кризис диктует новые условия функционирования современного общества и современной элиты. По итогам выборов в 2008-2015 гг. сменились руководители практически всех стран Европейского Союза, где проходили избирательные кампании. Определяющая роль в расширении экономического кризиса в Европе и мире заключалась: в нежелании мировых элит признать свои ошибки и свою ответственность за них; неготовности поступиться

сверхприбылями и частью властных полномочий; недостатке политической воли для проведения необходимых, хотя и болезненных перемен, а также социальных и политико-экономических преобразований. Можно утверждать, что мировой экономический кризис явился, прежде всего, следствием кризиса политических элит.

Определяя политическую элиту, как людей, занимающих высокое положение в обществе, обладающих в связи с этим богатством и способностью принуждать, Г. Пейдж, подчеркивает, что неотъемлемой частью политической элиты при нормальном развитии общества является её высокий профессионализм.¹ То есть, по мнению исследователя, улучшение положения в обществе прямо пропорционально профессиональным качествам представителей политических элит развитых социально-политических систем. Схожую точку зрения высказывает Т. Боттомор², который рассматривает политические элиты не как тех, кто находится в верхней части любой иерархии, а как функциональные, в основном, профессиональные группы, которые имеют высокий статус в обществе. Фактически, данная сторона формирования и функционирования элиты верна лишь для стабильных демократических систем, где сформированы основные социально-политические институты. Только в этом случае может быть эффективно проведена инновационная модернизация страны.

Программа российской правящей элиты 2000-2009 гг. предполагала определённый проект, в данном случае авторитарную модернизацию. Однако он не был реализован. Таким образом, политические элиты не справились с главной постулируемой задачей. Логика политических элит понятна — отставание современной России от развитых

¹ Paige G. The Scientific Study of Political Leadership. N. Y., 1977. P. 86.

² Там же.

стран настолько велико, что на современном этапе нужна инновационная модернизация, которая невозможна в рамках такой системы. Однако полноценная инновационная модернизация возможна лишь при демократизации. В связи с этим возникает вопрос, готовы ли представители современных политических элит России к инновационной модернизации страны? Сегодня для самосохранения элитам необходимо обретение политической воли и знаний для проведения насущных преобразований.

Таким образом, мы считаем, что центральное место в системе принятия политических решений принадлежит основным группам — доминирующим акторам современного политического процесса: политическим элитам центра, элитам регионов и экономическим элитам. Политический процесс можно изучать по-разному, оставаясь при этом в рамках научного познания. Не углубляясь в детали, остановимся на краткой характеристике дефиниции «политический процесс», что представляется необходимым для более полного раскрытия основных аспектов исследуемой проблемы.

Существуют различные точки зрения на содержательную характеристику понятия «политический процесс». Наиболее актуальным нам представляется определение Б.И. Кретьова, который рассматривает политический процесс в качестве особой разновидности социально-исторического процесса, отличительной чертой которого выступает достижение политическими субъектами общих целей при помощи использования власти¹. К «внешним» факторам политического процесса относятся: социальные, экономические, культурные и др. воздействия окружающей среды, «внешние» политические обстоятельства, политические события и т.п. К «внутренним» факторам можно

¹ Кретьов Б. И. Политический процесс в России. — М., 1999. — С. 3.

отнести следующие параметры: характеристику политических акторов (их целей и намерений), распределение властных ресурсов, логику политического процесса. На осуществление публичной власти направлено большинство взаимодействий политических акторов и, в силу указанных обстоятельств, особенно велика значимость процесса принятия и реализации политических решений.

Специфика политического процесса заключается в деятельности субъектов политики и представляет собой последовательную упорядоченную деятельность политических акторов, которые преследуют собственные властные интересы и создают для их реализации политические институты.¹ Если следовать данной логике, то основными субъектами политического процесса могут выступать: политические элиты, партии и группы интересов. Сущность политического процесса заключена в комбинации взаимодействий этих акторов и результатах их деятельности.

Определяющим фактором политического процесса можно считать смену элит и изменение их структуры. Изменение состава элит влечет за собой изменение внутриэлитных отношений и их внутреннюю дифференциацию. Характер и направленность этих изменений влияет на направленность политического процесса и конфигурацию элит. Деятельность элит и их влияние на политический процесс, в свою очередь, зависит от:

- характера взаимоотношений между органами законодательной и исполнительной власти;
- уровня и степени политической конкуренции;
- наличия или отсутствия доминирующего актора.

Анализируя факторы динамики современных российских элит и их влияние на политический процесс, необхо-

¹ Нуреев Р. Теория общественного выбора // Вопросы экономики. — 2002. — № 9. — С. 144.

димом учитывать характер взаимоотношений региональной и федеральной элиты. Динамика этих взаимоотношений во многом определяет содержание и направленность трансформации политического режима в конкретном регионе. Композиция акторов (наличие или отсутствие) определяет характер преобладающих институтов (формальные и неформальные). И, наконец, интересы внутриэлитных групп определяют процессы и результаты политической институционализации. Политическая интеракция между политической элитой и соответствующим политическим режимом определяет особенности формирования, развития и функционирования политической элиты на территории РФ.

Опираясь на исследования отечественных исследователей, можно выделить несколько типов политических режимов. Первый тип — депрессивный, характеризуется средним уровнем развития экономики и дезорганизованной правящей элитой, для которой характерна острая внутриэлитная борьба, нередко заканчивающаяся сменой политических лидеров. Второй тип — закрытый, отличается преимущественно аграрной экономикой либо доминированием неконкурентоспособной промышленности и военно-промышленного комплекса. Здесь преобладают традиции бюрократического патернализма, а административная элита контролирует основные экономические ресурсы. Власть правящей элиты ограничивается формальными и неформальными нормами. Состав элит достаточно стабилен. Контроль за формированием и распределением бюджета со стороны политического лидера способствует сохранению вертикали власти, а патрон-клиентарные и личные связи обеспечивают поддержку в условиях фактически полного отсутствия политической конкуренции. Третий тип — открытый, отличается от двух предыдущих

форм более высоким уровнем экономического развития и солидным экспортным потенциалом. Как правило, при таком типе режима формируется бизнес-элита, лоббирующая собственные политические интересы. Политические элиты вынуждены прибегать к компромиссным стратегиям в противоречиях между политическими и финансово-промышленными группировками. Развитие бизнес-структур, образовательный и культурный потенциал выступают в качестве основы динамичной конкурентной политической системы.

С точки зрения В.Я. Гельмана,¹ крах прежнего режима не означает автоматического перехода к демократии, т.к. устойчивые демократические институты еще не сформированы и правила игры приняты не всеми акторами политического процесса. В этот период и возникает неопределенность. В.Я. Гельман предлагает несколько вариантов выхода из ситуации неопределенности. Сценарии (варианты) определяются по соотношениям акторов и их стратегиям взаимодействий. Вариант «война всех против всех» определяет всеобщее противостояние. Такой сценарий увеличивает неопределенность и может привести к стагнации. Сценарий «победитель получает все» означает, что доминирующий актор добивается полного превосходства и устанавливает контроль над ресурсами. Выход из состояния неопределенности, по данному сценарию, основан на закреплении монопольного господства правящей элиты и формировании моноцентрического политического режима, который базируется на приоритете неформальных институтов и силовых стратегиях². В каче-

¹ Гельман В.Я. Региональные режимы: завершение трансформации? // В.Я. Гельман // Свободная мысль. — 1996. — № 9. — С. 13-20.

² Гельман В. Я., Тарусина, И.Г. Изучение политических элит России: проблемы и альтернативы // Политическая наука. — 2003. — № 1. — С. 48.

стве примера можно привести сформировавшуюся в постсоветский период систему власти в Москве, Саратовской области, Татарстане, Калмыкии. Отличительными чертами данного режима можно считать неопатримониализм, патрон-клиентарные отношения и плебисцитарный характер легитимации власти¹.

Характеризуя условия возникновения такого рода режима и опираясь на исследования М. Бри, можно выделить следующие обстоятельства и факторы его формирования:

1) наличие широко распространенных, устойчивых установок населения, направленных на организацию деятельности административной элиты, включающих:

— персонализацию и высокую степень преемственности исполнительной власти;

— выработку индивидуальных стратегий выживания у населения, совместно с сохранением патерналистских ожиданий.

2) наличие конфликтов между неформальными группами влияния, вместо конфликтов политических партий и ассоциаций.²

Возможности эволюции подобного типа режимов включают несколько направлений:

— клиента политических элит может трансформироваться в группу давления. В результате, акторы патрон-клиентарных отношений получают автономию, находят компромиссные стратегии, производят «торг» и заключают «сделки» по результатам решения конфликтных вопросов. Подобный вектор трансформации имеет место

¹ См. П Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 579-580. Мигранян А. Плебисцитарная теория демократии Макса Вебера и современный политический процесс // Вопросы философии. 1989. — № 6.

² Бри М. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации. М., 1998. — С. 74.

при формировании демократической политической системы, по мере становления и функционирования политических партий и частного бизнеса;

— патрон-клиентарные отношения могут служить основой развития и сохранения олигархического режима на достаточно продолжительный период времени;

— возможна трансформация патрон-клиентарных отношений в конфликтные; при благоприятном развитии экономической и политической конкуренция могут сложиться условия для перехода к демократическому режиму.¹

Теперь вернемся к характеристике другого сценария выхода из неопределенности, предложенного В. Я. Гельманом, который носит название «сообщество элит». В данном случае возможно заключение, своего рода, «пакта» между доминирующим актором и конкурентами о разделе сфер влияния². Условиями такого соглашения могут выступать:

1) ограниченные ресурсные возможности акторов политического процесса;

2) стремление к компромиссу в среде конкурирующих с правящей элитой групп;

3) ориентация политических элит на создание максимально выгодной для них коалиции³.

В данном случае речь идет о компромиссном соглашении элиты на условиях доминатора (при сохранении статус-кво в контроле над ресурсами) с новым политическим

¹ Зудин А. Ю. Государство и бизнес в посткоммунистической России: цикличность и перспективы институционализации // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе/Под ред. А. Мельвиля. М., 1999. — С. 35-37.

² Гельман В. Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Полис. — 1998. — № 1. — С. 49-51.

³ Понятие «минимально выигрышной коалиции» введено в научный оборот У. Райкером. и основывается на допущении, что коалиции образуются минимальным количеством рациональных акторов, необходимых для принятия решения.

режимом. Таким образом, создается гибридный политический режим, характеризующийся господством неформальных институтов, наличием доминирующего актора, который опирается на компромиссные стратегии. Нестабильность подобного рода режимов связана с влиянием ситуационных факторов (примером могут служить Нижегородская, Омская, Томская и области).

«Борьба по правилам» выступает в качестве третьего сценария выхода из неопределенности¹. К предпосылкам формирования подобного типа режима можно отнести следующие условия:

— стремление элит к обеспечению гарантий за счет установления взаимовыгодных условий для ведения политической борьбы;

— возникновение угрозы утраты элитами доминирующих позиций при невозможности использования силовых стратегий;

— неизвестное соотношение сил между элитными группировками².

Рассмотренный выше сценарий минимизирует возможность доминирования одного актора, создавая предпосылки для формирования политической конкуренции и формальных институтов. При таком векторе развития политического процесса создаются условия для становления демократических институтов. В качестве примера функционирования политического процесса в рамках данного сценария в постсоветский период может выступать Свердловская область и Удмуртия.

В большинстве отечественных и зарубежных исследований отмечается преобладание неформальных политических институтов в постсоветской России. Доминирова-

¹ Гельман В.Я. Указ. соч. — С. 50

² См. Пшеворский А. Демократия и рынок. — М., 1999.

ние неформальных институтов над формальными традиционно рассматривается в политической науке как негативное явление, которое препятствует дальнейшему развитию демократии в обществе. Однако в последнее время появляются исследования, где упоминается значительная роль неформальных институтов в период трансформации политической системы. При такой ситуации, когда функционирующие институты невозможно ликвидировать, но следует коренным образом преобразовать, создается институциональный «вакуум», который заполняется неформальными связями и практиками. Неформальные институты проявляются, прежде всего, в системе неформальных согласований. Основой для указанной системы служат интересы правящей элиты, как доминирующего актора политического процесса: поддержка «бюрократического консенсуса», личная безопасность, участие в коалициях, группировках, лоббистских проектах¹. Интересы элит в обеспечении личной безопасности заключаются, как в ликвидации дефицита информации в ситуации неопределенности, так и в распределении ответственности в случае возможных ошибок. Поддержание «бюрократического консенсуса» заключается в мотивации неформальных контактов интересами бюрократической организации. И, наконец, участие в неформальных союзах напрямую связано с извлечением административной элитой личной выгоды, особенно при согласовании интересов в ситуации «игры с нулевой суммой».²

В исследования Дж. Хигли и Я. Пакульски³ также прослеживается корреляция между типом элит и политическим режимом: в условиях консолидированной или «ли-

¹ Там же. — С. 72-73.

² Там же. — С. 75.

³ Higley J., Pakulski J., and Wesolowski W. Postcommunist elites and democracy in Eastern Europe. Basingstoke: Macmillan. — 1998.

беральной олигархии» существует консенсусная элита; при неустойчивой, неконсолидированной демократии — фрагментированная элита, при тоталитарном режиме — идеологическая элита, а в условиях авторитарного режима — разделенная. Таким образом, становится очевидным тот факт, что в постсоветской России на федеральном уровне произошел переход от идеологической к фрагментированной элите. В ситуации региональных элит выводы не столь однозначны. В одних регионах сформировалась разделенная элита, в других — фрагментированная, в третьих — консенсусная. Изменение облика элит происходит в результате тех процессов, которые осуществляются в обществе. Они основаны на преобразованиях в экономической и социальной сферах, функционировании политических институтов, традициях и устоях данного общества.

Таким образом, анализ политической системы как целостной структуры предполагает исследование взаимодействия ее ведущих акторов: институтов государственной власти, политических режимов, политических элит и контрэлит, лидеров, политических партий, объединений и организаций. Элиты занимают важное место в структуре современного политического процесса в качестве его фундаментального основания и условия функционирования, вырабатывают цели развития общества, руководят политическим процессом, обладают наивысшим статусом и авторитетом. Действуя в своих интересах, они вступают в определенные отношения с иными акторами политического процесса. В итоге происходит трансформация самих элит, характера политических отношений, политических режимов и институтов власти. Зафиксирована корреляция между трансформацией политического режима и конфигурацией элитной структуры.

Предложенная нами авторская типология позиционирования элит способствует созданию объемной многомерной модели, которая позволяет рассматривать позиционирование современных политических элит объемно, в разных измерениях. Специфика позиционирования элит в современных политических процессах заключается в их интенсивном включении в социально-управленческие и социально-регулятивные процессы.

Динамика современных политических элит имеет институционально-функциональный характер и включает в себя процессы генезиса, институционализации, трансформации и функционирования элитных групп, появление новых идей и ценностных ориентаций, расширение электорального поля, тенденции изменения социальных характеристик.

ГЛАВА 2. ТЕХНОЛОГИИ ЛЕГИТИМАЦИИ И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ РОССИИ

2.1. Электорально-избирательные технологии как механизм легитимации власти политических элит

Сущность и содержание конкретных политических процессов непосредственно зависит от того, какие методы деятельности будут избраны субъектами для решения той или иной политической проблемы, как при этом будут взаимодействовать те или иные структуры и институты власти. Поэтому рассмотрение политических процессов через призму способов деятельности позволяет говорить об особом — технологическом уровне анализа политики. Политические технологии неразрывно связаны с интересами и ролями субъектов политики. Причиной формирования политических технологий, как известно, выступает потребность акторов политических процессов в более рациональном, экономичном и эффективном способе реализации конкретных целей в политическом пространстве.

Электорально-избирательные технологии — это совокупность приемов, способов и методов воздействия на избирателей, нацеленная на оказание влияния на их электоральное поведение, а так же совокупность, отношений, событий и изменений, которые возникают при взаимодействии акторов современного политического процесса в ходе выборов.¹ Избирательная кампания может быть представлена как целенаправленное взаимодействие кандидата или партии, претендующих на мандат избирателей, с элементами общественной среды, оказывающими реша-

¹ Баранов А. В. Взаимодействие акторов региональных политических процессов в постсоветской России. — М., 2007. — С. 99

ющее воздействие на исход голосования. Прежде всего, кандидат, вступающий в предвыборную борьбу, должен позиционировать себя среди политической элиты, определить свою статусно-ролевую позицию в сложившемся пересечении политических интересов и образов. Необходимость правильного идеолого-властно-политического и экономически-ресурсного позиционирования элит в период избирательной кампании связана и с учетом структуры электората, т.е. тех социальных групп и слоев, опора на которые обеспечит победу на выборах.

Как известно, выборы — это одна из ценностей демократического общества. Сущность представительной демократии заключается в том, чтобы «представительство интересов граждан было обеспечено в полной мере и адекватно».¹ Само понятие «выборы» как сложное явление политико-социальной и правовой действительности целесообразно рассматривать с различных позиций. В современном мире выборы являются одним из основных инструментов легитимации различных уровней политической власти. С точки зрения элитологов выборы являются одним из главных механизмов концентрации власти у определенной группы лиц, которая, в свою очередь, является ядром политической элиты в условиях демократизации политической системы.²

В марте 2015 г. отделом социально-политических исследований Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А был проведен социологический опрос

¹ Январские тезисы Дмитрия Медведева // РГ. — 2008. — 24 января

² Юсов С.В. Выборы как механизм институционализации политических элит // Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием «Элитология России: современное состояние и перспективы развития» — Ростов-н/Д., 2013. — Т. 1. — С.174.

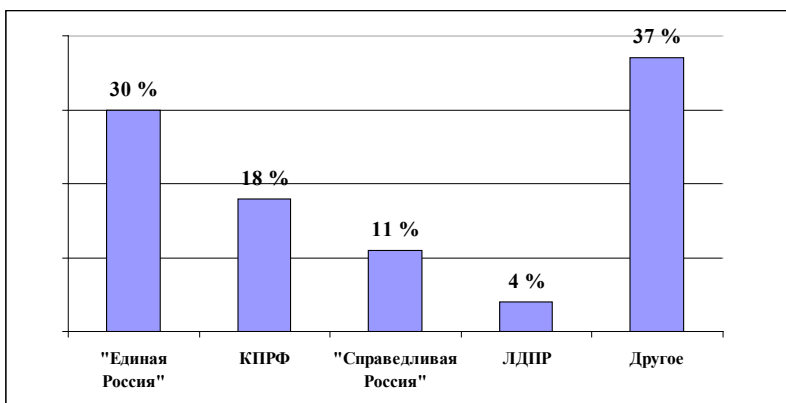
«Выборы как механизм легитимации власти политических элит». Всего при помощи анкетирования было опрошено 2000 респондентов. Статистическая погрешность не превысила 2,8%. Массовый опрос проходил в несколько этапов, в каждом опросе объем выборки составлял около 400 человек. Была произведена выборка по полу и возрасту, включая 55% — женщин, 45% — мужчин. Возрастные категории: от 18 до 35 лет — 38% респондентов, после 35 лет — 62%. Отбор единиц носил как случайный, так и направленный характер.

Анализ и оценка результатов проведенного социологического исследования показали, что, несмотря на сильную поддержку самой идеи демократии, у большинства респондентов (более 80%) высок уровень неудовлетворенности реальным состоянием демократии в современной России. Значительное число опрошенных (около 31%) не предполагают какого-либо участия в избирательных кампаниях и не считают это своим гражданским долгом. Данная тенденция, набравшая силу в предыдущие избирательные циклы, говорит о том, что разрыв между политическими элитами и избирателями все больше увеличивается.

В опросной анкете было предложено выразить согласие или несогласие с рядом утверждений о компетентности общенациональных и региональных лидеров. Около 86% опрошенных отметили, что политическая власть, особенно на региональном уровне, все больше отдаляется от нужд своих избирателей, сосредоточившись на внутренней борьбе между представителями различных элитарных групп. Наиболее показательным является в этой связи ответ на вопрос о возможности изменить ситуацию в стране к лучшему через участие в выборах. Более половины опрошенных ответили, что не считают выборы действенным механизмом изменения ситуации в стране, так

как сложившийся за последние годы негативный опыт и практика показали, что серьезного влияния на политическую жизнь выборы оказать не в состоянии, поэтому люди предпочитают решение собственных проблем участию в решении проблем общественного характера.

При ответе на вопросы, каким политическим партиям и кому из политических лидеров вы отдаете предпочтение, мнения респондентов разделились. 30% опрошенных отдают предпочтение партии «Единая Россия»; 18% высказываются в пользу КПРФ; 11% отдадут свой голос партии «Справедливая Россия» и 4% — ЛДПР. Остальные граждане отметили вариант другое, в том числе и потому, что еще окончательно не определились с выбором.

Гистограмма 1. Распределение опций партийных предпочтений

Одна из особенностей идеологической самоидентификации современных избирателей заключается в том, что они не находят среди существующих политических партий тех, которые реально, без фальшивой риторики отвечали бы их интересам и идеологическим предпочтениям. Отсутствие политических партий, выражающих интересы респондентов — это общероссийский тренд в социуме, в целом, и молодежном сегменте, в частности. Имплит-

ность и неопределенность политической идентификации коррелирует с неопределенностью социальной идентификации. Мобилизация гражданской активности политически индифферентных в настоящем молодых людей в контексте политической модернизации может в перспективе стать серьезным ресурсом молодежного потенциала модернизации.

Наиболее популярным представителем политической элиты, которому доверяет большинство опрошенных, стал Президент РФ В. В. Путин (51%). Далее респондентами были названы С. Шойгу (14%); С. Лавров (11%) Г. Зюганов (9%), С. Миронов (6%), с именем которого связаны надежды некоторой части избирателей на социальную справедливость и В. Жириновский (5%).

Представителям оппозиционных движений и организаторам уличных акций большинство респондентов не доверяет, их рейтинг не превышает статистической погрешности, а открытое недоверие ими выражают около 60% опрошенных. А. Навальный и С. Удальцов пользуются популярностью лишь среди относительно немногочисленной интернет-аудитории (около 4%).

Среди неполитических институтов, согласно мнению опрошенных (около 64%), наибольшей поддержкой пользуется церковь и конфессиональные лидеры.

.При ответе на вопросы об отношении к работе СМИ во время предвыборных кампаний, около 30% респондентов признались, что масс-медиа влияют на намерения избирателей относительно участия в предстоящих выборах и/или намерения голосовать за ту или иную партию. Более 12% опрошенных считают, что активная информационная политика СМИ, связанная с интенсивным освещением разных аспектов политической борьбы, приводит не к росту интереса к выборам, а, наоборот, к его снижению. Это

объясняется тем, что избиратели устают от обилия информации и склонны все больше погружаться в собственный мир.

Большинство респондентов (66%) отметили, что результаты выборов могут не в полной мере отражать общественное мнение. Это связано с тем, что в выборах, как правило, участвуют не все избиратели, а лишь наиболее активная их часть, а также с тем, что в процессе избирательной кампании и самих выборов зачастую происходит навязывание избирателю той или иной позиции. В условиях низкой информированности и незаинтересованности населения процесс принятия электорального решения может быть в значительной степени подвержен случайным факторам.

Как показывают социологические данные, поддержка идеи демократии сопровождается скептическим отношением к демократическим институтам власти, реально существующим в России на сегодняшний день. Часть опрошенных сомневается в честности выборов, не доверяет государственным деятелям, особенно на региональном уровне, что приводит к недостаточной мотивации для участия в политической жизни страны. Таким образом, возникает порочный круг абсентеизма и отчуждения, вызванный безразличием региональных органов власти к нуждам населения и незаинтересованностью граждан в проводимой политике, что в конечном итоге может подрвать основы демократии. Россиянам трудно ранжировать региональную политику в рамках широкого идеологического контекста.

В целом, вырисовывается картина снижения легитимности всех уровней власти как на федеральном, так и на региональном уровнях, хотя жители регионов сохраняют приверженность рыночной экономике и демократиче-

ским ценностям. Отмечается тенденция повышения политической активности различных элитных групп, использующих механизм выборов для своей институционализации, на фоне аномии некоторых слоев населения. Ответы на вопросы о доверии к конкретным политикам показывают, что респонденты больше доверяют президенту, чем другим федеральным или региональным лидерам. В равной степени показательно, что неполитические институты также пользуются уважением и поддержкой граждан, особенно церковь и конфессиональные лидеры. Более высокий уровень политической заинтересованности и участия в политической жизни страны может усиливать как легитимность, так и степень реагирования демократических институтов на нужды населения.

В рамках рассматриваемой проблемы обратимся к результатам анализа президентских выборов в РФ за период с 1991 по 2012 гг. Само решение о введении поста президента РСФСР, избираемого всенародным голосованием сроком на 5 лет, было принято на референдуме 17 марта 1991 года, а соответствующие положения включены в конституцию РСФСР. Положение о прямых выборах Президента сохранилось и в конституции Российской Федерации 1993 года, но срок его полномочий сокращён до четырех лет. В 2008 году срок полномочий президента был увеличен до шести лет, однако это положение вступило в силу только со следующих президентских выборов 2012 года.

На выборах 1991 г. Президент России избирался на пятилетний срок. Явка избирателей в 1991 г. составила 76%. Впервые и единственный раз вместе с президентом избирался вице-президент. Согласно полученным данным, голоса избирателей распределились следующим образом: за кандидатуру Б. Ельцина было отдано 57,3% голосов, Н. Рыжков получил 16, 8%, В. Жириновский — 7,81%,

А. Тулеев — 6,8%, А. Макашов — 3,74%, В. Бакатин — 3,4%.¹ По итогам выборов 1991 г. Президентом РФ был избран Б.Н. Ельцин, выступивший с программой радикальных экономических преобразований в стране. В канун президентских выборов 1991 г. Ельцин призвал региональных руководителей к большей самостоятельности и заключению Федеративного договора с «центром». Это заявление дало ему поддержку на выборах, но вместе с тем усилило национальные движения в регионах России.

В период 1993-1996 гг. происходит процесс легитимации политического режима через систему федеральных и региональных выборов. На президентских выборах 1996 г., где явка избирателей составила 69,8%, за кандидатуру Б. Ельцина было отдано 35,2% голосов, Г. Зюганов получил 32,3%, А. Лебедь — 14,5%, Г. Явлинский — 7,34%, В. Жириновский — 5,7%. Остальные кандидаты не набрали и 1%.² В период предвыборной кампании Б.Н. Ельцин предпринял ряд популярных мер, которые обеспечивали погашение долгов по пенсиям и зарплатам, выплату первых компенсаций обесценившихся сбережений граждан. Были выделены средства на науку, образование и здравоохранение. Президент сменил непопулярных министров: министра иностранных дел А.В. Козырева и вице-премьера А.Б. Чубайса. Подписание 2 апреля 1996 г. с Республикой Беларусь Договора об образовании Сообщества суверенных республик (ССР), соглашение о прекращении военных действий в Чечне — все это в значительной степени восстановило былую популярность Б.Н. Ельцина.

Перед вторым туром президентской кампании шансы Б.Н. Ельцина и Г.А. Зюганова оказались практически рав-

¹Официальный сайт Центральной избирательной комиссии: <http://www.cikrf.ru/>

²Там же.

ными. Коммунистическая партия, возглавляемая Г. Зюгановым, фактически стала новой контрэлитой, которая вела борьбу за власть в условиях многопартийности. Решающее значение имело заключение политического союза между Б.Н. Ельциным и А.И. Лебедем с целью получения голосов избирателей последнего: генерал был назначен секретарем Совета безопасности и помощником президента по национальной безопасности. 3 июля 1996 г. во втором туре голосования Б.Н. Ельцин получил поддержку более 53% голосов избирателей, Г.А. Зюганов — 40,3%. По итогам второго тура Президентом РФ был вновь избран Б.Н. Ельцин.¹ Согласившись с победой Б. Ельцина в 1996 г., Г. Зюганов фактически превратился в спарринг-партнера кандидатов в президенты от правящего класса, а фракция коммунистов в Государственной Думе в определенной степени стала выполнять функцию контроля государства за протестным электоратом, превратившись (хотя и не полностью) в элемент государственного управления.²

Досрочные выборы 2000 г. были связаны с добровольной отставкой Б.Н. Ельцина. Президентская избирательная кампания 2000 г. была очень быстротечной. Согласно данным Центризбиркома, Президентом России был избран В.В. Путин, набравший 52,94% голосов. Далее следуют: Г. Зюганов — 29,1%, Г. Явлинский — 5,8%, А. Тулеев — 2,9%, В. Жириновский — 2,7%, К. Титов — 1,47%. Впервые в качестве кандидата на пост президента РФ выступила женщина — Элла Памфилова, набравшая 1,01%. Остальные кандидаты не получили и 1% голосов избирателей.³

Особое место в политике избранного Президента уде-

¹ Там же.

² Кривчук И. А. Указ.соч.

³ Официальный сайт Центральной избирательной комиссии: <http://www.cikrf.ru/>

лялось вопросу об упрочнении целостности России и усилении вертикали власти. С этой целью В. В. Путин приступил к реформе государственного управления. Он ввел институт полномочных представителей Президента РФ в созданных федеральных округах. Следующим шагом стало возвращение принципа назначения руководителей субъектов Российской Федерации через процедуру утверждения кандидатуры, предложенной Президентом в региональном законодательном органе, что повысило зависимость региональной власти от федерального центра. Одновременно были предприняты первые шаги по укрупнению субъектов федерации. Из Совета Федерации были выведены губернаторы, а их места заняли представители регионов (сенаторы), работающие на постоянной основе. Федеральные власти теперь могли освободить от занимаемой должности не справляющихся с работой губернаторов, а региональные лидеры получили право вмешиваться в местное самоуправление. По инициативе В. В. Путина начались административная и партийная реформа, призванные упорядочить политическое пространство. Таким образом, после прихода к власти В. В. Путина были устранены причины, приведшие к разрушению управленческой вертикали в период президентства Б. Н. Ельцина. Формально не нарушая демократических принципов, федеральный «центр» стал обладать значительным объемом власти над регионами. Расширилась база поддержки федеральной элиты на местах, наметились пути для восстановления действия механизмов управления территориями, была создана управляемая, упорядоченная система исполнительной власти — то есть центробежные тенденции уступили место центростремительным.

Президентские выборы 2004 года можно считать итогом трансформации политической системы страны при

В.В. Путине. Правящая элита добилась минимализации роли лидеров основных оппозиционных партий, сокращения влияния бизнес-сообщества, как оппозиционных контрэлит. В ходе безоговорочной победы «Единой России» на выборах в Государственную Думу в декабре 2003 г. законодательная власть фактически стала «пропрезидентской» без явного намека на оппозицию. Такое положение позволило президенту пойти на смену главы правительства. В феврале 2004 г. за три недели до президентских выборов В.В. Путин отправил М.М. Касьянова и его правительство в отставку и внес на рассмотрение в Государственную Думу кандидатуру М.Е. Фрадкова. На выборах 2004 г В.В. Путин был переизбран на второй срок, набрав 71,3%, Н. Харитонов получил 13,69%, С. Глазьев — 4,1%, И. Хакамада — 3,8%, О. Малышкин — 2,02%.¹ Президентом были обозначены приоритетные национальные проекты, направленные на улучшение качества уровня жизни населения — доступное жилье, улучшение качества образования и здравоохранения, развитие сельского хозяйства и др. Для координации за исполнением этих мер в правительстве был введен пост вице-преьера, который занял бывший руководитель администрации президента Д.А. Медведев.

Несколько иная ситуация в группах российских элит возникла накануне выборов в пятую Государственную думу, когда президент В.В. Путин, неожиданно для широких слоев населения, возглавил список партии «Единая Россия». Согласно Конституции РФ, В.В. Путин не имел права баллотироваться на высший государственный пост страны в третий раз подряд, несмотря на высокий рейтинг. В результате прямых президентских выборов 2008 г. победу одержал первый вице-премьер правительства

¹ Там же.

Д.А. Медведев, набравший 70,28% голосов избирателей. Его кандидатуру на пост президента выдвинули четыре партии — «Единая Россия», «Справедливая Россия», «Аграрная Партия», «Гражданская сила» и поддержал действующий глава государства В.В. Путин. За Г. Зюганова было отдано 17,7% голосов, В. Жириновский получил 9,3%, А. Богданов — 1,3%. В 2008 г. графа «против всех» в избирательном бюллетене отсутствовала, также был снят необходимый минимальный процент явки избирателей.¹ Сотрудничество федеральной, региональной и бизнес элиты, предвыборная риторика лидеров партии и самого президента консолидировали подавляющее большинство элитных групп. Поэтому приход к власти Д.А. Медведева состоялся при полном отсутствии элитной конкуренции. Сам В.В. Путин, проведя два срока на посту главы государства, занял пост премьер-министра.

В состоявшихся 4 марта 2012 года очередных выборах Президента Российской Федерации приняло участие более 71 миллиона человек. Окончательное распределение голосов избирателей, согласно данным Центризбиркома РФ, выглядит следующим образом: 6, 22% проголосовали за Владимира Жириновского; 17, 18% — за Геннадия Зюганова; 3, 85% — за Сергея Миронова; 7, 98% голосов избирателей было отдано за Михаила Прохорова; 63, 6% — за Владимира Путина.² Таким образом, Президентом России на ближайшие шесть лет был избран В.В. Путин.

Общие итоги президентских выборов в РФ за период с 1991 по 2012 гг. представлены в таблице следующим образом:

¹ Там же.

² Выборы Президента Российской Федерации в 2012 г. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации: http://www.cikrf.ru/banners/prezident_2012/itogi/index.html

Таблица. Результаты президентских выборов в РФ 1991-2012 гг.

ФИО Президента РФ	Дата	Количество голосов избирателей
Ельцин Борис Николаевич	1991 г.	57,3%
Ельцин Борис Николаевич	1996 г.	35,28% (первый тур) 53,58% (второй тур)
Путин Владимир Владимирович	2000 г.	52,94%
Путин Владимир Владимирович	2004 г.	71,37%
Медведев Дмитрий Анатольевич	2008 г.	70,28%
Путин Владимир Владимирович	2012 г.	63,6%

Обсуждение итогов президентских выборов 2012 г. долго доминировало в информационном пространстве, так как результаты голосования трансформировали конфигурацию политических элит и состояние общественного мнения. Новизна прошедших выборов — появление идей и импульсов, в результате которых сформировались рамки национального консенсуса: В.В. Путин изначально позиционировался, как лидер всей страны. Большинство населения России выступило против оранжевого западно-американского вектора. Главной проблемой власти стала необходимость найти оптимальное решение стоящих перед страной задач, реализовать идею социально-экономических и политических реформ с опережением ожиданий общества. Впервые за долгие годы серьезная разница в результатах кандидатов сказалась и на таком устойчивом российском феномене, как демонстративное непризнание результатов выборов некоторыми проигравшими. В то же время радикальная оппозиция не просто отказалась при-

знать очевидное, она не смогла своевременно сменить свою тактику, сохранив и прежнюю логику, и прежние ориентиры. Но ориентиры эти серьезно изменились. После 4 марта 2012 г. В.В. Путин должен защищать выбор, сделанный большинством граждан РФ. И механизмы защиты этого выбора могут быть чрезвычайно разнообразными.

Единые дни голосования проводятся в России с 12 марта 2006 года, когда после вступления в силу поправок в избирательное законодательство впервые прошли одновременные выборы и референдумы регионального и муниципального уровней сразу в 68 регионах страны, в том числе в восьми регионах состоялись выборы депутатов законодательных собраний. Для проведения единых дней голосования тогда были выбраны второе воскресенье марта и второе воскресенье октября. До этого дату проведения выборов и референдумов определяли сами регионы, федеральный центр занимался исключительно выборами федерального уровня — президентскими и выборами депутатов Государственной думы. В исключительных случаях выборы могут проходить и в другие дни, но это уже не носит массового характера.

После вступления в силу в ноябре 2012 года новых поправок в законодательство, единый день голосования проходит раз в году, во второе воскресенье сентября. Последние парламентские выборы РФ состоялись 4 декабря 2011 года. В выборах приняли участие семь партий: «Справедливая Россия», ЛДПР, «Патриоты России», КПРФ, «Яблоко», «Единая Россия» и «Правое дело». Срок полномочий депутатов новой Государственной Думы был увеличен с четырех до пяти лет. Введены: 6% барьер — партия, преодолевшая его, имела возможность получить два мандата, и 5% барьер — партия, преодолевшая этот рубеж, могла претендовать на один депутатский мандат. На прошедших

выборах был отменен избирательный залог, как альтернатива сбору подписей, а число самих подписей, необходимых для регистрации списка, снижено до 150 тысяч. Одновременно с выборами в Госдуму прошли выборы в 27 региональных парламентов.

Отличительных особенностей прошедшей избирательной компании несколько. Во-первых, она была очень высококонкурентной. Большая часть лидеров российской внесистемной оппозиции заявляла о намерении создавать партии и принимать участие в данных выборах (так как практически все оппозиционные движения по тем или иным причинам не смогли официально зарегистрироваться ранее). Однако им было отказано в регистрации по различным причинам: например, из-за несоответствия уставов законодательству, наличия в списках членов партии «мёртвых душ» и т.п. Во-вторых, все зарегистрированные партии приняли участие в парламентских выборах 2011 г. В-третьих, высокая явка избирателей, за некоторым исключением, была отмечена во всех крупных городах России.

Данные, объявленные Центризбиркомом РФ, таковы: «Единая Россия», набравшая 49,54% голосов избирателей, не смогла повторить свой успех четырехлетней давности, который обеспечил ей абсолютное большинство в нижней палате российского парламента пятого созыва. Тем не менее, простое большинство в нынешней Думе у единороссов все-таки имеется. Сложная система распределения депутатских мандатов позволила «Единой России» получить 238 депутатских мест.¹ Все оппозиционные партии, согласно результатам прошедших выборов, расширили свой парламентский статус. КПРФ, набравшая 19,16% голосов, получила 92 депутатских мандата, «Справедливая Россия»

¹Официальный сайт Центральной избирательной комиссии: <http://www.cikrf.ru/>

(13, 22%) — 64 места в Госдуме, ЛДПР (11,6%) — 56 мест. Так и не преодолело 5% барьер «Яблоко». «Патриоты России» не набрали и 1%. «Правое дело», претерпевшее кардинальные изменения в самом начале кампании — 0,57%.¹ Однако, несмотря на высокую риторику, избирательная кампания 2011 г. выглядела достаточно инерционной: в органах законодательной власти остались представители прежних политических партий с немного изменившимся соотношением между властью и оппозицией.

Современные исследователи считают, что российская «системная оппозиция» отличается: высокой склонностью к компромиссам с властями, неконструктивной критикой в адрес представителей правящей элиты и их политики; проведением вялых, обтекаемых предвыборных кампаний; отсутствием ярких оппозиционных политических лидеров; неспособностью сосредотачиваться на реальных проблемах, что, в совокупности, снижает электоральный потенциал. Некоторые партии — прежде всего, КПРФ и ЛДПР — пользуются поддержкой среди определенного количества избирателей, но перспективы к существенному расширению этих групп невелики. Позиционирование партии «Справедливая Россия» основывалось на ее положении привилегированного проекта правящей элиты, который призван вытеснить с политического и электорального поля КПРФ. Постепенно наметились тенденции, ослабляющие позиции лидера партии С. Миронова, а на роль «второй партии власти» был выдвинут новый проект «Правое дело» под руководством олигарха Михаила Прохорова.² Партии «системной оппозиции» имеют свою не-

¹ Официальный сайт Центральной избирательной комиссии: <http://www.cikrf.ru/>

² См. Кривчук И.А. Политические оппозиции и контрэлиты в условиях российской демократической реформации. Автореф. дис.. канд. полит. наук. Ростов н/Д. — 2009

значительную группу поддержки, но вызывают неприятие у основной массы электората. В этом качестве «системная оппозиция» устраивает правящую элиту. Часть избирателей отдала свои голоса «Единой России» не по идейным соображениям, а потому, что другие партии вызывают у них еще большее неприятие.

Оценивая расклад политических сил, многие эксперты объявили о «новой конфигурации» в Госдуме шестого созыва. Распределение мандатов в Думе пятого созыва было иным: у ЕР — 315, КПРФ — 57, ЛДПР — 40, у «Справедливой России» — 38.¹ Действительно, положение оппозиционных партий в действующем парламенте укрепилось. Однако не настолько, чтобы их сил, даже объединенных, хватало на то, чтобы блокировать решения «единороссов» в случаях, когда речь идет о вопросах, требующих одобрения простого большинства голосов. По итогам голосования, практически во всех субъектах Российской Федерации лидирующее положение заняла правящая партия «Единая Россия» с результатом в диапазоне от 29,04% (Ярославская область) до 99,48% (Чеченская республика). Сверхвысокая явка избирателей наблюдалась в Чеченской Республике (до 99%), в Дагестане (более 90%), а также в Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.² Таким образом, территории с повышенным уровнем поддержки «Единой России» включают в себя республики СКФО: Чечню, Дагестан, Ингушетию, Карачаево-Черкесию и Кабардино-Балкарию. Продолжился спад влияния КПРФ в регионах Юга России. Что же касается ареала либеральных партий, то их влияние осталось, преимущественно, столичным.

По мнению российских политологов С. И. Барзилова и

¹Официальный сайт Центральной избирательной комиссии: <http://www.cikrf.ru/>

²Официальный сайт Центральной избирательной комиссии: <http://www.cikrf.ru/>

А.Г. Чернышова для российской провинции характерны, в целом, авторитарные тенденции, которые обнаруживают себя в следующих моментах:

— в отсутствии у большинства социальных слоев политических и организационных возможностей;

— в возможности власти оказывать политическое давление на население;

— в особых формах организации местных органов власти для осуществления политического давления региональной элиты в отношении Центра;

— в наличии политических и социальных технологий властной элиты для манипулирования общественным мнением в регионах.¹

Еще одной отличительной чертой прошедшей избирательной кампании является то, что проходила она на фоне достаточно сильных оппозиционных настроений, жестких социальных обвинений и существенной негативной критики. Официальные результаты голосования вызвали неоднозначные оценки со стороны российских и зарубежных политиков, социологов, журналистов и наблюдателей. Многие из них сходятся во мнении, что в день голосования имели место значительные фальсификации и существенные нарушения на всех уровнях — на уровне избирательных участков (вбросы, карусели, фиктивные предприятия и т.п.), территориальных комиссий (переписывание протоколов), на уровне электронной системы «ГАС Выборы». Наиболее заметными были нарушения на самих избирательных участках, зафиксированные на видеокамеры и мобильные телефоны и вызвавшие широкий общественный резонанс. Среди причин масштабных фальсификаций

¹ Усова Ю.В., Койбаев Б.Г. Политическая элита Северной Осетии: трансформация в постсоветский период. — Владикавказ, 2009. — С. 122-123.

следует выделить, как минимум, две:

— доминирование системной логики государственного аппарата, в котором каждый чиновник должен отчитаться перед начальником, представив результат «не хуже среднего показателя»;

— превалирование интересов конкретных, влиятельных в местном масштабе представителей региональной политической элиты, которые обеспечили себе депутатские кресла коррупционным путём, по своей собственной инициативе, без согласования с «центром».

Нарушения в ходе выборов, а также использование в отдельных случаях административного ресурса не могли не вызывать раздражения и неприятия итогов выборов у некоторой части российского общества. Стихийные протесты, прошедшие непосредственно вслед за выборами, в Москве были действительно массовыми. При всём разбросе оценок относительно численности участников движения, очевидно, что протестных акций такого масштаба Россия не видела с первой половины 1990-х гг. прошлого века. Массовый характер носили акции и в других городах — Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, Томске, Архангельске, Волгограде, Челябинске и др. Основными действующими лицами «белоленточной оппозиции» стали «либералы типа Немцова и карикатурные русофобы из ельцинских 90-х, а также персонажи гламурной тусовки, вроде Божены Рынски и Ксении Собчак, ставшей сначала одним из символов оппозиционного движения, а затем одной из тех, кто инициировал его раскол. К ним были добавлены в небольшом количестве близкие к либералам «уменьшительные националисты», ратующие за федерализацию остатков России, отделение Северного Кавказа и построение государства по западному буржуазно-демократическому образцу, а так же леваки в спектре от «ра-

дикалов» С. Удальцова и А. Баранова до умеренных И. Пономарёва и О. Шеина... В числе выступавших «несистемных оппозиционеров» неожиданно оказался экс-министр финансов Алексей Кудрин». ¹ При этом не существовало какой-либо общей идеи, группирующей вокруг себя в рамках «революции ожиданий» представителей различных социальных слоев российского общества. Отсутствовали общие харизматичные лидеры и политическая программа. Протестные настроения использовались политиками либерального толка в корыстных целях. Частично протесты были вызваны еще и тем, что средства массовой информации накануне выборов подвергли жесткой критике «Единую Россию» и проводили кампанию по дискредитации партии власти.

22 декабря 2011 г. Д. А. Медведев в своём послании Федеральному собранию заявил о готовности слышать тех, кто говорит о необходимости перемен. Среди ключевых предложений им были названы:

- возвращение к выборам губернаторов путём прямого голосования, переход к выборам руководителей субъектов федерации прямым голосованием жителей регионов;

- введение упрощённого порядка регистрации политических партий (по заявке от 500 человек, представляющих не менее 50% регионов страны);

- отмена необходимости собирать подписи для участия в выборах в Государственную Думу и в региональные законодательные органы;

- сокращение количества подписей избирателей, необходимых для участия в президентских выборах до 300 тысяч, а для кандидатов от не представленных в Государ-

¹ Строев С. А. Итоги 2011 года: предвыборная кампания и парламентские выборы в РФ: <http://kprf.ru/crisis/agitator/109302.html>

ственной Думе партий — до 100 тысяч;

- введение пропорционального представительства по 225 округам для депутатов Государственной Думы (при этом, избрание половины депутатов по мажоритарным одномандатным округам не предлагалось);

- изменение порядка формирования Центральной и региональных избирательных комиссий с расширением представительства в них политических партий;

- перераспределение властных полномочий и бюджетных ресурсов в пользу регионов и муниципалитетов, увеличение источников доходов региональных и местных бюджетов (до 1 трлн. рублей);

- создание общественного телевидения.

Таким образом, были предложены конкретные шаги по созданию многопартийной системы и взят общий курс на децентрализацию власти. В результате подавляющее большинство электората отвернулось от социально активного протестного авангарда и предпочло «меньшее из двух зол» — «Единую Россию» и «стабильность», которые стали восприниматься, как единственная реальная альтернатива «реваншу ультралибералов» и повторению перестройки.

В единый день голосования 14 сентября 2014 года в 84 регионах Российской Федерации прошли выборные кампании различного уровня, включая выборы глав 30 субъектов федерации (11 плановых и 19 досрочных) и выборы депутатов законодательных органов государственной власти в 14 субъектах РФ. Всего было назначено порядка 6 тысяч избирательных кампаний. (Приложение. Таблица 1)

Выборы в Крыму и Севастополе стали первым этапом финальной стадии строительства здесь российской политической системы взамен украинской. Оба региона находятся на вдающемся в Черное море полуострове Крым, исторически тяготеющем к России, и оба региона после

референдума о самоопределении в марте 2014 года вышли из состава Украины и воссоединились с Россией. После этого началось масштабное обновление органов власти, в первую очередь исполнительной и судебной. Глава Республики Крым избирается депутатами Государственного совета республики, а губернатор Севастополя — депутатами законодательного собрания Севастополя нового созыва. Кроме Крыма, Севастополя и Москвы, парламенты были сформированы еще в 11 регионах, среди них: Хабаровский край, Тува и Республика Алтай, Марий Эл, Татарстан, Волгоградская область, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия, а также Тульская, Брянская области, Ненецкий автономный округ в Арктической зоне.

В сентябре 2014 года должны были также состояться прямые выборы главы Кабардино-Балкарии. Однако 25 декабря 2013 года парламент Кабардино-Балкарии принял законопроект об отмене прямых выборов главы республики в первом чтении, а 3 апреля 2014 года принял в окончательной редакции поправки в Конституцию КБР и закон «О порядке избрания главы КБР», отменив прямые выборы главы региона. (Приложение. Таблица 2) Одновременно в Карачаево-Черкесии 26 декабря 2013 года Народное Собрание республики внесло изменения в конституцию республики, законодательно утвердив отмену прямых выборов главы Карачаево-Черкесии. Выборы должны состояться в 2016 году.

В единый день голосования 13 сентября 2015 года в РФ прошли выборные кампании различного уровня, включая выборы глав субъектов Федерации (10 очередных, включая 3 — через парламенты субъектов, и 14 досрочных) и выборы депутатов законодательных органов государственной власти в субъектах РФ. (Приложение. Таблица 4) Выборы того или иного уровня проводились во всех субъек-

ектах федерации, кроме КБР и РСО — Алания. Назначение выборов глав и законодательных (представительных) органов субъектов федерации состоялось с 4 по 14 июня 2015 года. (Приложение. Таблица 3) В тех регионах, главы которых ушли в отставку после окончания указанного срока, досрочные выборы состоятся лишь в единый день голосования 2016 года.

Таким образом, выборы в органы власти являются одним из механизмов элитогенеза, возможностью реализации новых электоральных технологий позиционирования и легитимации современной политической элиты и контрэлиты. Реализация новых возможностей идеолого-властно-политического позиционирования и/или легитимации политических элит России на современном этапе связана:

- с ростом политической конкуренции;
- более активным использованием информационного ресурса;
- повышением активности различных социальных групп, формулирующих и отстаивающих свои, часто противоположные, интересы, в отсутствие механизмов по согласованию этих интересов и разрешению конфликтных ситуаций, что приводит к дестабилизации политического порядка. Одним из способов восстановления общественного спокойствия в подобных условиях является модернизация политических институтов.
- активным использованием административного ресурса;
- формированием новой конфигурации политических элит, связанной с утратой конституционного большинства в парламенте;
- попытками влияния на формирование политической элиты и результаты выборов через «внесистемную оппозицию», получающую финансовую и информацион-

ную поддержку из-за рубежа. Отсутствие единого харизматического лидера и четкой программы действий является на сегодняшний день одной из главных проблем «внесистемной оппозиции». По мере развития процессов демократизации, с учетом возрастания стратегического потенциала РФ на современном этапе, попытки формирования российских политических элит прозападной ориентации при скрытой информационной и финансовой поддержке из-за рубежа могут активизироваться.

2.2. Политические институты современной России в контексте позиционирования региональных политических элит

В плюралистической политической системе одной из главных функций партии, как важнейшего политического института, является участие в рекрутировании кандидатов на высшие государственные должности и в формировании органов законодательной и исполнительной власти. Поддержка со стороны политических институтов предполагает дополнительный организационный ресурс. Поэтому позиционирование в совокупности современных политических институтов решает важные задачи. Участие в партиях и общественно-политических движениях позволяет представителям политической элиты и контрэлиты более эффективно реализовать конкретную модель позиционирования.

За всю историю постсоветского периода президент Российской Федерации ни разу не избирался на пост, как партийный кандидат. В ходе избирательных кампаний по выборам главы государства 1996, 2000 и 2004 годов будущего президента поддерживали широкие коалиции, в которые входили как различные массовые общественные объединения, так и вершущечные группы влияния. Поли-

тические партии неизменно принимали участие в этих коалициях, но отнюдь не играли в них решающей роли. По сравнению с советским периодом, когда единственной доминирующей партией была КПСС, политические партии постсоветской России так и не стали важнейшим каналом рекрутирования политических элит. В современной России люди по-прежнему попадают на высокие государственные должности, в основном, с административных позиций и через кланово-корпоративные каналы.

Правительство России, согласно Конституции страны и сложившейся практике, формируется президентом. Только в зависимости от его решения некоторые представители политических партий, включая «партию власти», могут быть назначены министрами или руководителями других правительственных ведомств. Партийные лидеры не разрабатывали политический курс правительства, ключевые направления которого всегда формулировались в президентских структурах. Кооптация же видных представителей «партии власти» в кабинеты министров осуществлялась либо по профессиональному принципу, либо преследовала имиджевые цели.

Вместе с тем, партийно-политическая система России постоянно эволюционировала, начиная с 1991 г., когда был принят закон «Об общественных объединениях», который наряду с Конституцией России 1993 г. стал гарантом многопартийности. Отличительными чертами партийно-политической системы на этом этапе были неоднородность и нестабильность. В 1993 г. в России было зарегистрировано 167 политических партий, а в выборах в Государственную Думу приняли участие 13 партий и объединений. Выборы 1993 г. продемонстрировали относительно низкую дееспособность политических партий. В выборах 1995 г. участвовали 43 партии, несмотря на то, что 273 организации обла-

дали таким правом. В выборах органов представительной власти 1999 г. из 139 существующих общественно-политических объединений приняли участие 26 партий и блоков. Это привело к уменьшению количества участников избирательных кампаний по партийным спискам, к возникновению крупных межпартийных структур и созданию на их основе массовых партийных объединений¹.

Появление на российской политической сцене весной 1995 г. первой общенациональной «партии власти» в качестве института, организованного в форме всероссийского общественно-политического движения «Наш дом — Россия» (НДР), не было случайностью. Однако сформировавшиеся к тому времени новые постсоветские элиты ни организационно, ни финансово еще не окрепли. Имея за спиной опыт первых попыток радикального преобразования российской экономики и общества, предпринятых правительством Егора Гайдара в 1992 году и пройдя через острые политические конфликты 1991-1993 гг., новые элиты на практике ощутили пределы возможного в осуществлении рыночных реформ, на которые российское общество тогда было готово согласиться. В этой ситуации новые элиты оказывались перед необходимостью решать сразу две важные задачи:

— сохранить лидирующие позиции в стране, власть и собственность, обретенные в период начальной стадии процесса посткоммунистической трансформации;

— удержать массы и некоторые радикальные политические силы от попыток реставрации прежнего политического режима путем сохранения в своих руках власти легальным путем — через выборы. Решение обеих этих задач объединила идея стабильности. Именно эта идея

¹ Официальный сайт Министерства юстиции РФ: <http://minjust.ru/ru>

и стала ключевой как в программных установках, так и в практической деятельности НДР.

Конечно, понятие «стабильность» интерпретировалось по-разному, в зависимости от социального адресата. Для новых политических элит оно должно было означать гарантии сохранения достигнутого, для остальной части населения — отказ от радикальных и непродуманных попыток быстрого переустройства окружающей действительности. Итогом такого рода восприятия могла быть только идеологическая размытость, неясность, наличие умеренно-реформаторских и государственно-патерналистских лозунгов. Именно таким желанием действовать «широким охватом», логически вытекавшим из некоторой двойственности общественного положения постсоветских элит в тот период, и объяснялось, на наш взгляд, их стремление к максимально возможной деидеологизации, которое, конечно же, затрагивало и «партию власти».

Исходя из таких представлений, следует признать, что попытки идеолого-властно-политического позиционирования партии «Выбор России» (ВР) и Партии Российского Единства и Согласия (ПРЕС), образованных накануне думских выборов 1993 года, в качестве первых в современной истории страны «партий власти», страдают неточностью. Партия «Выбор России», несмотря на, казалось бы, политическую близость к президенту Б. Н. Ельцину в указанный период, была ярко выраженным идеологическим объединением, с которым прочно связывалась стратегия и практика радикальных рыночных реформ. Но такая политическая линия к концу 1993 — началу 1994 г. уже отторгалась значительной частью постсоветских элит. Не случайно, вскоре после избрания первого российского посткоммунистического парламента, Ельцин осуществил переход к более умеренному социально-экономическому курсу, а

представители радикальных реформаторов постепенно были удалены из правительства Виктора Черномырдина. В силу этих обстоятельств «Выбор России» не мог претендовать на роль консолидатора новых элит. Эта партия не могла быть приемлемой и для большинства населения, поскольку с именами ее лидеров — Егора Гайдара и Анатолия Чубайса оно и связывало свои невзгоды. Создатели подлинной «партии власти», если и не ставили масштабной цели обретения популярности у массовых слоев населения, то, по крайней мере, хотели сделать ее приемлемой для этих слоев, не вызывающей у них глубокого неприятия.

ПРЕС же с самого начала позиционировалась как партия, отражающая интересы российских регионов, и уже именно поэтому имела весьма призрачные шансы на роль широкой элитной коалиции.

Предшественником общенациональной «партии власти» явились региональные «партии власти» и предвыборные коалиции, которые стали создаваться некоторыми главами субъектов Федерации в процессе подготовки к губернаторским выборам 1993-1995 гг. Некоторые из них, такие как партия «Преображение Урала» (позднее переименованная в «Преображение Отечества») в Свердловской области оказались устойчивыми и долгосрочными политическими конструкциями. Являясь центрами консолидации различных групп местной элиты вокруг главы субъекта Федерации, эти партии одновременно выполняли функции клиентельной защиты населения данной территории от различных рисков: непродуманной политики Центра по отношению к данному региону, попыток радикальных политических сил дестабилизировать ситуацию. В условиях постоянно сохранявшейся в стране угрозы дестабилизации обстановки, регионализации политической жизни, подобного рода защита, пусть и носившая весьма

ограниченный характер, становилась заметным фактором укрепления позиций «партии власти» в политических процессах.

Однако помимо сдерживающего влияния на развитие многопартийности «институционального дизайна» российской политической системы, становлению и укреплению позиций первой в истории посткоммунистической России «партии власти» препятствовали и некоторые особенности политического режима Б. Н. Ельцина. После октябрьских событий 1993 года Ельцин фактически отказался от проведения инициативной политики масштабных социально-экономических и политических изменений. Главной целью его деятельности стало сохранение собственной власти.¹

Следующий период эволюции партийно-политической системы начался в 2001 г. принятием закона «О политических партиях». Основным итогом принятия закона явилось уменьшение количества политических партий. Непартийные политические структуры и общественные организации лишились политического статуса. Помимо этого, партийный статус мог присваиваться только общероссийским объединениям, региональные политические структуры не имели права именоваться партиями. Минимальная численность членов партии была увеличена до 10 тысяч человек. Введение нормы регионального представительства привело к тому, что более половины субъектов России должны были иметь региональные партийные отделения численностью не менее 100 человек. Количество политических партий в России постепенно сокращалось. В 2003 г. было зарегистрировано 44 партии, обладающих правом участия в федеральных выборах. В выборах в законодательные органы власти РФ 2003 г.

¹ Рябов А. Пока не началось: <http://polit.ru/article/2006/02/10/>

приняли участие только 18 партий и 5 блоков, а в 2005 г. — 36 общественных объединений.¹

Новый политический режим взял курс на усиление централизаторских начал в управлении страной, выразившийся в строительстве «властной вертикали». Одновременно началась консолидация властной элиты. Этот процесс сопровождался вытеснением из активной политической жизни независимых от государства политических игроков, к числу которых в любой демократической системе принадлежат и партии. Все это создавало принципиально новые условия для позиционирования «партии власти». С одной стороны, при осуществлении федеральной исполнительной властью централизаторской политики, она вполне бы могла, только с гораздо большим успехом, чем ранее, выполнять функции «группы поддержки». Кстати, именно эта роль и оказалась поначалу востребованной в период 2000-2002 годов, когда в Третьей Государственной Думе шел процесс консолидации пропрезидентских фракций и депутатских объединений. Но, с другой стороны, задача создания «властной вертикали» не исчерпывалась только государственными институтами. Вертикаль «партии власти» могла бы выполнить весьма важные для нового политического режима задачи — стать инструментом консолидации элит, ограничить власть и влияние региональных лидеров. Решение этих задач «группе поддержке», пусть даже постепенно получившей большинство в Государственной Думе, было явно не по плечу. Правящим элитам уже требовалась политическая организация со всеми признаками партии — не только с отстроенными центральными органами и парламентской фракцией, но и разветвленной

¹ Официальный сайт Министерства Юстиции РФ: <http://minjust.ru/ru>

организационной структурой на местах. «Партии власти» было суждено теперь играть более серьезную роль в политике, чем просто проводника законодательных инициатив правительства через Думу, требовалось уйти от образа «имиджевой партии».

В 2002 году на базе объединения нескольких пропрезидентских парламентских фракций в Госдуме («Единства», ОВР, группы «Регионы России») и их региональных структур во главе с «Единством» была сформирована новая партия «Единая Россия». И хотя некоторые небольшие объединения типа «Народной партии» и после этого события попытались играть роль дублеров — в исторической перспективе их надежды оказались беспочвенными, что и подтвердили следующие выборы в Государственную Думу в декабре 2003 года. На выборы 2003 года «партия власти» уже выставила избирательный список, в котором доминировали выдвиженцы различных федеральных и региональных элит

Дальнейшее идеолого-властно-политическое и статусно-ролевое позиционирование «партии власти» в решающей степени было предопределено становлением системы «управляемой демократии», отличительным признаком которой являлось сохранение многопартийных выборов при одновременном фактическом свертывании конкурентности во всех сферах политики. В этой связи популярность в кругах властной элиты приобрели планы создания в России многопартийной системы с «доминантной партией».

В 2004 г. минимальная численность членов партий была увеличена до 50 тысяч человек. Нормы регионального представительства повысились в пять раз. С 2006 г. партии, не соответствующие положениям новых законов, были вынуждены или влиться в ряды более крупных

общественных объединений, или перейти в формат общественных движений. В 2008 г. функционировало пятнадцать политических партий, одиннадцать из которых принимали участие в выборах в Государственную Думу 2007 г. В результате поглощений и слияний в 2009 г. на политической арене России оставалось только семь партийных структур.¹

Семипартийная система в 2009 г. включала четыре парламентских и три непарламентских системных партии. Продолжали создаваться новые политические объединения, но ни одно из них не смогло преодолеть ограничительные фильтры закона. Таким образом, возник феномен «несистемной оппозиции». Такое положение сохранялось до 2011 г., когда были внесены поправки в закон «О политических партиях». После вступления закона в силу началось постепенное формирование новой партийной системы, основанной на конкуренции стимулируемого участия. Власть начала процесс непосредственного стимулирования активных общественных объединений к участию в политическом процессе. Минимальная численность членов партии сократилась до 500 человек, нормы регионального представительства устанавливаются самими партиями,

Общественные организации, претендующие на партийный статус, такие как «Союз правых сил», «Родина», «Воля», уже заявили о себе. Основная причина появления новых партий — переход протестной активности в иной легитимный системный формат. Вчерашние представители оппозиции сегодня готовы создавать партии, способные позиционировать себя в качестве представителей реальных интересов и идеологических пристрастий избирателей. Немало оргкомитетов новых общественных объединений

¹ Там же

позиционируют себя в качестве представителей интересов среднего класса — жителей крупных городов, предпринимателей, активных пользователей средств массовой коммуникации. Ряд будущих партий заявляет об универсальности своей программы или действует по принципу контрпозиционирования, например четыре оргкомитета делают заявку на партийный бренд «Против всех».¹

Модернизация политической системы страны стала ответом политических элит на запрос значительной части общества. Лидеры неформальных объединений могут формализовать свои структуры в виде партий, тем самым создается возможность политического участия в современном политическом процессе. Политические элиты получают дополнительные ресурсы для воздействия на партийную систему. «Единая Россия», как партия власти, имеет достаточно ресурсов и влияния, чтобы сохранить свой электорат, невзирая на повышающуюся активность новых партий. Сами же новые партии могут претендовать на голоса «системной оппозиции», таким образом, политическая система в перспективе может стать по-настоящему конкурентной

Избирательная кампания 2012 г., завершившаяся инаугурацией президента Владимира Путина, стала значимым этапом для политической истории страны. Правящая элита внесла значительные изменения в законодательство о выборах и политических партиях, тем самым был дан ответ на системный запрос общества, связанный с либерализацией политической системы. Таким образом, уже в самом ближайшем будущем качество и уровень политической конкуренции могут значительно вырасти.

Немаловажную роль в данном случае играет фактор

¹ Орлов Д. «Единая Россия» и партийная система: новые вызовы и новое лидерство. Аналитический доклад: <http://rostov-inside.ru/experts/>

инертности традиционной оппозиции. Стремясь привлечь дополнительные протестные голоса на последних парламентских выборах, КПРФ, «Справедливая Россия» и ЛДПР уделяли недостаточно внимания работе со своим традиционным электоратом. Протестное голосование и электоральная мобильность в совокупности позволили оппозиции несколько улучшить свои результаты на и федеральном и на региональном уровне. Однако это улучшение носит временный ситуативный характер. В тех условиях, когда наряду с традиционной оппозицией возникает множество малых партий со свежими идеями и новыми программами, критика партии власти перестанет приносить значимые результаты.

Представителям оппозиционной элиты необходимо экстренное обновление методов и технологий. Так, например, политическая деятельность руководства КПРФ всегда характеризовалась отсутствием каких-либо решительных действий, принципиально противоречащих позиции власти. При этом не скрывалась готовность к торгу с властью при решении важных для правящей группы вопросов. Со временем стало очевидно, что для КПРФ во главе с Зюгановым важнее сохранить ранее достигнутые идеолого-властно-политические и статусно-ролевые позиции, чем приобретать новые. Следствием этого пассивного курса стала утрата партией статуса ведущей парламентской фракции после выборов 1999 года и дальнейшее «скатывание» в парламентское меньшинство. Потенциал КПРФ неуклонно слабел от года к году, что подтверждалось итогами выборов в региональные органы власти. На протяжении всех этих лет руководство КПРФ систематически пресекало любые попытки ротации руководящих кадров, модернизации организационной структуры, идеологии и методов деятельности, поскольку обо-

снованно опасалось утратить свой статус. Партию начали сотрясать внутрипартийные скандалы, и многие видные члены ЦК КПРФ, несогласные с Зюгановым, были исключены из партии либо вышли из неё сами. В настоящее время статусно-ролевое и идеолого-властно-политическое позиционирование КПРФ, в качестве оппозиции правящему режиму, имеет внушительное финансирование, согласно закону, со стороны этого режима. Таким образом, встает вопрос, является ли КПРФ реально оппозиционной партией?

Стилистика ЛДПР также довольно архаична. Реальная идеологическая программа партии явно не соответствует ни принципам либерализма, ни основам либеральной демократии. Всё время своего существования руководство партии во главе с бессменным лидером В. Жириновским позиционировало себя именно в качестве «непримиримой» оппозиции. Действительная же роль, которая была отведена ей со стороны правящей элиты, заключалась в нейтрализации влияния на выборах наиболее маргинального и протестного электората. В условиях возрастающей партийной конкуренции авторитарные и националистические партии, при условии прохождения ими регистрационных процедур, могут начать конкурировать с ЛДПР. Сможет ли руководство ЛДПР преодолеть проблему потери политического влияния — этот вопрос остается открытым.

Партия «Справедливая Россия» была создана в октябре 2006 года путём слияния трёх прокремлёвских партий — «Родины», Российской партии пенсионеров и Российской партии жизни. Учитывая, что прямое участие в создании объединённой партии принимала администрация президента России, вопрос об оппозиционности весьма спорен, несмотря на то, что руководство «Справедливой

России» также позиционирует себя в качестве оппозиционной силы. Вследствие протестного голосования эсеры показали неплохой результат на последних выборах в Государственную Думу. Однако в настоящий момент партия ослаблена в силу нескольких причин. Во-первых, крайне низкий результат лидера партии С. Миронова на президентских выборах показал его непопулярность и несостоятельность. Во-вторых, сказывается влияние центр-периферийных расколов, преследующих партию перед каждой выборной кампанией, и общий кризис лидерства в самой «Справедливой России». Голосование в Государственной Думе по кандидатуре премьер-министра также можно рассматривать как следствие недостаточной консолидации партии. Таким образом, «Справедливая Россия» сможет сохранить минимальное влияние, только преодолев внутренние противоречия, и при условии взаимодействия не только с лидерами «Единой России», но и с ее конкурентами.

Наиболее последовательно на демократическом фланге работала партия «Яблоко», идеолого-властно-политическое позиционирование которой, начиная с 1993 г., можно охарактеризовать, как «принципиальная» оппозиция. Григорий Явлинский неоднократно выступал с критикой правительственного курса и, в целом, политического режима. В 1993-2004 годах фракция «Яблока» было представлена в нижней палате парламента, однако «Яблоко» всегда оставалось небольшой партией. Партии «Яблоко», как и «Союз правых сил» никогда не имели возможности оказывать влияние на принятие каких-либо стратегических, важных решений в стране. Поэтому единственным вариантом оставалась позиция демонстративного выражения несогласия с правящей элитой по любому вопросу, но такие действия имели своей целью

лишь привлечение общественного внимания. К 2009 году процесс медленного разложения «Яблока» приобрел необратимый характер, и его не остановила даже отставка лидера партии Григория Явлинского.

Анализ современной «внесистемной оппозиции» в России явно показывает, что она не способна прийти к власти самостоятельно ни при каких условиях. Возможная же иностранная поддержка (например, из США) любой из структур не принесла бы реальной пользы, не привела бы ни к каким результатам. Вряд ли это нужно западным элитам, особенно в условиях экономического кризиса. Поэтому со всей очевидностью встаёт вопрос о пересмотре всей существующей системы поддержки российских оппозиционных, неправительственных и правозащитных организаций. Этот вопрос подразумевает отказ от финансирования и лишение политической поддержки неоднократно доказавших свою неэффективность клонированных оппозиционных структур, возглавляемых одними и теми же лицами, ведущими нерезультативную деятельность. Но такой отказ означает фактическое прекращение существования современной «внесистемной оппозиции».

Новые правила — это вызов не только для оппозиционной партийной элиты, но и для «Единой России», которую возглавляет Д. А. Медведев. Цели правящей партии пересекаются с консолидированной программой властной элиты и новой повесткой дня. «Единая Россия» изначально позиционировалась не как идеологическая партия, а в качестве политического инструмента реализации стратегии Президента РФ В. В. Путина, который пользовался поддержкой представителей различных социальных групп. Объединить их в ходе избирательных кампаний стало возможно на внеидеологической основе, что и было с успехом реализовано.

Модернизированная система лидерства внутри самой партии и иной формат политического и технологического лидерства чрезвычайно актуальны сегодня для «Единой России». Алгоритм взаимодействия руководства «Единой России» с представителями контрэлиты на современном этапе может происходить по линии «от доминирования — к лидерству» в условиях развития конкурентной политической системы.¹ В своих выступлениях Д. А. Медведев подтверждает социальную направленность государственной политики и социальные гарантии населению. Созданные в «Единой России» платформы призваны как институционализировать внутрипартийную дискуссию, так и создать реальные центры внутрипартийной конкуренции, что в итоге должно привести к возникновению новых социальных «лифтов», новой системы, где представители политических элит смогут детально артикулировать свою позицию вне бюрократизированных парламентских процедур.

Изменения в этой области уже происходят. По принципу накопленного потенциала усиливается внутрипартийная конкуренция. Вертикальные схемы региональных избирательных кампаний партии власти с опорой на глав регионов меняются на горизонтальные, опирающиеся на лидеров праймериз и лояльных по отношению к властной элите лидеров общественного движения в округах. После перехода к процедуре прямых выборов, кандидат в губернаторы, выдвинутый «Единой Россией», также должен выглядеть конкурентоспособным. Появление новых лидеров в регионах — это одно из условий эффективного функционирования новой системы лидерства партии власти.²

В условиях перехода к новому формату лидерства и

¹ См. Орлов Д. Указ. соч.

² Там же.

коррекции идеолого-властно-политического позиционирования актуализировалась проблема поддержания ведущих позиций партии власти в сфере политических технологий, прежде всего, на региональных выборах. «Единая Россия» ухудшила свой результат на муниципальных выборах и сократила представительство в некоторых региональных законодательных собраниях. Как нам представляется, это связано с активизацией оппозиционных выступлений и появлением на политической арене новых партий. Введение прямых выборов руководителей регионов актуализирует проблему электоральной мобилизации, особенно в крупных городах. В случае успешной «перезагрузки» партия власти во главе с Д. А. Медведевым сможет претендовать на качественно новое более эффективное, компактное и мобильное позиционирование в конкурентной политической системе.

В мае 2011 года было объявлено о создании «Общероссийского народного фронта» — коалиции общественных организаций, в рамках которой беспартийные кандидаты смогут по списку «Единой России» пройти на выборы 2011 года в Государственную думу. В июне 2012 года в Москве прошёл учредительный съезд, в ходе которого ОНФ был переименован в общероссийское общественное движение «Народный фронт за Россию», лидером которого был избран В. В. Путин. В июне 2013 г. на учредительном съезде «Общероссийского народного фронта» был решен вопрос о процедуре вступления в ОНФ, куда смогут вступать только отдельные граждане, а не как было раньше — целые организации.

В. В. Путин после прихода на третий срок поставил перед собой цель — перезаключение нового пакта о лояльности с элитами. В период президентских выборов 2012 г. ОНФ втягивал в орбиту диалога с властью разнонаправ-

ленные политические силы и общественные слои. В настоящее время его роль представляется более масштабной, востребован новый коммуникативный формат для взаимодействия правящей элиты с обществом и элитными группами. Народный Фронт в том виде, как он себя позиционирует сейчас, — это прообраз некой альтернативной политической системы. Фронт позиционируется, как протокоалиция развития, как надпартийное общественное движение, механизм прямого взаимодействия народа и власти, который должен постоянно пополняться, в том числе путем включения новых партий и организаций. Механизм работы включает в себя максимально детальную межпартийную коммуникацию, диалог с бизнесом, диалог в высших властных структурах и, еще шире, национальный диалог.¹

Народный фронт должен решить две основные задачи: создание широкой общенародной поддержки президенту Путину и обновление элит. Значительная часть региональных элит, часть федеральной элиты не являются пропутинскими. И это можно отследить даже на примере реализации указов президента, когда мы видим, что указы президента, прямые указания не исполняются. Через Народный фронт президент стремится обновить элиты, «впрыснуть новую, свежую, живую, молодую кровь в прогнивший механизм государственного управления»².

Опираясь на «Общероссийский народный фронт», президент стремится позиционировать себя уже в новом качестве — как национальный лидер, который намерен дать ответы на главные долгосрочные вызовы, стоящие перед современной Россией. ОНФ рассматривается как площад-

¹ Леонтьев М. Зачем Народный Фронт? <http://www.odnako.org/blogs/show>

² Там же.

ка для коммуникации между главой государства и различными профессиональными, социальными и прочими группами, и как площадка для обнародования заявлений, которая позволяет апеллировать к более широкой аудитории, нежели электорат «Единой России».

«Единая Россия» выступает в качестве политической и технологической основы ОНФ, главной структуры, входящей в его состав. Именно партией власти был инициирован проект формирования кадрового резерва современной российской элиты, благодаря которому можно обозначить ресурсы для исполнительных органов власти, бизнеса, науки; выработать четкие партийные, государственные и общественные (через систему выборов) форматизированные механизмы, способные обеспечить восходящую вертикальную мобильность.

«Правоконсервативная» коррекция идеолого-властно-политического позиционирования партии власти на современном этапе позволяет стабилизировать консолидированную текущую поддержку электоратом правящей элиты за счет конструктивного взаимодействия на обеих сторонах от «центра». При этом ОНФ может выражать интересы умеренно левого избирателя. «Единая Россия», используя имидж социально-консервативной партии, является умеренно правоцентристской политической силой в публичном позиционировании и проводимой политике. ОНФ, как институт межпартийного диалога и Президент В. В. Путин могут, при этом, занимать более умеренную позицию, учитывающую интересы отдельных социальных и политических групп, непосредственно не связанных с партией власти.¹

Возможные последствия такой эволюции очевидны:

¹ Орлов Д. «Единая Россия» и партийная система: новые вызовы и новое лидерство. Аналитический доклад: <http://rostov-inside.ru/experts/>

1) более целенаправленная поддержка правительства «Единой Россией»;

2) дистанцирование от левых партий;

3) повышение роли умеренных социальных консерваторов в обновленной партии власти, которые позволяют ей сохранить статус «всеохватной» политической структуры.

В составе современной партийно-политической элиты также происходят серьезные изменения. С одной стороны обнаружилось процессы стабилизации и даже стагнации: лидеры думской оппозиции и, прежде всего, Геннадий Зюганов и Владимир Жириновский, давно уже превратились в ветеранов российской политики и признают, что пора уступить дорогу молодёжи. Но делать этого особенно не торопятся. С другой стороны «Единая Россия», (которую давно упрекали в том, что это партия застойных элит, оторванных от динамических процессов, происходящих в обществе), переживает изменения кадрового характера. После прихода Дмитрия Медведева, в партии идёт полномасштабная политическая реформа. Фракция обновилась, там появилось много фигур и в том числе молодых. В этом отношении партия большинства явно опережает системную оппозицию в кадровом обновлении.

Важно, что появился кадровый резерв партийной элиты. Речь идёт о тех партиях, которые получили право на полноценное участие в политической жизни, благодаря политической реформе, о малых партиях, о внепарламентских партиях. Они ведут себя по-разному, отсеб будет, как всегда, достаточно высоким, но резерв для обновления партийно-политической элиты сформировался.

Поиск командой В. Путина новых кадровых резервуаров наблюдается и в неполитической плоскости. Помимо проекта Общероссийского Народного Фронта, который позволяет партии власти демонстрировать максимальную

идеологическую гибкость, сам президент обозначил несколько экспериментальных площадок:

— Русское Географическое Общество, как сетевая структура, которая может эксплуатировать тему регионального патриотизма и включать в свою деятельность региональные элиты, с акцентом на Сибирь и Дальний Восток;

— движение по возвращению в исторический оборот Первой Мировой Войны — синтез консервативных ценностей имперского и советского периодов;

— студенческие спортивные общества, как инструмент подготовки и позиционирования будущей политической элиты по американскому образцу

Огромную роль играют изменения модели поведения и ориентации представителей современной политической элиты. Произошли важные перемены — появилась система стимулов и ограничений, направленная на масштабную национализацию российской элиты. Новые инициативы дают стимул для дальнейшей профессионализации политического класса. Политики, парламентарии, чиновники должны сосредотачиваться на своей профильной деятельности — политическом управлении, думской работе и государственном управлении. Любое занятие другими видами деятельности, (в большинстве случаев речь идёт о бизнесе), создает стимулы для свёртывания таких видов деятельности, а тезис по национализации включает меры по ликвидации тех обязывающих связей, отношений и зависимостей, которые могут возникать у членов российского политического класса за рубежом, когда речь идёт о счетах и собственности за пределами России.

Наметились серьезные изменения и в региональных элитах. Появились новые лица на федеральном уровне, которые были привлечены из регионов, потому что ОНФ

и позиционируется как специальный вертикальный канал социальной мобильности.

Таким образом, на современном этапе кардинальным образом изменился характер позиционирования политических элит в российском политическом пространстве. Условия перехода к новому формату позиционирования политических элит обусловлены следующими причинами:

1) необходимостью контроля над широкими социальными слоями и радикальными политическими силами путем сохранения лидирующих позиций легальным путем — через выборы;

2) переходом протестной активности в иной легитимный системный формат, что является ответом властных элит на запрос значительной части общества;

3) необходимостью модернизации современной политической системы, включающей институционализацию внутрипартийной дискуссии, создание новых центров внутрипартийной конкуренции, возникновение новых «социальных лифтов»;

4) необходимостью пересмотра существующей системы оппозиционных, неправительственных и правозащитных организаций, что обусловлено влиянием факторов инертности традиционной «системной оппозиции» и неспособности «внесистемной оппозиции» самостоятельно прийти к власти;

5) поиском новых кадровых ресурсов в политической и неполитической плоскости.

Новый формат идеолого-властно-политического, экономически-ресурсного и статусно-ролевого позиционирования политических элит в ситуации современных трансформаций российских политических институтов включает в себя:

— создание системы политического и технологиче-

ского лидерства партийной элиты, заданного формулой: «от доминирования к лидерству» в условиях развития конкурентной политической системы;

— коррекцию политического позиционирования партии власти, не теряющей статуса «всеохватной», и оппозиционных партий, что обусловлено необходимостью активизации консолидированной электоральной поддержки политической элиты и контр-элиты для удержания и либерального, и консервативно-патерналистски настроенного электората под контролем. Значительная часть современной партийной элиты стремится избегать четкого идеологического позиционирования. Такой подход отражает общемировую тенденцию, в соответствии с которой происходит диффузия и заимствование ценностей идеологий различных партий, как ответ на размывание и усложнение социальной структуры экономически развитых стран;

— замену вертикальных схем избирательных кампаний, с опорой на глав регионов, на горизонтальные — с опорой на лидеров праймериз и лояльных властной элите руководителей общественного движения;

— завоевание ведущих позиций в сфере политических технологий и масс-медийного позиционирования. На первый план сегодня выходят имиджевые и рекламные информационно-коммуникационные технологии, где идеологические ценности играют инструментальную роль, оказывая воздействие не на основе рационального осмысления, а в качестве факторов эмоциональной мотивации поведения населения;

— ориентацию на устойчивые ценности в политической культуре большинства населения. Идеологическое позиционирование современной партийной элиты подразумевает собственную трактовку понимания социальной справедливости, демократических ценностей, патриотиз-

ма и т.д. С одной стороны это создает трудности для осознанного голосования на выборах и служит предпосылкой для специфических политических технологий «растаскивания» голосов основных конкурентов; с другой стороны — происходит «кристаллизация» политических ценностей, на основе которых может быть сформировано ядро общенациональной идеи;

— появление системы стимулов и ограничений, направленной на масштабную профессионализацию и национализацию российских политических элит. Представители политических элит страны должны непосредственно заниматься своей профессиональной деятельностью — политическим управлением и думской работой. Активизация других видов деятельности создает стимулы для их свёртывания, а тезис по национализации означает ликвидацию связей, отношений и зависимостей, возникающих у представителей российского политического класса за пределами России;

— создание нового коммуникативного благожелательного и активного «интерфейса власти» для взаимодействия с политическими институтами, элитами и обществом через надпартийное общественное объединение «Общероссийский народный фронт». Создание ОНФ свидетельствует о том, что иная модель, складывающаяся в современной России, идет на смену старым партийным системам. В состав политических элит современной России стремятся войти новые люди, чьи интересы представляют вновь создаваемые партии. Главный вопрос заключается в том, сумеют ли они принять участие в реальном политическом процессе путем создания блоков и коалиций и какая эволюция ждет политические элиты в связи с ростом социальной активности партий вне парламента.

3.3. Специфика масс-медийного позиционирования

региональных политических элит в современном политическом процессе

Выстраивание элитами конструктивных отношений со всеми элементами политического пространства невозможно без установления эффективных связей с ними. Выбор и характер использования конкретных средств коммуникации зависит от объекта информационного воздействия и конкретной политической ситуации. Технологии позиционирования современных политических элит должны также включать в себя взаимодействие со СМИ, публикацию агитационных материалов, различного рода служебную и доверительную информацию и др. Совокупность этих элементов составляет информационное пространство, формирование которого на современном этапе является одной из важных задач.

Проблема места и роли средств массовой информации в политическом процессе приобрела особую актуальность в начале XX века. Появился новый вид — массовая политическая коммуникация, рассчитанная не только на элиты, но и на широкую общественность. В современном мире именно политическая коммуникация обеспечивает трансляцию информации между политической и социальной системами, а СМИ являются важнейшим политическим институтом. Информация сегодня является важнейшим ресурсом, обретает способности универсального капитала, становится системным модератором социально-политического пространства. Формируя и выражая общественное мнение определенных групп, СМИ являются так называемой «четвертой властью», поэтому неслучайно крайне актуальным оказывается вопрос степени влияния и взаимодействия властных структур и СМИ.

Анализируя специфику элитных проявлений во властных отношениях, можно сделать вывод о том, на совре-

менном этапе происходит смещение акцентов от доминирования к политическому и технологическому лидерству. Современные политические элиты, образованные на основе рекрутации из различных социальных слоев и групп, в процессе реализации своих властных позиций используют манипулятивные социально-политические технологии, образуя сложную систему формальных и неформальных, публичных и непубличных отношений.

Влияние политических элит во многом зависит от степени их взаимодействия со СМИ. Со стороны СМИ субъектами взаимодействия с политической элитой выступают: владельцы и руководители крупных изданий; информационные медиа-холдинги; объединения СМИ в рамках творческих союзов; объединения СМИ на политической, региональной и этнической основе.

Политические элиты сами определяют методы работы и модели взаимодействия со СМИ, включающие:

- вхождение в руководящие органы, учредители СМИ, советы директоров и медиа-холдингов, редакционные советы представителей политических элит;
- лоббирование политическими элитами интересов СМИ в органах законодательной и исполнительной власти;
- участие органов государственной власти в развитии СМИ;
- избрание элиты СМИ во властные структуры, органы законодательной власти, различные комитеты при главах субъектов РФ;
- экономическое сотрудничество на взаимовыгодной основе;
- коррупционную составляющую.¹

¹ См. Старииков А.Г. Взаимодействие элиты СМИ и политической элиты в политическом процессе современной России: Дис.... канд. полит. наук: 23.00.02: Ростов н/Д, 2005. — С.112.

Наибольшую активность процесс избрания представителей СМИ во властные структуры приобрел в период расцвета гласности. Достаточно большое количество известных телеведущих и журналистов стали Народными депутатами СССР, затем депутатами Государственной Думы РФ, были избраны в местные законодательные органы власти. Доступ к эфиру и печатным изданиям давал им значительные преимущества во время предвыборных кампаний. Вхождение представителей СМИ во властные структуры было затруднено с ужесточением избирательного законодательства, инициированного политическими элитами. Власть взяла в свои руки процесс рекрутирования элит. В некоторых регионах элита СМИ превратилась в своего рода субэлилу, обслуживающую интересы власти.

При рассмотрении различных аспектов духовно-культурной политики, как одного из главных механизмов взаимодействия общества, СМИ и политических элит, исследователи отмечают, что в постсоветской России эти процессы носили усложнившийся и незавершенный характер. В советский период политика в области духовной сферы определялась государством и носила идеократический централизованный характер. В постсоветских условиях произошло ее существенное изменение. Можно выделить три основных разновидности духовно-интеллектуальной политики, проводимой через СМИ в постсоветский период: государственную, гражданскую, дисперсную.

Государственная политика в духовной сфере обусловлена государственным заказом и бюджетным финансированием. Гражданская политика поддерживается различными политическими, экономическими, этническими, профессиональными и профессиональными группами, имеет многоаспектный характер. Дисперсная политика ориентирована, главным образом, на удовлетворение образова-

тельных и массово-культурных потребностей населения, на различные инновационные и экспериментальные формы духовно-культурной деятельности. Она складывается стихийно и не имеет крупных экономических и социально-политических покровителей. Такое разнообразие методов влияния дает СМИ возможность выбора той модели поведения, которая соответствует их внутренним политическим, идеологическим и профессиональным позициям.

В постсперстрочный период элите СМИ не удалось завоевать лидирующих позиций в сфере идеологии. Укреплению власти номенклатурного капитализма способствовал переход значительной части представителей элиты СМИ в структуры власти и бизнеса, слабая поддержка демократических преобразований широкими слоями населения. В состав политических элит вошло незначительное количество представителей интеллигенции, существенно сократилась поддержка научных и культурных учреждений. В идеологическом плане ставка была сделана на тактические средства, гораздо более агрессивные и энергично влияющие на эмоционально-иррациональную сферу человека — средства массовой информации. Тем самым значительно увеличилась доля информационно-пропагандистской составляющей. Соответственно, значительно выросли влияние информационной элиты и финансирование СМИ.

Современные политические элиты осознают, что прочность власти во многом зависит от взаимодействия и сплоченности всех элитных групп. Основоположники классических концепций элит Г. Моска и Р. Михельс считали организованность, внутреннюю сплоченность и жесткость основой в политических действиях правящего класса. В. Парето больше выделял волевые качества, психологический склад и решительность представителей элитных

слоев в достижении поставленных целей. Р. Миллс акцентировал внимание на статусе и уровне влияния ключевых государственно-политических институтов общества. Дж. Бернхейм в качестве основы сплоченности элит предлагал контроль над экономическими ресурсами, а Й. Шумпетер выделял способность политических лидеров выигрывать в конкурентной борьбе за власть, используя поддержку всех демократических институтов общества. Определяя статус элиты законом «трех С» — спаянность, сознание, сговор — Дж. Мейзел имел ввиду общую волю к действию. Именно эти качества, дополненные возможностью обновлять кадры, воспринимать и воплощать в жизнь новые идеи, реформировать политический и экономический курс, обеспечивают прочность позиций элит. В свою очередь, элита, разобщенная политическим противоборством, интригами и внутренними разногласиями, подозрительностью и взаимным недоверием, теряет свои властные позиции, и, как правило, гибнет.¹

Цивилизованной или общей тенденцией, которая сегодня проявляется в деятельности элит относительно консолидирующего и управленческого фактора, является усложнение его форм, социальная инструментализация и технологизация воздействий. Информация сегодня является важнейшим ресурсом, потому неслучайно крайне актуальным является вопрос степени влияния и контроля

¹ См. Бёрнхэм, Дж. Менеджерская революция. СПб., 1993; Мейзел, Дж. Миф правящего класса. М., 1993; Миллс Р. Властвующая элита. — М., 1959; Михельс Р. Демократия и железный закон олигархии: глава из книги «Социология политической партии в условиях демократии» // Диалог. — 1991. — № 3. — С. 42-46; Моска Г. Правящий класс // Социс. — 1994. — № 10. — С. 187-197; Парето В. Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. — Т. II. — С. 59-67; Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. — М., 1995.

над информационным пространством со стороны властных структур. Причем, влияние и контроль не обязательно должны носить характер авторитарного управления. Перефразируя известное утверждение «кто владеет информацией, тот владеет миром», можно констатировать: «источник информации владеет миром». Высокая степень открытости источника привлекает ретранслятор информации, в данном случае — СМИ.

СМИ являются достаточно открытым, унифицированным, структурированным институтом, влияющим на общественное сознание. Во-первых, потому что содержат нормативные правила в виде ожиданий и пожеланий касательно поведения политических акторов. СМИ следят за тем, чтобы соблюдались нормативные установки и формируют взаимные ожидания; подобные ожидания оказывают влияние на то, что принято называть политическим имиджем.

Во-вторых, медиа-институты формулируют правила отбора, презентации и репрезентации, логические схемы или способы рассуждений, которые помогают достичь общего понимания действительности. СМИ оказывают влияние на общественное сознание, потому что люди привыкли к их логике. С тех пор, как население стало руководствоваться логикой, разработанной СМИ, при восприятии, толковании и действиях, эта логика стала образом жизни, что существенно укрепляет статус медиа-институтов.

В-третьих, медиа-институты содержат конститутивные правила, регулирующие социальные условия. СМИ не просто посредники общественной коммуникации, а системы, генерирующие смысл и значение политических явлений; они структурируют действия, восприятие и полномочия политических акторов, ограничивая их возможности. Общественные требования, предъявляемые к политическим

актерам, доходят до них, в основном, «через призму» той информации, которую передают СМИ.

В-четвертых, масс-медиа включают в себя системы директивных правил, с помощью которых они обретают влияние. Эти правила ограничивают и регулируют действия акторов, усиливая влияние нормативных требований с помощью наблюдения, контроля и системы санкций. Директивные правила могут включать в себя как юридические (формальные) правила, подкрепленные властью закона, так и неформальные, которые могут быть просто приняты на веру или подкреплены общественным мнением. Одна из самых важных форм регулирования — это способ подачи информации. Службы новостей СМИ определяют, какие события «осветить» в СМИ, а также — о чем должны говорить акторы, чтобы привлечь внимание СМИ.

Любые традиционные СМИ достаточно ресурсоемки и редко окупаются за счет размещенных материалов в условиях жесткой конкуренции. Поэтому в большинстве случаев финансируются за счет представителей политических и экономических элит, а значит не имеют возможностей для выполнения функции общественного контроля. СМИ так или иначе ангажированы элитами, финансовые потоки и совет учредителей которых формируют информационную повестку и отражают определенную позицию. В тех же случаях, когда профессиональный уровень СМИ позволяет выходить на «самоокупаемость», появляется возможность поддерживать определенную независимость от политических элит. Но здесь вступают в силу другие ограничители — такие, как возможности охвата аудитории. Ставка политических элит в идеологическом воздействии делается на тактические средства, которые гораздо более плотно и энергично влияют на иррационально-эмоциональную сферу. Главная проблема состоит в том, что СМИ теряют

одну из своих основных функций — контроль над ситуацией ротации и обновления политических элит.

Современные региональные политические элиты используют СМИ как новый фактор позиционирования. Формирование региональной идентичности на уровне общественного мнения жителей субъектов Федерации происходит посредством использования различных методик: апеллирования к этнополитическому фактору (республики СКФО, Татарстан), осуществления жесткого контроля над СМИ с помощью дотационной политики (Республика Башкортостан, Мордовия), применения методов политического дискурса на примере положительной динамики регионального развития (Нижегородская и Саратовская области, Краснодарский край), использования ситуации слабого развития медийного рынка (Пензенская и Ульяновская области). Адресатом коммуникации региональных элит выступает также и федеральный центр. Усилением роли медийного ресурса в качестве компонента политического давления объясняется возрастание влияния СМИ в некоторых регионах, в частности, Томской области, которая характеризуется высокой степенью медийной насыщенности. В ситуациях острых политических конфликтов СМИ приобретают особое значение, например, в ходе избирательных кампаний в регионах. Представители СМИ занимают высокие позиции в рейтингах Санкт-Петербурга, Приморского края. Причем, влияние СМИ в Санкт-Петербурге объясняется традициями свободомыслия, которые сложились еще в XIX веке.

Новый формат масс-медийного позиционирования позволяет СМИ адекватно реагировать на претензии местных властей и, в то же время, формировать на уровне общественного мнения стереотип независимой подачи информации. Если в постсоветский период имело место

некоторое противопоставление региональных элит федеральному «центру», то на современном этапе, напротив, наблюдается сопоставление с ним. Специфика современного масс-медийного позиционирования позволяет политическим элитам формировать информационную среду, влиять на расстановку политических сил, артикуляцию политических интересов, решения избирателей и создает условия для реализации политических интересов элит. На современном этапе становится очевидной способность средств массовой коммуникации путем побуждения к действию решать исход политических кампаний, воздействуя на сознание, предпочтения, чувства людей. При этом нет смысла сосредотачивать большое внимание на той части электората, которая либо полностью разделяет позицию элиты, либо отрицает ее. Необходимо убедить «молчаливое большинство», стоящее перед проблемой выбора, в условиях критической ситуации в регионе. По мере обострения социальных противоречий значение этих технологий все более возрастает.¹

Помимо традиционных СМИ не менее важным, новым и малоисследованным информационным пространством являются СМК (средства массовой коммуникации), в частности сеть Интернет. Анализ роли Интернета в качестве гаранта демократии является одним из самых перспективных направлений политической теории. Современные информационные технологии изменяют не только форму осуществления демократических процедур, но с их внедрением меняется и сама суть развития социальных процессов.² Уже сегодня новое коммуникационное

¹ Усова Ю.В. Региональные политические элиты современной России: характеристика и научный анализ. — LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. — С. 94-95.

² Батаев А.Х., Бекоев М.В. Взаимодействие политической и информационной элиты в политическом процессе (региональный аспект) //

поле Интернета существенно теснит традиционные СМИ и имеет ряд неоспоримых преимуществ: скорость подачи информации, условная анонимность, легкодоступность, функциональность, возможность быстрой и качественной обратной связи. Это принципиально новое понятие в общественных коммуникациях, отсюда — возрастание влияния веб-информации на аудиторию.

Согласно материалам социологических исследований по сопоставлению влияния традиционных и виртуальных средств массовой информации в современной России, а также анализу востребованности новостей из различных коммуникативных источников, было установлено, что в 2010 г. аудитория телевидения в стране (74%) почти вдвое превышала аудиторию Интернета (39%); количество радиослушателей составляло 65,4%. Уже в 2012 г. веб-аудитория составила 50,4%, т.е. за 2 года отставание существенно сократилось.¹ Сеть Интернет из экзотического развлечения для избранных превратилась в мощное информационное поле, жестко конкурирующее с традиционными СМИ. Если в случае с традиционными СМИ, имеющими статус зарегистрированного средства массовой информации, вся информация исходит из определенного источника и СМИ несут ответственность за достоверность и качество информации, то в случае с Интернетом, источник, в большинстве своем, анонимен. Это в известной степени освобождает от влияния политических элит, устанавливая новое качество ответственности, в том числе на свободу мысли и слова.

Новые технологии электронной коммуникации выводят политические процессы на более высокий и качественный уровень, предоставляя не только возможность для обмена информацией и прямого доступа к ней, но и

Бюллетень ВИУ, 2012. — № 39. — С. 145.

¹ Там же. — С. 137.

резко сужая возможности авторитарных режимов правления. В современном обществе присутствует властный кластер, управляющий и виртуальной, и физической реальностью, так называемые нетократические или кибер-элиты. Согласно концепции А. Барта и Я. Зодерквиста, нетократия представляет собой власть технологически развитого общества над социальным миром.¹ Нетократы обладают теми выдающимися коммуникационными способностями в области новейших информационных технологий, которые позволяют им манипулировать сознанием и поведением остальных пользователей сети. Подтверждением теории нетократии служит рост сетевых сообществ, объединенных по различной тематике. Власть в этих сообществах принадлежит их создателям. В настоящее время сеть представляет собой еще один уровень социальной реальности, где появляются определенные каналы контроля и выстраиваются свои властные отношения.

Деятельность кибер-элит также ассоциируется с электронным правительством в разных странах. Электронное правительство (е-правительство) определяется как адаптированные к новым условиям государственные структуры, способные к решению задач социального развития. Само же решение задач предусматривает ряд нормативных условий: легитимность; транспарентность; соответствие законам; честность. Речь идет о применимости целой системы законов управления: закона необходимого разнообразия и пропорциональности; структурированной обратной связи; ценностно-ситуативного управления; закона чередования централизации и децентрализации в управлении и т.д. Особое внимание в рамках общей тенденции демократизации уделяется участию населения в

¹ Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. — СПб., 2004 — С. 13.

социальном управлении. Без сомнения, указанные тенденции важны для поддержания устойчивости всей мировой системы.

Сетевые технологии сегодня активно функционируют не только в системе политического и государственного управления, но и в избирательном процессе. А потенциал их развития позволяет говорить о новой системе государственного управления, осуществляемой с помощью компьютерных сетей общего пользования. Именно сеть Интернет существенно увеличивает возможности обеспечения прозрачности выборов любого уровня.

Средства массовой коммуникации являются самым оперативным способом подачи информации; имеют наиболее длительный период хранения информации и самую удобную (оцифрованную) форму подачи, передачи и вызова информации о выборах; Интернет становится средством обмена информацией между гражданами и той площадкой, где можно открыто обсуждать общественно значимые проблемы в случае избрания того или иного кандидата. В период выборов Интернет оказывается единственным массовым каналом информации о кандидатах, не попадающим под ограничения свободы слова — ни по времени, ни по месту, ни по сумме затрат.

В последние годы интернет-сообщество стало активным участником политических событий, благодаря распространению веб-блогов. Если раньше публикации в блогах были мало востребованы, то теперь они обсуждаются на форумах и размещаются в рейтингах на специализированных порталах. В подтверждение этому можно сослаться на огромную популярность Twitter, который сегодня активно используется в СМИ: большинство информационных сообщений используют Twitter как источник информации. Метко подмеченные нюансы политически значимых явлений

получают широкий общественный резонанс и вынуждают представителей властной элиты считаться с мнением социума, которое благодаря сетевым технологиям консолидируется. Новые возможности позволяют зарождающемуся в России гражданскому обществу влиять на политическую жизнь. Все ведомства, занимающиеся разработкой нормативных документов, обязаны разместить его на собственном официальном сайте. Сеть Интернет дает возможность прямого общения практически всех граждан с представителями власти.

В этом контексте показателен тот факт, что Д.А. Медведев одним из первых построил собственную систему коммуникации с гражданами. У Б.Н. Ельцина общение «с народом», в основном, сводилось к неожиданным подходам к гражданам во время официальных мероприятий и вопреки требованиям охраны. В.В. Путин создал качественно новый для России проект — многочасовые «прямые линии» общения президента с народом в телеэфире. Для Медведева, видимо, это не самый удобный формат. И он пошел по другому пути в плане выстраивания «прямых» связей с обществом. На президентском сайте в Интернете появился видео-блог, в котором он высказывался по наиболее интересным и значимым событиям. Следуя примеру Д.А. Медведева, уже в 2011 г. большинство представителей современных региональных политических элит (почти 60%) оказались зарегистрированными в социальных сетях.

На сегодняшний день традиционные СМИ демонстрируют устойчивый рост внимания к присутствию глав субъектов РФ в блогосфере. Можно предположить, что данный тренд сохранится и в дальнейшем, активность главы региона дает дополнительные преимущества, а именно:

- 1) привлекает внимание СМИ;
- 2) формирует электоральный ресурс губернатора, что

может стать особенно актуальным в свете возвращения прямых выборов в регионах;

3) создает дополнительный канал коммуникации с населением, что может использоваться в качестве критерия оценки эффективности главы региона.

Развитие комплексной системы оценки эффективности работы руководителей регионов в РФ включает в себя несколько этапов. Первый этап начался в 2007 г., когда Президентом В.В. Путиным был подписан Указ от 28.06.2007 № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», в соответствии с которым был утверждён перечень для оценки эффективности из 43 показателей. Данный перечень учитывал как данные социально-экономической статистики развития региона, так и удовлетворенность населения деятельностью органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, в том числе их информационной открытостью.

Новый этап ведёт отсчет с 21 августа 2012 года, когда Президентом был подписан Указ № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». К основным показателям для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти регионов относятся: численность населения, объем налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации; уровень безработицы в среднем за год; реальные располагаемые денежные доходы населения; оценка населением деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации и т.д.

Во время десятой пресс-конференции, проведенной 18 декабря 2014 г., В.В. Путин отметил, что «рейтинг — это показатель эффективности работы, и когда политик сосре-

дотачивается на решении конкретных проблем, рейтинг автоматически растет»¹. Сам Президент России признан единоличным и безоговорочным лидером популярности среди российских политиков 2014 г. Такая популярность в Интернете логична, ведь он — главная фигура в стране и любое значимое событие обязательно обговаривается президентом. Вторым по популярности, согласно сложившейся традиции, назван второй по должности чиновник — премьер-министр России Д. Медведев. По сравнению с упоминаниями в СМИ В. Путина, премьер-министра в новостных лентах упоминают реже и информационные поводы намного слабее. Третью строчку в рейтинге популярности занимают министр обороны России С. Шойгу и министр иностранных дел С. Лавров.

Современные рейтинги эффективности деятельности Глав регионов РФ являются интегральным продуктом. Их ключевая особенность заключается в использовании не одного, а нескольких качественно отличающихся исследовательских модулей, что позволяет проанализировать деятельность глав регионов с разных сторон. Методика исследования Агентства политических и экономических коммуникаций представляет собой экспертный опрос, на результатах которого основан рейтинг наиболее влиятельных губернаторов в России и проводится методом закрытого анкетирования. Персоналии, вошедшие в рейтинг по результатам опроса, распределяются по разделам: «очень сильное влияние» (1-20 баллов), «сильное влияние» (21-50 баллов), «среднее влияние» (51-85 баллов). Так, например, по итогам 2014 г., позиции глав субъектов Северо-Кавказского федерального округа были распределены следующим образом: Глава Чеченской республики Кады-

¹ Официальный сайт Президента РФ: <http://www.kremlin.ru/18/12/2014>

ров Р.А. занял вторую строчку рейтинга (7, 76 баллов), что соответствует разделу «очень сильное влияние». В раздел «сильное влияние» были включены: Евкуров Ю.Б. Глава Республики Ингушетия — 25 место (4,8 балла); Абдулатипов Р.Г. Глава Республики Дагестан — 27 место (4,7 балла); Коков Ю.А. Глава Кабардино-Балкарской Республики — 39 место (4,25 балла); Мамсуров Т.Д. Глава Республики Северная Осетия-Алания — 43 место (4,1 балла).¹

Фонд «Петербургская политика» и Коммуникационный холдинг «Минченко Консалтинг» публикуют Рейтинг политической выживаемости губернаторов, где на основе анкетного опроса экспертного сообщества дана оценка вероятности сохранения в должности действующих глав регионов на протяжении ближайшего года по 5-балльной шкале (5 — максимальная оценка, 1 — минимальная).² Факторами, влияющими на выживаемость, являются: популярность и способность держать под контролем политическую и социальную ситуацию в условиях ухудшения экономической конъюнктуры; отсутствие или минимизация коррупционных скандалов и конфликтов с силовыми структурами в регионе; способность демонстрировать соответствие федеральным приоритетам; наличие (или отсутствие) готовности федеральной власти провести в 2015 году новую серию досрочных выборов для разгрузки от региональных кампаний федеральных выборов 2016-2018 годов. Важным неполитическим фактором, влияющим на политическую выживаемость, может оказаться адаптация регионов к изменениям экономической ситуации. Согласно данным 14 рейтинга (конец 2014 г.), на ли-

¹ Рейтинг влияния глав субъектов Российской Федерации в ноябре 2014 <http://www.regnum.ru/news/polit/1862888.html>

² Рейтинг политической выживаемости губернаторов: <http://www.fpp.spb.ru/11.12.2014>

дирующих позициях вновь находились Р. Кадыров (5-баллов). Достаточно высоких оценок удостоились Ю. Коков (4+ балла); Р. Абдулатипов (4 балла), Ю. Евкуров (4 балла). Самый низкий показатель был у Т. Мамсурова (2 балла).

Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации, подготовленный Агентством политических и экономических коммуникаций (АПЭК) и Лабораторией региональных политических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» представляет собой интегральный аналитический продукт, основанный на синтезе экспертных оценок и специальным образом обработанных статистических и рейтинговых данных, где даны оценки эффективности региональной власти. Рейтинг делится на три блока, по каждому из которых производится своя оценка:

— политико-управленческий (включающий общественную поддержку главы субъекта Федерации; эффективность консолидации элиты/урегулирование внутриэлитных конфликтов; эффективность отношений с федеральным центром; эффективность работы бюрократического аппарата);

— социальный (состоит из четырех основных направлений социальной сферы, ответственность за которые так или иначе лежит на региональной власти: здравоохранение; образование; межнациональные и межконфессиональные отношения; развитие социально значимой транспортной инфраструктуры и ЖКХ);

— финансово-экономический (включающий эффективность экономического управления; улучшение инвестиционного климата; эффективность бюджетной политики).

**Таблица: Рейтинг эффективности управления в республиках СКФО
в 2014 г.¹**

Субъект РФ	Общий итог		Политико-управленческий блок		Социальный блок		Экономический блок		Эффективность бюрократии
	балл	ранг	балл	ранг	балл	ранг	балл	ранг	балл
ЧР	0,697	60	0,8	1	0,68	15	0,5	31	0,9
КБР	0,572	54	0,6	32	0,5	71	0,5	58	0,8
РИ	0,543	68	0,6	36	0,5	80	0,4	69	0,7
КЧР	0,542	69	0,5	51	0,5	63	0,4	79	0,7
РД	0,540	71-72	0,6	31	0,5	84	0,5	68	0,7
РСО-А	0,491	71-72	0,4	77	0,6	31	0,4	72	0,8

Проведенный анализ показывает, что каждый экспертный центр составляет рейтинг по собственным критериям, а критерии оценки всегда субъективны. Поэтому и рейтинги субъективны: всегда есть недовольные рейтингами, находятся их заказчики, их бенефициары. Необходимо понимать, что каждый рейтинг несет в себе, в том числе, риски для инвестиционной привлекательности субъекта, рождает негативную повестку в отношении региональной власти. Поэтому главы политических фондов и социологи должны объединить усилия и составить единую методику, определяющую параметры составления рейтингов, которые должны иметь под собой объективные основания, привлекать данные смежных дисциплин. Ограничиваться баллами, которые в зависимости от ситуации в регионе, ее понимания и оценки выставляют эксперты, уже нельзя. Нужно использовать данные и социологов, экономистов, учитывать мнение бизнеса, инвесторов, чиновников, поскольку они коллеги губернатора и реализуют систему управления. Наконец, самое главное в рейтинге губернаторов — это оценка их работы населением. В основу рейтингов должна быть положена социология, составленная профессиональными компаниями, а при их составлении

¹ <http://www.apecom.ru/projects/item.php/.12.2014>.

необходимо учитывать реальную ситуацию в регионе и мнение самих жителей.

Таким образом, информационный ресурс, наряду с экономическим административным и политическим является одним из важнейших ресурсов элит. СМИ могут быть мобилизованы политическими элитами для достижения тех или иных целей, направленных на создание необходимого сопровождения каких-либо действий властей. В функции современных СМИ входит:

- процесс критики и ревизии прежних политических ценностей и выдвижение новых, которые облачаются в формы идеологических платформ, способствующих консолидации сил в обществе, либо дестабилизации политической обстановки;

- контроль эффективности деятельности политических и, особенно, властных элит;

- контроль самого процесса борьбы за власть политических элит, контроль над избирательным процессом;

- обеспечение легитимизации политических элит;

- влияние на внутриэлитные политические ротации;

- информативная функция — информирование о текущей деятельности органов власти, принятых и рассматриваемых решениях, размещение официальных документов;

- обеспечение прозрачности деятельности всех ветвей власти;

- интерактивная функция, которая предполагает осуществление оперативной обратной связи с пользователями сайта и жителями субъектов РФ.

Специфика масс-медийного позиционирования политических элит в современном политическом процессе проявляется в:

- стремлении политических элит укрепить свое доми-

нирующее положение в обществе посредством традиционных и виртуальных СМИ, переходе к новому формату политического и технологического лидерства с использованием возможностей быстрой и качественной «обратной связи»;

— формировании нового электорального ресурса путем воздействия на сознание и предпочтения людей, использовании разных ракурсов властного позиционирования для представителей конкретных возрастных групп, что увеличивает возможности влияния СМИ на исход политических кампаний и особенно актуально в период возвращения прямых выборов губернаторов;

— модерации общественно-политического дискурса политических элит в условиях глобальной информатизации, формировании политической повестки дня в информационно-обменных полях;

— использовании возможностей блогосферы не только как питательной среды для виртуального гражданского протеста, но и в качестве инструмента коммуникации между представителями политических элит или контрэлит с широкими общественными слоями;

— возникновении нового уникального малоизученного феномена — информационной «сетевой» нетократической элиты и ее способности не только контролировать деятельность политических элит, но и влиять на внутриэлитные политические ротации, формировать новые идеологические представления и установки;

— формировании положительного имиджа представителей федеральных и региональных органов власти, как среди рядовых граждан, так и среди потенциальных инвесторов, и, как следствие, формировании положительного имиджа субъектов РФ, что побуждает представителей политических элит использовать различные методики властного позиционирования:

а) апеллирование к этническому и/или конфессиональному фактору в этнорегионах России;

б) ориентация на региональный менталитет;

в) сопоставление с федеральной элитой, в отличие от методов позиционирования региональных элит постсоветского периода, противопоставляющих себя федеральному «центру».

Следовательно, средства массовой коммуникации выступают не только в качестве объектов, но и как активные субъекты процессов взаимодействия с политическими элитами. На современном этапе СМИ все более оказываются инструментом для достижения целей элит. Современные масс-медиа представляют собой эффективные долгосрочные системы регулирования, которые дают основания для нормативных ожиданий, содержат механизмы самопродвижения, организуют поведение политических элит и воздействуют на их восприятие, приоритеты и структуры организации. С позиции политических элит, соблюдение этих правил обеспечивает им легитимизацию. СМИ оказывают влияние на представителей политических элит благодаря тому, что последние воспринимают правила СМИ (правила отбора, презентации и интерпретации) как «фикции рациональности и выверяют свое поведение согласно этим фикциям»¹. Влияние СМИ на политических акторов усиливается за счет того, что политические лидеры ориентируются на наглядные примеры эффективной коммуникации, используя различные знания, методы и практические рекомендации. В современном обществе позиционирование элиты напрямую зависимо от коммуникации. Медиаинституты, как генерирующие системы, влияют на политические элиты

¹ Поллак Й., Загер Ф., Сарцинелли У., Циммер А. Политика и личность. — Харьков, 2012. — С. 49.

конституитивно. Они структурируют восприятие и полномочия политических акторов. Общественные требования, предъявляемые к элитным группам, доходят до них через «призму информации», которую передают масс-медиа. В этих условиях для политических элит на всех уровнях особенно важны умение и навыки взаимодействия со СМИ, которые преобразуются во все более активного игрока на политическом поле.

ГЛАВА 3 ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

3.1. Факторы трансформации региональных политических элит на современном этапе

Исследование трансформации политических элит современной России невозможно вне сравнительного измерения. Распад Советского Союза, крушение экономической и политической системы страны — все эти процессы затронули субъекты Российской Федерации, которые не могли остаться в стороне от радикальных реформ и испытали потрясения кардинальных преобразований. Российские регионы, как неотъемлемая часть РФ, не были самостоятельны в выборе курса общественно-политического развития, их история есть следствие истории страны. Поэтому вне российского регионального контекста изучение процессов динамики и позиционирования политических элит не может быть теоретически успешным.

На региональном уровне современные политические элиты представляют собой немногочисленную социальную группу, которая оказывает существенное воздействие на процесс управления, имеет возможность принимать политические решения в масштабах региона и более результативно, чем все другие слои общества, участвует в формировании стратегии развития региона, одновременно обладая гораздо большим, чем другие группы, суверенитетом в формировании своего собственного положения.

При проведении анализа акторов российского регионального политического процесса, как нам представляется, целесообразнее применять понятие «политические элиты», а не элита. Современные исследования подтверждают, что способы функционирования и структура поли-

тических элит практически во всех российских регионах являются свидетельством сложного конгломерата сегментов, групп интересов, а не служат примером монолитной, жестко интегрированной политической структуры. Понятие «политические элиты», а не «элита», как единое целое, расширяя возможности сравнительного анализа многоуровневого строения элит, лучше отражает взаимодействия между элитными группами.

Политические элиты стали формироваться ещё в бывших республиках СССР. Уже в 1930-е гг., в период тоталитарного режима, проявлялись группы интересов внутри региональных элит, роль которых была легитимирована, благодаря федеративной форме устройства советского государства. Реформы территориального управления экономикой в период правления Н.С. Хрущева значительно усилили политический вес и ресурсы региональных элит. Во времена «застоя», благодаря определенному балансу интересов, федеральная власть не препятствовала региональным элитам управлять на основе коррупции, клановости, патрон-клиентарных отношений, требуя взамен безоговорочное выполнение политических и экономических требований федерального «центра». На смену жестко централизованной номенклатурной кадровой политике пришли многоуровневые согласования кандидатур в высшие эшелоны региональной власти, которые лично зависели от решений московского партийного руководства.¹

«Перестройка», начавшаяся после прихода к власти М.С. Горбачева, была встречена элитами регионов, в целом, позитивно. Реформы Горбачева легализовали многообразие региональных и этнонациональных интересов. Произошел раскол элит, который привел к разрушитель-

¹ Мохов В.П. Региональная политическая элита: к определению содержания понятия // «Экватор» 90-х. — Пермь, 1995. — С. 69-73.

ным последствиям для союзных республик и автономий РСФСР, так как центробежные силы возобладали над центростремительными и были оформлены в идеологию национального возрождения.

Формирование региональных элит Российской Федерации начинается после распада СССР, когда к власти приходят региональные группировки. Именно в этот период складываются «ядра» политических элит регионов. Можно согласиться с Н.Ю. Лапиной, которая в эволюции региональных элит постсоветского периода выделяет четыре основных этапа:

— сплочение вокруг губернатора РФ, назначаемого Президентом РФ, «ядра» региональной политической элиты (1992-1993 гг.);

— первые губернаторские выборы и выборы региональных парламентов (1993-1994 гг.), результатом которых явилось реструктурирование политической элиты и институционализация взаимоотношений между законодательной и исполнительной властью регионов;

— приватизация государственной собственности и возникновение региональной бизнес-элиты, следствием чего стало формирование новой модели взаимоотношений региональной власти и бизнеса (1994-1996 гг.);

— формирование новой структуры региональных политических элит на основе взаимоотношений между федеральным «центром» и регионами, начиная с 1999 г.¹

Следствием проведения рыночных реформ в России явилось усиление позиций региональных элит. Центр формирования находился в Кремле, но проецировался на региональный уровень. Ресурсы власти местных элит значительно расширились. Им удалось приобрести новые

¹Лапина Н.Ю. Региональные элиты России: кто правит на местах // Россия и современный мир. — 1998. -№ 1. — С. 100.

полномочия (право регулирования ценовой и налоговой политики региона, контроль над ходом приватизации и т.д.) и сохранить прежние рычаги управления экономикой. Борьба региональных элит за повышение правового статуса своих территорий началась в 1992-1993 гг. Новая Конституция, принятая в декабре 1993 года, провозгласила равенство всех субъектов Федерации и предусматривала заключение договоров и разграничение полномочий между «центром» и регионами. Данное положение было внесено в Основной закон РФ под влиянием региональных элит. Компромиссные стратегии стали доминировать во взаимоотношениях «центра» и местной власти, что проявлялось в формировании договорных отношений между федеральными и региональными элитами. Наиболее мощные региональные элиты получали существенные льготы и привилегии. Стремление сохранить контроль над экономическими и политическими ресурсами привело к возникновению локальных идеологий, в которых явно просматривалась угроза сепаратизма. В указанный период федеральная элита не обладала достаточным ресурсным потенциалом (экономическим, административным и т.д.) для влияния на региональные элиты. Отношения между местной властью и федеральным «центром» строились на основе сделок, компромиссов, заключались в предоставлении элитам крупных регионов широких прав в обмен на молчаливое признание прерогатив федеральной элиты.¹

После распада СССР, в начале 1990-х гг., политически расколотые федеральные элиты вынуждены были передать на региональный уровень значительный объем ресурсов: договорной порядок легитимизации отношений центр-регионы, практику ассиметричных двусторонних

¹ Магомедов А. К. Локальные элиты и идеология регионализма в новейшей России: сравнительный анализ. — Казань. — 1998. — С.10-11.

соглашений, контроль за назначением руководителей территориальных структур (высших представителей судебной власти, избирательных комиссий, таможенных и налоговых и служб и т.д.). Произошел переход от советской декларированной модели федерализма к асимметричной и децентрализованной федерации постсоветского периода. Региональные политические элиты обрели закрепленные конституционно институты власти: статус субъектов федерации для своих зон влияния, участие в Совете Федерации РФ, выборность глав регионов и региональных легислатур. Система органов государственной власти, полномочия и порядок формирования их на уровне субъектов Российской Федерации, гарантии функционирования федеративного строя были закреплены новой Конституцией РФ и конституционными законами-договорами о разграничении полномочий. Вследствие этого элиты получили институциональное закрепление своего влияния, произошла быстрая диверсификация элит, закрепилась децентрализованная модель внутриэлитных отношений «по вертикали».¹ Процесс децентрализации вышел из-под контроля федеральных элит и приобрел черты неуправляемости. Региональные лидеры стали воспринимать себя в качестве равноправных автономных «игроков» на политической арене. Данная тенденция получила крайнее выражение в сепаратистских настроениях региональных элит этнонациональных республик и высокоресурсных областей.

Позиционирование региональных элит в указанный период отличалось многообразием и зависело от социальных характеристик, идеологических ориентаций, степени ресурсной обеспеченности конкретного региона.

¹ Бахлова И. В. Региональные политические элиты в федеративном государстве // Политология. — Саранск, 2002. — С. 211-212.

Можно выделить следующие позиции региональных элит по признаку стратегии взаимоотношений с федеральным «центром», характерные для середины 1990-х гг.:

— элиты слабонересурсных дотационных регионов, позиционирующие себя в качестве исполнителей инициатив федерального центра и проявляющие лояльность к центральной верховной власти (КБР, РСО-Алания, КЧР, РИ, РД, Пензенская и Курганская и области, Алтай и т.д.);

— элиты республик с высоким уровнем ресурсной обеспеченности и этнической мобилизации, избравшие позицию «борьбы за суверенитет и законные права» (Чеченская Республика, Татарстан, Башкортостан). Сходная стратегия позиционирования, но базирующаяся на внеэтнической основе, была характерна для Калининградской и Свердловской областей, Приморского края;

— элиты, поддерживающие интеграцию региона в мировой рынок и становление гражданского общества, позиционирующие себя как «локомотивы реформ» (Московская, Ленинградская, Самарская, Ярославская, Пермская области и т.д.), то есть элиты регионов с уменьшенными финансовыми обязательствами перед «центром», низким уровнем этнополитической напряженности, имеющие развитую многоотраслевую промышленность и сферу услуг;

— элиты агропромышленных регионов, использующие позицию «прагматического партнерства», включающую использование компромиссных стратегий между выполнением воли федеральных элит и моделью изолированного роста с опорой на собственные силы (Ульяновская и Волгоградская области, Ставропольский и Краснодарский края, регионы Центрального Черноземья).

Система внутриэлитного взаимодействия в постсоветский период не исчерпывалась федеральным и региональным уровнями. Большую роль играли элитные

группы крупных административных центров субъектов РФ и больших городов со значительными политическими и экономическими ресурсами (Москва, Санкт-Петербург, Сочи, Пятигорск, Череповец, Находка, Норильск и т.д.). Острая конкуренция по вертикали существовала между тремя уровнями политических элит: «страна-регион-местность». Они стимулировались противоречивостью нормативно-правовой базы и слабостью местного самоуправления. Конфликты разворачивались не только по «вертикали», но и по «горизонтали», между ветвями власти, между политическими, административными и неформальными элитами.¹

Традиционный для России сверхцентрализм политической системы усугубился последствиями региональной постсоветской децентрализации, которая привела к неформальному торгу о разделе власти, подчас вызвавшему хаос. На основе исследований В. А. Ковалева можно выделить факторы политического процесса, которые отличают «столичный» путь развития от регионального, называемого автором «немосковским» политическим процессом:

— непрочные отношения между регионами и политическим «центром» (инверсионный маятник от сверхцентрализма советского времени до самоуправления 1990-х гг.);

— участие регионов России в глобальных процессах на уровне двойной периферии (внутри мировой системы по сравнению со столичными мегаполисами);

— отсутствие реального принципа разделения властей, замена публичной политики на неформальные пакты элит;

— осуществление контроля со стороны власти над

¹ Овчинников А. П. Политическая регионалистика: три уровня власти в региональном измерении. — Самара, 2002. — С. 102.

партиями, общественно-политическими движениями, СМИ;

— слабость ментальности и институтов гражданского общества (незащищенность гражданских инициатив, социальная апатия, безразличие, низкая культура политического участия).¹

В постсоветский период передел собственности и власти резко усилил позиции региональных элит. В 1997 году, например, в распоряжении регионов находилось до 20% стоимости государственного и муниципального имущества, в то время как федеральные власти владели лишь 14%. Учитывая то, что более 80% организаций и предприятий страны находилось в частном владении, возникла модель, называемая «перевернутая пирамида».² С одной стороны — методы наращивания экономических ресурсов элит: контроль над региональным бюджетом и сбором налогов; предоставление кредитов и субсидий лояльным бизнес-слоям; участие элит и околоэлитных групп в управлении имуществом и приватизации; лицензирование фирм и др. С другой стороны — финансирование представителями бизнес-элит политического рынка, лоббирование управленческих решений и нужных законов, а в крайних формах — «приватизация власти» со стороны ФПГ.

В зависимости от экономической ресурсной базы (экономически-ресурсной позиции) в постсоветский период выделялись следующие группы региональной элиты:

1) элиты регионов с развитой добывающей промышленностью (Татарстана, Саха-Якутии, Башкортостана, Красноярского края, Коми, Ханты-Мансийского и Ямало-Не-

¹ Ковалев В.А. «Не-московский» политический процесс: факторы трансформации и перспективы изучения // Регионоведение. — 2001. — № 3. — С. 52.

² Распределение приватизированных предприятий по формам собственности // Статистическое обозрение. — 1998. — № 1. — С. 66.

нецкого АО), имеющие контроль над природным сырьем — нефтью, газом, древесиной, драгоценными камнями, рудами и ориентированные на экспорт. В сферу их интересов входило: создание оффшорных и налоговых зон, максимальная интеграция России в мировую экономику, снижение отчислений в федеральный бюджет. увеличение хозяйственной самостоятельности;

2) элиты торгово-промышленных регионов, центров коммуникаций страны; были активно вовлечены в транспортные и информационные связи, ориентированы на мировую торговлю (Москва, Санкт-Петербург, Мурманская, Архангельская, Камчатская области, Приморский край). При этом ключевую роль играла Москва, активно проводящая экономическую и политическую экспансию в регионы;

3) элиты развитых промышленных регионов с доминированием отраслей тяжелой, наукоемкой, оборонной промышленности. Испытывая тяжелый ресурсный кризис, были заинтересованы в политике федерального протекционизма на внешних рынках, в получении инвестиций для модернизации производства (Нижегородская, Самарская, Новосибирская, Томская, Свердловская, Челябинская, Пермская области). В данном случае наблюдается разнообразность региональных элит по стратегиям и ориентациям в силу отраслевой неоднородности субъектов РФ: одни возлагали надежды на государственное финансирование (Свердловская, Омская, Иркутская, области), другие ориентировались на сотрудничество с европейскими странами (Карелия, Нижегородская область);

4) элиты аграрных и агропромышленных регионов, занимавшие государственно-протекционистские позиции (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область, Центральное Черноземье, Южный Урал, Забайкалье, Нижнее Поволжье). К преимуществам указанных регионов

можно отнести: наличие плодородной земли, квалифицированной рабочей силы, мощного потенциал туризма и коммуникаций. Однако эти регионы больше других страдают от этнических конфликтов, бесконтрольной миграции, межотраслевого ценообразования, что делает аграрный сектор низкодоходным;

5) элиты депрессивных регионов со слабым экономическим потенциалом, зависимы от получения дотаций из федерального бюджета (республики Северного Кавказа, Калмыкия, Бурятия, Алтай, Тыва, Коми-Пермяцкий, Еврейский АО). Здесь преобладает жестко-корпоративное регулирование внутреннего рынка, административно-клановое предпринимательство.

Начавшиеся в начале 2000-х гг. достаточно серьезные изменения принципов формирования исполнительных и законодательных органов власти привели к изменению механизмов рекрутирования региональных политических элит. Трансформация элитных групп, характера политических отношений и институтов власти стала возможна при взаимодействии трех факторов: институционального (выражающего рост зрелости интересов элит, воплощенный в сознании и действиях их представителей); культурного (способствующего легитимации власти элиты на основе принятых в обществе ценностных ориентаций, моральных и этических норм, стереотипов и политической культуры); структурного (связанного с функциями органов власти, с типом формирования и деятельностью этих структур).

К представителям современной региональной элиты, образующим в совокупности ее состав, можно отнести:

1. Глав исполнительной власти региона и их клиентелу¹.

Глава региональной исполнительной власти в качестве

¹Лапина Н. Ю., Чирикова А. Е. Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. — М., 1999. — С. 20-38.

«преобладающего субъекта элитной композиции»¹ наделен формально-юридическими полномочиями. В большинстве регионов он формирует, возглавляет и отправляет в отставку высший орган исполнительной власти, контролирует местный бюджет и расходование финансовых средств. Ближайшее окружение, в том числе неофициальное, концентрируется вокруг главы исполнительной власти и составляет его команду. Именно от личной позиции Главы региона и его команды зависит выбор привлекательных характеристик и позиционирование региона в современной коммуникативной среде.

2. Представителей региональных административно-бюрократических элит в органах исполнительной власти.

Этот сегмент региональных политических элит включает в себя руководителей подразделений исполнительной власти — правительств, министерств, комитетов, департаментов и т.д. Административная элита выполняет как экономические функции: налогообложение, установление цен, таможенный контроль, экологический и санитарный контроль, лицензирование и кредитование, так и некоторые административно-организационные и политические функции: организацию избирательных комиссий во время выборов, обеспечение безопасности и пограничного контроля. Патрон-клиентарные отношения представителей административных элит, бизнес-элит, а также предпринимательство самих сотрудников администрации относится к неформальной части функций.

Представители административной региональной элиты заинтересованы в успешном позиционировании региона, конструировании его целостного привлекательного

¹ Ривера Ш. В. Тенденции формирования состава посткоммунистической элиты России: репутационный анализ // Полис. — 1995. — № 6. — С.64.

имиджа, что обусловлено двумя факторами:

— требованием федеральной власти продемонстрировать эффективную политику, которая бы пользовалась поддержкой населения региона;

— поиском новых инвестиций для более эффективного функционирования региона и конкуренцией с соседними регионами. Первая позиция была сформулирована в Указе Президента РФ «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ»¹, который непосредственно адресует региональную власть к формированию нематериального ресурса управления. В систему показателей эффективности управления включена удовлетворенность населения деятельностью органов исполнительной власти субъектов РФ, в том числе их информационной открытостью. Данное требование объясняется тем, что при замерах рейтинга доверия федеральной и региональной власти последняя, как правило, заметно отстает. Вторая детерминанта связана с развитием конкуренции между субъектами за привлечение инвестиций.

3. Представителей органов законодательной власти.

Члены представительных органов власти принимают участие в разработке и принятии Конституции (Устава) субъекта Федерации, утверждении бюджета, установлении размера региональных налогов и сборов, формировании состава администрации и правительства региона, заслушивании отчетов. Официальные функции ограничены в исполнении слабыми ресурсами влияния депутатского корпуса. Лоббирование интересов при законотворчестве и кадровых изменениях, патрон-клиентарные отношения

¹ См. Указ Президента РФ «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ» от 28 июня 2007 № 825: <http://www.kremlin.ru/>

преобладают среди неформальных функций парламентского сегмента элиты

4. Представителей региональных отделений силовых федеральных структур (министерства обороны, МВД, ФСБ, прокуратуры и т.д.)

С одной стороны, руководители федеральных силовых органов власти на уровне региона являются частью единой «вертикали» исполнительной власти страны. Кадровые назначения и снятие с должностей указанных лиц происходит согласно решениям федеральных ведомств. С другой стороны, в силу действия неформальных практик, они могут испытывать давление со стороны региональных лидеров, лоббирующих свои интересы.

5. Полномочных представителей Президента в регионах, выполняющих функции координирующей структуры для многочисленных региональных подразделений, которая на уровне федеральных округов способствует улучшению деятельности по реализации внутренней и внешней политики страны; контролирует исполнение решений федеральных органов власти; участвует в реализации кадровой политики Президента РФ на уровне федерального округа.¹

Практическая реализация полномочий полпредов Президента в федеральных округах позволяет рассматривать их в качестве основных звеньев института «федерального присутствия». В особо сложной социально-экономической, общественно-политической и криминогенной ситуации значение полпреда возрастает. Следовательно, институт полномочного представителя Президента РФ в федеральных округах очень важен, как инструмент антикризисного управления, звено института федерального

¹ Игнатов В. Г., Бутов В. И. Южная Россия: история и современность. — Ростов н/Д, 2002. — С. 289-290.

вмешательства. Без поддержки представителей данного сегмента региональной политической элиты не может быть сформирована четко выраженная стратегия развития региона и проведена целенаправленная региональная политика.

6. Крупных региональных предпринимателей.

Большое значение для понимания динамики федеральной и региональных политических элит, а также их места и роли в политико-административном и социальном управлении имеют характеристики, отражающие взаимодействие с другими элитными группами, прежде всего, бизнес-элитами. Российский бизнес, подчиняясь бюрократическим структурам, как правило, дистанцируется от власти, часто рассматривает власть не как потенциального партнера, а как, своего рода, «крышу». Часть крупных предпринимателей предпринимает попытки вхождения во властные структуры или создания общественно-политических организаций, отражающих интересы бизнес-элит. Однако стремление бизнес-элит сохранить собственные устойчивые позиции в рамках административной элиты носит перманентный характер и контролируется властью. Представители регионального бизнеса, с одной стороны, контролируют значительную часть экономических ресурсов региона, занимают ключевые позиции во владении и распоряжении собственностью. С другой стороны — обеспечивают функцию поддержки официальной власти или вступают в борьбу за получение власти в том случае, когда глава региона нелоялен интересам бизнес-групп.¹ Представители бизнес-элит могут финансировать предвыборные кампании, кредитовать региональный бюджет, способствовать смягчению социальной напряженности,

¹ Семина Л., Белый А. Магнаты открывают второй фронт в регионах // Российская газета. — 2000. — 27 октября.

спонсируя социальные программы. На современном этапе в политической системе регионального уровня позиции бизнес-элит остаются достаточно стабильными. Информационно-коммуникативная работа в сфере конструирования имиджа регионов в настоящее время востребована для успешного позиционирования региональных бизнес-элит, что объясняется ростом конкуренции между субъектами РФ за привлечение трудовых ресурсов и инвестиций.

7. Руководителей неправительственных институтов, общественно-политических движений и профессиональных организаций, представителей средств массовой информации, деятелей науки, культуры и спорта.

Представители практически всех вышеперечисленных структур, за исключением лидеров некоторых политических партий, в целом, слабо представлены в элитах регионов. Существующее небольшое влияние обеспечивается, прежде всего, за счет ректоров ВУЗов, редакторов СМИ, представителей спортивной элиты. Невысокий уровень влияния данного сегмента на ротацию региональных элит препятствует активной конкуренции регионов, развитию региональных рынков и широкой поддержке населением региональных органов власти.

Региональные руководители партий, общественно-политических движений, СМИ финансово зависимы от крупного бизнеса и системы органов власти. Этот сегмент элиты усиливает свое влияние, прежде всего, за счет партии «Единая Россия». Партия власти выступает в качестве одного из каналов рекрутирования элиты в региональные властные структуры и влияния «центра» на региональных лидеров.

8. Представителей криминальных структур.

Стремление криминальных структур к оказанию воз-

действия на принятие государственных, в том числе политических, решений, взятию под контроль деятельность органов государственной власти и управления проявляется в создании позиций во властных структурах, проникновении в управленческие звенья министерств, ведомств. Представители криминальных структур выполняют функции контролеров и, являясь антисистемным актором, могут оказывать влияние на политические процессы в регионах и местных сообществах.¹

Анализируя характеристики современных региональных элит с применением методов социологии, целесообразно обратиться к данным, формирующимся в общественном мнении. В ноябре 2014 г. отделом социально-политических исследований Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А было проведено социологическое исследование «Позиционирование административно-политической элиты (на примере РСО-Алания)» по методике ростовской научной элитологической школы.² Анкетный опрос охватил 400 человек; вид деятельности респондентов: административно-политический и хозяйственно-экономический сектор. Для более подробного анализа региональной политической элиты параллельно был проведен экспертный опрос методом «снеж-

¹ Мухин А. А. Российская организованная преступность и власть. — М., 2003. — С. 77-94.

² См. Российские элиты в зеркале социологии. Информационно-аналитические материалы. — Ростов н/Д, 2007; Государственное и муниципальное управление социальными и политическими процессами в регионе: общественное мнение и экспертные оценки. — Ростов н/Д, 2011; Понеделков А. В., Старостин А. М., Змияк С. С. Региональные административно-политические элиты в зеркале социологических опросов // Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием «Элитология России: современное состояние и перспективы развития» — Ростов-н/Д., 2013. — Т. 2. — С. 13-25.

ного кома». Для экспертного опроса был создан гайд, в основу которого легла структура анкеты для массового опроса. Всего было опрошено 35 экспертов из числа руководителей среднего звена государственной и муниципальной службы РСО-Алания со стажем работы в органах власти: свыше 20 лет — 26%; свыше 10-15 лет — 43%; свыше 5-10 лет — 31%. Среди экспертов доминировали представители муниципальной элиты — 47%, представители исполнительной власти — 30%; законодательной власти — 13%; научная элита — 10%. Для сравнения приводится таблица простых распределений, характеризующих ответы респондентов и экспертного сообщества в предыдущем аналогичном опросе 2010 г.

Анализируя ответы на вопрос, кому реально принадлежит власть в регионе, можно сделать вывод об устойчиво сложившемся мнении о высокой значимости регионального главы и его команды, представителей республиканской административной элиты и коррумпированной части чиновничьего аппарата. Следовательно, основу республиканской политической элиты образует исполнительная ветвь власти. Согласно данным ростовской элитологической школы, данная закономерность обнаруживается во всех регионах России. И хотя роль «административного сегмента» и его удельный вес в составе политических элит зависят от целого ряда факторов (структура региональной экономики, характер регионального политического режима, исторические традиции и т.д.) — налицо тенденция к усилению влияния «административной вертикали».

Что касается демократического компонента властных структур, избираемых населением (республиканский Парламент, региональные отделения партий), то они занимают весьма скромные позиции (Приложение. Таблица 5). Механизм подбора кандидатов заключается в том, чтобы

создать парламент из «своих» людей, поэтому учет политических качеств будущего депутата, его возможности представлять общество, работать с людьми отодвигается на второй план. Наряду с узостью состава депутатского корпуса, существенной причиной низкой эффективности региональных парламентов является повсеместное несоблюдение одного из базовых принципов демократического правления — разделения властей. Все это характерно и для федерального уровня государственной власти, но в регионах проявляется жестче и откровеннее. Представительные органы власти находятся, как бы, под контролем исполнительной власти и в своей деятельности руководствуются ее указаниями. Необходимое укрепление «вертикали власти», осуществленное руководством страны, привело к ослаблению авторитета и возможностей региональных парламентов. Таким образом, региональные представительные элиты испытывают явный недостаток политической силы и властного влияния.

Приоритеты для действий органов власти и управления определяются сложностью социально-экономического развития депрессивного региона, каким является РСО-А, проблемами безопасности и терроризма, напряженностью межнациональных отношений. Важность социально-экономических и политических принципов позиционирования элиты представлена в Приложении (Таблица 6). В процессе дифференцированной оценки позиций населения разных регионов необходимо подчеркнуть, что жители РСО-А оценивают современную социально-политическую обстановку в республике, как напряженную (76,7%). Определенный интерес представляет и четко сформировавшееся мнение респондентов о том, что экстремистские политические партии и религиозные организации в наибольшей степени заинтересованы в обострении полити-

ческой ситуации и межнациональных отношений на Северном Кавказе при активной финансовой помощи из-за рубежа.

Проблема ближайшей перспективы взаимодействия элит между собой и с населением региона прослеживается в ответах на вопрос: «Каким требованиям должна удовлетворять современная элита?» (Приложение. Таблица 7) Большая часть респондентов отводит профессионализму, образованности ориентированности элиты на социальную справедливость и учету интересов различных социальных групп значительный удельный вес. Таким образом, в общественном мнении преобладает запрос на качественный состав и эффективную деятельность элит.

Структура региональной политической элиты РСО-А представлена: Главой республики, членами правительства и депутатского корпуса Парламента, представителями муниципальной власти и органов самоуправления, представителями бизнеса, политсоветом партии «Единая Россия», руководством других политических партий. На современном этапе политической составляющей в стратегиях региональных элит является преемственность развития политических элит российского общества, что практически исключает случайное попадание в элитный слой. Механизмы воспроизводства региональных элит в восприятии населения представлены в Приложении (Таблица 8). Полученные результаты свидетельствуют о преобладании гильдейского способа рекрутирования элиты РСО-А. Что касается оценки влиятельности механизмов, относящихся к меритократическим и демократическим, действие которых ведет к отбору профессиональных политиков и чиновников, то сравнительно небольшой процент опрошенных указывает на влияние указанных механизмов в процессе формирования современных политико-административных элит.

Ведущими механизмами рекрутирования региональных политических элит по-прежнему является: кооптация; контроль над властными или экономическими ресурсами; общие политико-экономические интересы; наличие родственных и земляческих связей и опыта совместной деятельности с первыми лицами регионов; патрон-клиентарные отношения и неформальные механизмы поддержки со стороны групп влияния (фаворитизм, протекционизм, коррупция и т.д.). Особенность властного позиционирования административно-политических региональных элит заключается в том, что назрела необходимость модернизации кадрового состава элиты и это совпадает с изменениями губернаторской вертикали субъектов РФ.

Оценка динамики изменений современных российских политических элит свидетельствует об ухудшении качественных показателей элит, снижении эффективности действий региональных властей, бюрократизации представителей органов власти и их низком профессионализме (Приложение. Таблица 9).

Что касается мер, предлагаемых респондентами для повышения эффективности деятельности элит, то они носят разноплановый характер. Наиболее важными условиями выступает введение личной ответственности за невыполнение служебных обязанностей (более 50% опрошенных), улучшение качественного состава элит (более 40%), контроль сверху (34%). Здесь же следует отметить, что, согласно мнению населения, только лишь Президент РФ может эффективно влиять на региональную политику, стабилизацию социально-экономической и политической ситуации в регионе (более 70%), далее названы Государственная Дума (32%), ФСБ (27%), руководители субъекта РФ и государственная власть в субъектах РФ (25%).

В значительной степени влияние федерального «цен-

тра» обусловлено экономическим неблагополучием большинства дотационных регионов, где отсутствие материальных и финансовых ресурсов не дает возможности проведения самостоятельной политики. Политические элиты регионов-доноров более независимы от «центра», но и они при принятии стратегически важных решений ориентируются на мнение федеральной элиты. Несамостоятельность региональной исполнительной власти приводит, по нашему мнению, к снижению требований, предъявляемых к ее компетенции, к падению уровня ее ответственности за результаты проводимой региональной политики. Иными словами, зависимость областного правительства от федеральной власти неизбежна в силу особенностей самой политической структуры российского общества. Безусловно, региональные элиты, как субъект политики — необходимый элемент политической системы, Однако их структурирование существенно беднее, чем у политических элит федерального уровня, что сказывается на эффективности деятельности элит.

Следует особо подчеркнуть, что характеристики российских региональных элитных групп, как и сообщества в целом, мозаичны и различаются в зависимости от региона, их вряд ли можно привести к одной унифицированной модели в силу различных стержневых основ составляющих элит. Однако сопоставление мнений населения по наиболее характерным позициям исследований, проведенных по методике ростовской научной элитологической школы, показывает, что основные вышеуказанные тенденции сохраняются во всех наблюдаемых регионах РФ.¹

Таким образом, на основе вышеизложенного можно отметить, что в регионах постсоветской России сформировались политические элиты, своеобразные по институци-

¹ Понеделков А. В., Старостин А. М., Змяк С. С. Указ. соч. — С.25

ональному дизайну, ресурсам влияния и методам деятельности. Структура элит включает в себя синтез субъектов влияния, сегментарных элитных группировок, своеобразных по своим функциям: властная элита, административно-политическая элита, бизнес-элита, партийная элита, руководители СМИ.

В начале 1990-х гг. региональные политические элиты контролировали экономические ресурсы, владели и распоряжались приватизированным имуществом, что способствовало их обособлению от общероссийской элиты. Воспринимая, себя в качестве автономных, равноправных с федеральным «центром» игроков на политической арене, региональные элиты, достигнув внутригрупповой консолидации, выработали нормы неформального взаимодействия между отдельными субъектами политики. При этом российская региональная политика определялась скрытыми внутривнутриполитическими и экономическими процессами, развивающимися в стране и выражающими интересы политических элит, конечной целью которых было не достижение общественного блага, а реализация собственных групповых интересов. В то же время, региональные политические элиты, не сумевшие сформулировать и претворить в жизнь приемлемые для большей части населения идеологические установки, устремления и образцы поведения, оказались неспособны достичь консолидации внутри самих себя.

Содержание трансформационных процессов, продолжавшихся на протяжении постсоветского периода, можно охарактеризовать следующим образом:

- появление новых источников рекрутации (например, бизнес-структуры), слияние во многих регионах политических и бизнес-элит;
- более открытый характер региональные элит, спо-

способность адаптироваться к новым условиям;

- возрастание профессионального и интеллектуального потенциала региональных элит;

- формирование региональных «партий власти» вокруг действующего главы исполнительной власти;

- наличие кланового характера внутриэлитных взаимоотношений;

- формирование общекорпоративных интересов различных элитных групп.

На современном этапе в субъектном пространстве региональной российской политики происходят следующие изменения, существенно влияющие на динамику и векторы позиционирования политических элит:

- возрастает влияние федеральной элиты в регионах, связанное с отсутствием единства региональных элит, их приверженностью групповым, партикулярным интересам. Федеральная элита не является единым образованием, противоречия между различными группами нередко проявляются на региональном уровне, в результате чего расстановка политических сил в регионах, порой, является проекцией московских конфликтов. Вместе с тем, региональные политические элиты являются инструментом реализации интересов центральной элиты, и наличие противоречий не меняет этого обстоятельства, выступают в роли коммуникатора между обществом и федеральными властями, находятся в стадии постоянного взаимодействия;

- циркуляция элит носит многосторонний характер: представители региональных элит пополняют элиту федерального уровня, рекрутирование региональных элит возможно за счет представителей «центра»;

- ведущими механизмами рекрутирования региональных политических элит по-прежнему являются: ко-

оптация; контроль над властными или экономическими ресурсами; общие политико-экономические интересы; наличие родственных и земляческих связей и опыта совместной деятельности с первыми лицами регионов; патрон-клиентарные отношения и неформальные механизмы поддержки со стороны групп влияния (фаворитизм, протекционизм, коррупция и т.д.);

— усиливается влияние исполнительной власти субъектов Федерации на региональный политический процесс, представительные органы власти находятся под контролем исполнительной власти и в своей деятельности руководствуются ее указаниями. Наряду с узостью состава депутатского корпуса, существенной причиной низкой эффективности региональных парламентов является повсеместное несоблюдение одного из базовых принципов демократического правления — разделения властей;

— современные политические элиты регионов России отличаются многослойностью, на любом уровне административных структур существуют свои элитные группировки;

— на смену идеологическому противостоянию политических элит регионов России приходит борьба за ресурсы;

— рост миграционных потоков, которым подвержены российские регионы, приводит к изменениям в составе элит на всех уровнях;

— вследствие развития геополитических, геоэкономических и геокультурных процессов региональные политические элиты становятся объектом внимания целого ряда государств. И для понимания процессов, происходящих в современных региональных элитах поликонфессиональных и поликультурных государств, это обстоятельство имеет важное значение.

3.2 Современные политико-властные элиты республик

Северо-Кавказского федерального округа в контексте социальных изменений

Радикальная трансформация политической системы общества, сложная и противоречивая этнополитическая перестройка кавказского региона, начавшаяся вместе с распадом Советского Союза, закрепила в российском общественном сознании глубоко конфликтное видение ситуации на Кавказе, как области межнациональной напряженности. Вместе с тем, Северный Кавказ — регион общероссийского значения, со значительными природными и стратегическими ресурсами. Эти долгосрочные факторы создали основу своеобразия региона, как важнейшей части общероссийского социально-политического и экономического пространства, отличающейся особыми устойчивыми традициями взаимодействия этносов и культур.

Не менее важным является важное геополитическое значение Северо-Кавказского региона, которое делает широкой и активной сферу региональных интересов. В контексте мировой политики Кавказ рассматривается как уникальный геостратегический плацдарм, по которому с севера на юг через Главный кавказский хребет проходят важнейшие коммуникации. Государство, обладающее этим плацдармом, будет держать в своих руках нити контроля над всем регионом. Можно с уверенностью прогнозировать, что подобные вопросы будут и далее обсуждаться в средствах массовой информации, и именно через призму этих проблем Северный Кавказ будет фигурировать в предстоящих политических и научных дискуссиях.

Территориальное пространство Северного Кавказа, как и полиэтничность, и поликонфессиональность региона являются одновременно решающими условиями, факторами для формирования и функционирования политико-властных элит. Новейшая история Северного Кавказа

проявила многие общественно-политические и политико-управленческие тенденции, которые были подготовлены всем предыдущим историческим развитием и вместе с тем, спровоцированы постсоветскими реалиями. В конце 80-х гг. XX века в северокавказских субъектах происходит кризис политики и управления, который был вызван кризисом политической системы и политических элит СССР и далее РФ, противоречиями внутри российской федеральной элиты.

В 1990-1991 гг., вслед за принятием Декларации о государственном суверенитете РФ 12 июня 1991 г., состоялось провозглашение суверенитета таких субъектов бывшей советской федерации, как автономная республика и автономная область. В 1991 г. они были преобразованы в республики в составе РФ (Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия-Алания). Вместе с тем, 27 ноября 1990 г. Верховный Совет Чечено-Ингушской Республики принял Декларацию о государственном суверенитете, согласно которой республика провозглашалась суверенным государством. Эти процессы коренным образом изменили статус и самосознание политико-властной элиты субъектов Северного Кавказа.

В марте 1992 г. главы субъектов подписали Федеративный Договор и вступили в новую систему разграничения предметов ведения и полномочий между федеральным центром и субъектами РФ. Федеративный Договор не подписали Республика Ингушетия, которая еще не сформировалась, как самостоятельный субъект, и Чеченская Республика Ичкерия, которая объявила о выходе из состава РФ.

В условиях распада СССР и развития центробежных сил северокавказский историко-политический контекст формирования, ротации и функционирования региональных политико-административных элит в 90-е гг. XX века харак-

теризовался следующими процессами:

— кризисом экономической и хозяйственной структуры, распадом социально-экономических связей, ростом безработицы в условиях оттока рабочей силы, снижения интеллектуального потенциала и примитивизации регионального рынка труда;

— формированием теневого оборота и фальсификатов в таких отраслях, как производство нефтепродуктов, вино-водочной продукции, минеральной воды; переработка морепродуктов;

— организацией экономических оффшорных зон с масштабным уходом от налогов;

— увеличением плотности населения, особенно в городах, усилением «демографических ножниц» между количеством жителей и величиной территории;

— формированием этносепаратизма и попыток сецессии со стороны отдельных регионов; развитием этнократизма и возвышением суверенитета субъектов над суверенитетом федерации;

— разработкой и принятием законов, нормативно-правовых актов субъектов, противоречащих Конституции РФ и законодательству РФ;

— акцентированием автохтонности, титульности коренных северокавказских народов и распространением национализма и ксенофобии в отношении некоренных этнических групп;

— увеличением количества этнических беженцев из конфликтных территорий.

В постсоветский период в регионе обозначились около тридцати взаимных территориально-статусных притязаний народов друг к другу на фоне обладания государственностью только восемью народами из тридцати трех наиболее многочисленных; состоялись острые межэтни-

ческие и этнополитические конфликты и сепаратистские процессы, сложилась сеть террористических группировок, распространилась идеология и практика национально-религиозного экстремизма.¹

Новые условия формирования и функционирования политико-властной элиты сложились с образованием Северо-Кавказского федерального округа и реструктуризацией системы федеральных округов на Северном Кавказе. Указ Президента РФ от 19 января 2010 г. № 82 предопределил выделение из ЮФО нового округа — СКФО, расположенного на юге европейской части страны, охватывающего центральную и восточную части Северного Кавказа. В состав СКФО входят: Ставропольский край, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика и Чеченская Республика. Здесь сосредоточены важные для страны коммуникации: воздушные, морские и сухопутные. Центром СКФО был выбран город Пятигорск, который не является ни административным центром, ни крупнейшим городом округа. На востоке округ ограничен Каспийским морем, на юге — Главным Кавказским хребтом и границами с Грузией и Азербайджаном, что обуславливает важность его стратегического положения.

В общественном, информационном и экспертном дискурсе обсуждение самого решения об образовании СКФО до сих пор вызывает неоднозначные трактовки и интерпретации, связанные с формированием новых акторов политического процесса и новых институтов управления. Политические и управленческие усилия полномочных

¹ Аствацатурова М. А., Тишков В. А., Хоперская Л. Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. — М., 2010.

представителей Президента РФ в СКФО внесли современные техники и технологии в горизонтальные и вертикальные политико-управленческие процессы. В 2010 году полномочным представителем Президента РФ в СКФО был назначен А. Хлопонин, который предпринял попытку внедрения в политико-управленческую практику современного стиля общения, а также приложил усилия для создания позитивного имиджа Северного Кавказа. При этом полиэтничность региона рассматривалась как социальный и политический ресурс.

Значимым политическим событием 2014 г. стало назначение полномочным представителем Президента РФ в СКФО С. А. Меликова и формирование новой системы органов исполнительной власти в целях повышения эффективности управления в регионе. Создание новых министерств для решения проблем конкретных регионов (Дальний Восток, Крым, Северный Кавказ) и назначение новых министров при наличии соответствующих заместителей председателя Правительства РФ и представителей Президента РФ в соответствующих федеральных округах является составляющей общей реформы исполнительной власти в направлении повышения качества управления. С мая 2014 г. инициативы верховной власти нацелены на создание эффективной системы принятия и исполнения решений федерального масштаба. В Северо-Кавказском федеральном округе была проведена ротация полномочного представителя Президента РФ после пятилетнего политико-управленческого цикла. Это связано с тем, что проблемы региона проявляются, прежде всего, в сфере безопасности — терроризм, национально-религиозный экстремизм, межэтническая напряженность. Также актуальна борьба с коррупцией в органах власти и управления, обеспечение правопорядка и законности. Не менее

важным является нейтрализация возможных геополитических угроз на фоне событий в Сирии, в Украине, которые вновь подтвердили необходимость укрепления центрального управления и значимость авторитета первого лица государства. Необходим также и аудит соблюдения прав человека в СКФО в контексте активизации гражданского общества в его особой — этнокультурной модели. В этом контексте реконструкция силовой составляющей политических элит в СКФО представляется логичной и оправданной.

Политические процессы в республиках Северного Кавказа по многим своим особенностям представляют собой сублимированные формы таких же процессов, протекающих в центральных регионах России. Несмотря на все противоречия, элиты Юга России органично включены в систему всероссийской элиты и отражают все свойственные ей плюсы и минусы.

Республика Дагестан (образована в январе 1921, до 1992 автономная республика) — уникальный регион РФ по своей истории, самобытной культуре, полиэтничности. В Дагестане нет «титульной национальности», в республике, с населением 2,9 чел., проживает более 30 коренных народностей, в том числе — аварцы (29%); даргинцы (16%); кумыки (14%); лезгины (13%) и др. Этничность выступает как важный политический фактор в процессе становления политической элиты. Для Дагестана характерным является «этнический баланс» в органах власти и управления, что противоречит нормам российского права, но позволяет сохранить хрупкий мир в регионе.

К числу особенностей политической ситуации в Дагестане относится тенденция существенной политизации межэтнических отношений и, как результат, этнизация политики. Это обстоятельство способствовало усилению те-

невых процессов, где этнический фактор становился каналом для обретения и пользования властными ресурсами со стороны клановых группировок. В результате, именно этническая принадлежность становилась необходимым атрибутом для реализации более узких групповых интересов элит. Иными словами, через этнический фактор клановые группы смогли включиться в борьбу за власть в Дагестане.

Д. А. Медведев в качестве одной из центральных негативных тенденций регионов Северного Кавказа называл «клановость» в политике и бизнесе. Архаические структуры: клановые, семейные, корпоративные — обнажились в кавказских республиках еще в 1990-е годы XX века. Их проникновение в политическую систему общества с целью подчинения политических институтов интересам, в первую очередь, своего рода, племени, или клана, фактически ставит остальных граждан в неравноправное положение. Клановую идеологию открыто защищают и пропагандируют многие общественные и политические деятели, представители интеллигенции, поэтому она функционирует в национальных республиках не только в «теневом» состоянии. В некоторых республиках, параллельно официальной власти, сформировались или возродились, опирающиеся на родоплеменные группы, неформальные институты власти. Они оказывают сильное влияние на общественную жизнь и осуществляют отбор своих представителей в государственные структуры управления, будучи не представленными в государственном аппарате. В этнорегионах циркуляция политических элит в значительной степени осуществляется по линиям кровного родства в рамках рода, фамилии, этнической группы.

Данные отношения являются основой коррупции. Традиционно структурные отношения непреодолимы юриди-

чески. В обществе есть понимание того, что это нечестно: лоббирование представителей своих кланов, не институциональные, а личные связи. Слабость, с одной стороны, гражданского общества, способного контролировать власть, а с другой — властной иерархии в постсоветской России привели к возможности слияния личных и государственных интересов с превалированием первых над вторыми. Практически все республики Северного Кавказа в указанный период превратились в семейные предприятия: в органах власти, крупных экономических структурах руководящие должности занимали лица, состоящие в родственных связях между собой. Корпоративные сообщества, сформировавшиеся во властных институтах, монополизировали и политические и экономические ресурсы. В результате оказалась нарушенной система сдержек и противовесов, у большей части населения произвол властей породил социальную апатию.

Республика Дагестан обладает наиболее сложной и многочисленной клановой структурой. Это связано не столько с многонациональным составом республики, сколько с особенностями ее политического развития, которое сопровождалось сильной внутренней конкуренцией в 1990-е — 2000-е годы. Прежний Глава Дагестана М. М. Магомедов (2010-2013 гг.) при вступлении в должность подчеркивал жизненную необходимость проведения реформ в республике. Однако, согласно мнению большинства экспертов, именно он несёт полную ответственность за кризис в Дагестане. Назначение М. М. Магомедова состоялось, главным образом, по инициативе и поддержке олигарха мирового уровня С. Керимова, который был заинтересован в экономических структурах республики, приносящих определённые финансовые дивиденды, таких как между-

народный морской порт, международный аэропорт и т. д.¹ В январе 2013 г. В. В. Путин подписал указ о досрочном прекращении полномочий президента Дагестана М. М. Магомедова. Некоторые аналитики считают, что Магомедовы были особо приближены к Д. А. Медведеву и связывают уход Магомедова с ослаблением позиций Медведева. Нынешний Глава республики Р. Г. Абдулатипов не позиционируется, как представитель национальных кланов, будучи связанным с российской федеральной элитой.

Следует отметить, что функционирование политической элиты Республики Дагестан находится под влиянием определенных внешних и внутренних факторов. Процесс формирования современных наиболее влиятельных элитных слоев начался в конце прошлого века и на сегодняшний день в той или иной степени считается незавершенным.

Республика Ингушетия — самая молодая республика (образована 4 июня 1992 г.) и самый малый по площади субъект РФ. Численность населения — 411 тыс. человек. В общественной жизни Ингушетии важную роль играет социально-религиозная структура общества, основанная на делении социума по родовому признаку и по признаку принадлежности к тому или иному суфийскому братству. Поскольку значительная часть тейпов (родов) распределяется по категориям крупных и малых тейпов, возникающие межтейповые разногласия могут иметь серьезные последствия. Эта ситуация выглядит достаточно напряженно, и участие республиканских властей в урегулирование таких конфликтов становится очевидным.

Традиционность и исламский фактор оказывают зна-

¹ Казенин К. Народное собрание Дагестана: политические и лоббистские группы http://bubakiri.narod2.ru/regionalnaya_politika/narodnoe_sobranie_dagestana/

чительное влияние на политические установки населения региона и в некоторых случаях вступают в противоречие с ценностями и требованиями гражданского общества. Столкновение формирующегося гражданского общества и традиционализма проявлялось в противостоянии власти и некоторых институтов гражданского общества. Глава Ингушетии Юнус-бек Евкуров основал свою политику на сотрудничестве с институтами гражданского общества, но полностью конфликт с оппозиционными структурами не преодолен. Лидеры ингушской оппозиции, на время приостановившие свою активность после смены главы республики, через некоторое время возобновили ее с новой силой, перенеся поле борьбы за пределы республики. Победе институтов гражданского общества в большей степени способствовал тот факт, что традиционалисты предлагали реанимировать не столько правовые нормы обычного права ингушей, а нормы шариата, которые для основной массы населения, несмотря на их приверженность к исламу, были чужды.¹

Процесс активного возрождения традиционных ценностей в современном северокавказском обществе, выраженный в реактуализации этнических и религиозных символов в общественных отношениях, во многом является ответом на попытку проведения многоуровневой модернизации по западному образцу. В основе традиционного общества, как известно, лежит способ социокультурной коммуникации и регуляции всех сфер жизни. Обычное право — феномен традиционной культуры, обеспечивающий устную трансляцию соционормативной информации и регулятивного общественного опыта. Оно на Северном

¹ Губаева Б. С., Таказов Ф. М. Традиционное северокавказское общество в контексте социальных изменений конца XX — начала XXI вв. — Владикавказ, 2014 — С. 12-13

Кавказе носит общеобязательный, предписывающий характер, неотделимо от морально-нравственных императивов, закрепленных в обычае, традиции, ритуале. На формирование правового порядка исторически влияли юридические, нормативно-регулятивные системы северокавказских этносов — адат и шариат. Обычное право с ранних времен и до наших дней играет значительную роль в общественной и культурной жизни Северного Кавказа.

Кабардино-Балкарская Республика образована в сентябре 1921 г., до 1992 г. — автономная республика. Примерно половина жителей — кабардинцы, треть — русские, десятая часть — балкарцы. Кабардинцы относятся к группе адыгов, в то время как балкарцы — к тюркской этнической группе. Кабардино-Балкарская Республика традиционно характеризуется как полиэтничная по составу населения. По данным переписи населения 2010 года в республике проживало 859,9 тыс. человек. Из них 857,7 тыс. указали свою принадлежность более чем к 115 национальностям. В постсоветский период удельный вес «титულных» национальных групп в КБР вырос с 57,2% в 1989 до 69,6% в 2010 году.¹

Общественная жизнь современной Кабардино-Балкарии отмечена постоянным присутствием этнополитического фактора. КБР относится к регионам, где по негласной договоренности действует принцип этнического квотирования. Как подчеркивают эксперты, эта негласная система квотирования достаточно эффективно регулирует межнациональные отношения в республике. Демографические процессы последних десятилетий существенно изменили этнический баланс населения КБР. Границы этнических групп в социально-психологическом пространстве стали

¹ Состояние межнациональных отношений и религиозная ситуация в СКФО (по состоянию на первое полугодие 2014 г.). Экспертный доклад/под ред. В. А. Тишкова. — Ставрополь, 2014. — С. 90

более четкими, но процесс размывания их территориального разграничения, сближения и диффузии в физическом пространстве продолжается. Этнополитические проблемы в современной Кабардино-Балкарии не являются проекцией ее «многонациональности», но их нельзя свести и к субъективным устремлениям активистов национальных движений. Механизмы политизации этничности срабатывают в комплексе институциональных, социально-психологических, ситуативно-политических условий, явлений и зависимостей, через которые этничность из формы выражения культурно-языкового многообразия обращается в форму проявления поляризованной этнополитической реальности.¹

Приход к власти в КБР А.Б. Канокова (2005-2013 гг.) практически с самого начала вызывал настороженное отношение, а противостояние старой и новой элиты являлось лейтмотивом политической жизни республики. А.Б. Каноков, представитель бизнес-элиты, был известен как владелец многопрофильного холдинга «Синдика». Тем не менее, позиции Канокова, как главы региона, были ослаблены в связи с громкими расследованиями коррупции в его окружении, а также активизацией террористических угроз. Некоторые меры, предпринятые Каноковым по сближению с объединенной «кабардино-балкарской» оппозицией в конце 2012 — начале 2013 года, не дали устойчивого результата. Сложившееся внутриэлитное противостояние было разрешено федеральным центром в пользу старых элит. В декабре 2013 г. А. Б. Каноков досрочно ушел в отставку. Временно исполняющим обязанности до вступления в должность лица, избранного главой КБР, был назначен Ю.А. Коков, который длительное время работал на различных должностях в подразделениях МВД Кабар-

¹ Там же. — С. 93-94

дино-Балкарской Республики, кроме того дважды (в 1993 и 1997 гг.) избирался депутатом республиканского парламента.

В апреле 2014 г. на пленарном заседании Парламента Кабардино-Балкарии единогласно были приняты поправки к Конституции: депутаты наделили себя полномочиями по избранию главы республики и приняли закон, определяющий порядок выборов. Согласно закону, главу республики избирают депутаты парламента из числа трех кандидатов, предложенных президентом РФ. Большого интереса или протестных настроений в обществе закон не вызвал. В сентябре 2014 г. Президент РФ внес на рассмотрение парламента КБР три кандидатуры: врио главы КБР Юрия Кокова, заместителя председателя правительства КБР Ирины Марьяш и министра экономического развития КБР Алия Мусукова. На внеочередном заседании Парламента КБР пятого созыва все 70 парламентариев единогласно проголосовали за кандидатуру Ю. А. Кокова.

Карачаево-Черкесская Республика образована в январе 1922 г., статус республики в составе РФ получила в 1991 г. Численность постоянного населения в 2014 г. составила 476705 чел: русские составляют 42,4% населения, карачаевцы — 31,2%, черкесы — 9,7%. В КЧР в соответствии со статьей 11 Конституции КЧР пять языков имеют статус государственных: абазинский, карачаевский, ногайский, русский и черкесский. Основным в сфере языковой политики является закон «О языках народов Карачаево-Черкесской Республики» от 29.05.1996 г., принятый в целях сохранения, равноправного и самобытного развития языков народов КЧР.

В республике наблюдаются проблемы в сфере межэтнических отношений и этнополитики: сохранение негативных этнических стереотипов; интолерантность в мо-

лодежной среде; существование этнократических групп; усиление авторитарных тенденций во власти. Фактор этнических стереотипов является значимым в условиях КЧР, где сильны родственные и клановые связи. Среди представителей народов КЧР сохраняются отрицательные этнические стереотипы в отношении других народов. Интолерантность — это проблема, в первую очередь, молодежи КЧР. Она проявляется в отрицательном отношении к представителям другой национальности (фиксируется в социологических опросах, так, в КЧР 14,6% молодых людей когда — либо испытывали дискриминацию по национальному признаку).¹ К новым факторам, вызывающим интолерантность, можно отнести: моноэтнизацию состава республиканского студенчества; сохранение и популяризацию мифологизированной этнической истории, в которой акцент делается на древности происхождения и родовом праве на земли; отсутствие социальных лифтов для основной части молодежи. Лидерами этнического дискурса являются представители интеллигенции республики: историки, этнографы, представители этнических общественных организаций. В начале 2014 г. в республиках Северного Кавказа активизировался так называемый «черкесский вопрос», что было вызвано проведением зимней Олимпиады — 2014 в г. Сочи. Обсуждение «черкесского вопроса» инициировалось представителями науки черкесского происхождения на адыгских сайтах и форумах. В настоящее время «черкесский вопрос», сохраняя свою суть — объединение всех российских черкесов в рамках единого государственного образования и признание их геноцида во время Кавказской войны, трансформируется в более конкретные практические задачи, связанные с сохранением черкесского этноса.

¹ Там же. — С. 100

В республике существуют этнократические группы, определяющие и влияющие на региональную этнополитику. Они состоят из представителей властных структур, лидеров этнических общественных объединений, представителей крупного бизнеса. Этнократические тенденции проявляются и в сращивании представителей республиканского бизнеса с властью. В начале 2014 г. в республике были проведены кадровые перестановки в Правительстве КЧР, вызванные экономическими скандалами с участием некоторых министров. Все районы и города республики перешли от прямых выборов руководителей к принципам представительной демократии. Происходит усиление вертикали исполнительной власти путем законодательно закрепленного непосредственного участия главы КЧР в назначении руководителей территориальных органов власти и республиканских государственных унитарных предприятий и учреждений. Значимым следствием происходящих процессов в кадрово-управленческой сфере является укрепление команды сторонников действующего Главы КЧР Р.Б. Темрезова.

Власти республики продолжают целенаправленную деятельность по формированию позитивного имиджа региона и имиджа Главы КЧР, который уделяет большое внимание развитию информационного медиа-холдинга в республике. По подсчетам разных федеральных центров и фондов интегральный рейтинг Главы КЧР Р.Б. Темрезова постоянно растет. О повышении имиджа республики свидетельствует частота её посещаемости первыми лицами государства, активным взаимодействием центр — регион.

Республика Северная Осетия-Алания образована в июле 1924 г. Население составляет около 712 тыс. человек, из них 53% — осетины, 30% — русскоязычные. По плотности населения и степени урбанизации Северная Осетия

занимает первое место на Северном Кавказе (более 70% проживает в городах).

На общественно-политическую обстановку в республике существенным образом оказывают влияние внутренние и внешние факторы: сохранение последствий двух этнополитических конфликтов — в Южной Осетии и вокруг Пригородного района Северной Осетии — с одной стороны; сохранение террористических угроз — с другой. Через несколько дней после трагедии в г. Беслане, произошедшей в сентябре 2004 г., Президент России В.В. Путин впервые публично озвучил мысль о причастности определенных кругов на Западе к организации террористической войны против России. В этой связи был принят комплекс мер регионального и федерального масштабов. Меры коснулись и политического переустройства самого российского государства и вызвали достаточно серьезные изменения принципов формирования органов власти. Наиболее масштабной была инициатива Главы государства об отмене прямых выборов губернаторов путем всеобщего голосования жителей соответствующих субъектов Федерации. Избирать Глав регионов стали законодательные собрания по представлению Президента РФ.

Радикально настроенная часть осетинского общества в качестве одной из причин теракта в г. Беслане называла последствия осетино-ингушского конфликта, связывая с именем Президента РСО-Алания А.С. Дзасохова (1998-2005 гг.) политику возвращения ингушских беженцев в Пригородный район Северной Осетии. Бесланская трагедия привела к отставке Дзасохова, резкому падению авторитета власти, недовольству местной правящей элитой, которую обвиняли в неспособности управлять ситуацией, приведшей к многочисленным жертвам и гибели детей.¹ В

¹ Вехи политической биографии Александра Дзасохова // Ком-

июне 2005 г. Парламент РСО-Алания единогласно поддержал предложение Президента РФ В. В. Путина о наделении Т. Д. Мамсурова полномочиями главы республики.

Мамсуров Т. Д. стал Главой РСО-Алания в сложный для республики период — спустя несколько месяцев после бесланской трагедии. Через три года, в августе 2008 г., произошел вооруженный конфликт в Южной Осетии, который привел к значительным геополитическим и экономическим последствиям. Согласно официальным данным Управления Верховного комиссара ООН, беженцами в результате конфликта стали более 118 тыс. человек, в том числе около 30 тысяч человек находились на территории России.¹

Мамсуров Т. Д. возглавлял республику с 2005 по 2015 гг. и, в целом, этот период можно охарактеризовать цитатой самого политика: «Без скачков, рывков и популистских обещаний». Сыграла ли тактика, которой он придерживался два срока, свою роль — вопрос сложный. Стабильность, особенно в непростые для нашего государства времена, является важным признаком эффективности управления. Однако, экспертные структуры, составляющие «рейтинги губернаторов и регионов», за редким исключением, ставили главе РСО-А и его команде достаточно низкие оценки. Мамсуров находился в группе наиболее неэффективных губернаторов рейтинга Фонда развития гражданского общества. Следует особо отметить, что рейтинг ФОРГО, оценивающий эффективность работы глав регионов, является одним из основных измерений, на основании которых президент принимает кадровые решения.

По мнению большинства экспертов, общественно-политический мерсантизм — 2005. — 8 июня.

¹ ООН: из-за конфликта в Южной Осетии беженцами стали более 118 тыс. человек. http://www.gazeta.ru/news/lenta/2008/08/15/n_1257685.shtml

литическая и социально-экономическая жизнь РСО-Алания характеризовалась понятием «застой», отсутствием реальных достижений в идеологической и социально-экономической сферах, что особенно заметно на фоне соседних регионов СКФО. Недовольство главой республики стало принимать организованные и публичные формы: его высказывания постоянно и жестко критиковались в масс-медиа и интернет-блогах, в дискуссию вовлекались известные политологи и активные граждане: «что касается Осетии, то она находится в депрессии, и ее симптомы постепенно усугубляются. Республика, которая хотя бы в силу географического положения, не говоря уже обо всем остальном, могла бы стать геополитическим центром всего Кавказа, предпочитает реальной политике сугубо провинциальные разборки. Если амбиции не выходят за уровень горсовета — тут и говорить не о чем. Из этого состояния нужно выходить, и чем скорее, тем лучше»¹.

Учитывая особую роль Осетии (Севера и Юга) как на Северном Кавказе, так и в Закавказье, продолжение стагнации во всех сферах жизнедеятельности республики просто недопустимо. Северная Осетия, географически находящаяся в центре Кавказа и являющаяся связующим звеном в направлении Грузии и далее — Ближнего Востока, нуждается в политико-идеологической и социально-экономической «перезагрузке», притоке новой крови и свежих идей. В противном случае в скором будущем она де-факто перестанет быть «форпостом России на Кавказе».

В июне 2015 г. Президент РФ освободил Т. Д. Мамсурова от занимаемой должности. Данное решение было принято в связи с истечением срока полномочий главы РСО-Алания. С другой стороны, согласно нормам конституции ре-

¹Бейненсон А. «Политолог Яна Амелина: «И Украины и Грузии на картах мира скоро просто не будет»://<http://enews.md/articles/view/4912>

спублики, он не мог избираться на данный пост в третий раз. Временно исполняющим обязанности главы Северной Осетии был назначен депутат Госдумы РФ от РСО-Алания, бывший председатель Верховного суда республики Т.К. Агузаров.

В июне 2015 г. Президент РФ В.В. Путин внес на рассмотрение парламента РСО-Алания три кандидатуры: Тамерлана Агузарова (временно исполняющего обязанности главы региона), Эльбруса Бокоева (секретаря Общественной палаты республики) и Елены Князевой (депутата регионального парламента от партии КПРФ). В сентябре 2015 г. тайным голосованием с использованием электронной системы голосования 66 депутатов парламента РСО-А избрали Т.К. Агузарова главой республики.

Избрание Т.К. Агузарова положило начало фазе позитивных ожиданий с точки зрения взаимоотношений республиканской власти и общества. Новому руководству Северной Осетии необходимо продемонстрировать личностные и командные инновационные ресурсы для решения социально-экономических и общественно-политических проблем; выстроить плодотворные отношения с главами субъектов РФ СКФО. А какими возможностями обладает политическая элита республики, чтобы оправдать ожидания общества — покажет время!

Чеченская Республика, согласно изменениям в Конституции РФ образована в декабре 1992 г. (Чеченская автономная область была образована в 1922 г., а затем объединена с Ингушской автономной областью в Чечено-Ингушскую АССР). Численность постоянного населения Чеченской Республики на 1 января 2014 г. составила 1346,5 тыс. человек. В этнической структуре населения чеченцев — 95,08%, русских — 1,92%, кумыков — 0,99%, аварцев — 0,38%, ногайцев — 0,27%. Из всех регионов СКФО Чечня

является наиболее моноэтническим регионом, в котором доля доминирующего этноса составляет более 90%.

Чеченская Республика по своему государственно-административному статусу является равноправным субъектом РФ. С урегулированием военно-политического конфликта произошло включение региона в конституционное, административно-политическое, финансово-экономическое, культурно-образовательное пространство страны. В публичных выступлениях первые руководители и духовные деятели подчеркивают, что ЧР — часть российского государства, равноправный субъект РФ. В социологических опросах за самостоятельность ЧР высказываются менее 10%.¹ Однако представители зарубежной политической диаспоры демонстрируют в интернет-«страницах», на организуемых в различных странах общественных мероприятиях, приверженность государственной независимости Чечни.

Последствия военных действий и постконфликтная ситуация обусловили особенности регионального управления территорией. Вместе с тем, сложившийся политический режим многими экспертами рассматривается как срез политического режима во всей стране, с общими, «универсальными», или «родимыми пятнами» целого, административно-политического и государственного обустройства. В системе республиканского управления доминируют элементы авторитарности, концентрации власти в руках главы республики. С точки зрения некоторых аналитиков — это неизбежный этап в укреплении правопорядка, социальной мобилизации и организации восстановительных работ в регионе. Противоположная

¹ Состояние межнациональных отношений и религиозная ситуация в СКФО (по состоянию на первое полугодие 2014 г.). Экспертный доклад/под ред. В. А. Тишкова. — Ставрополь, 2014. — С. 143-145.

точка зрения предполагает, что подобный режим и стиль управления ограничивает институциональный потенциал и независимость законодательной и судебной власти, делает возможными противоправные явления в отношении личности. Согласно данным внешних экспертных оценок, одно из лидирующих мест среди глав субъектов РФ, наиболее эффективно взаимодействующих с региональными элитами, принадлежит Р.А. Кадырову.

В общественно-политическом дискурсе преобладает мнение, что региональные отделения партий ЧР не обладают самостоятельностью, не проявляют инициативу и стремление аккумулировать интересы различных слоев населения. Полемической остроты, межпартийной дискуссии по презентации программных задач не просматривалось и на прошедшей избирательной кампании 2013 г. За прошедшие годы управленческие кадры республики приобрели опыт организационной деятельности, однако у многих из них отсутствовала практика административной работы в органах власти и управления. Эти факторы, безусловно повлияли на культуру управленческого труда, уровень компетентности и квалификации служащих республики.

Таким образом, следует отметить, что в Северо-Кавказском регионе, чрезвычайно пестром по национальному, религиозному, культурному составу, где проживает более пятидесяти народов и этнических групп, социальные и политические процессы невозможно рассматривать изолированно, вне рамок исторического и социокультурного контекста народов Кавказа. Межнациональное согласие — это не пустые слова для нашей страны, это основа ее существования. Активное использование манипулятивных технологий информационно-психологического воздействия в политической и социальной сферах, не единожды

предпринятые попытки дестабилизировать обстановку на Северном Кавказе на фоне сложной экономической ситуации в стране, безусловно, чреваты далеко идущими последствиями: нарастанием межконфессиональной напряженности, ведущей к ценностной и идеологической поляризации общества и разжиганию межгрупповой ненависти; реанимации территориальных споров и неразрешенных проблем прошлых насильственных конфликтов; политизации исторических проблем и этнической напряженности. Поэтому на современном этапе особую актуальность приобретает необходимость дестереотипизации массового сознания по отношению к Кавказу; адекватного позиционирования субъектов СКФО в информационном пространстве; позитивизации имиджа кавказских республик в качестве составного, стратегически важного и экономически привлекательного региона России. На Кавказе есть своя развивающаяся экономика, свои точки роста, в том числе, в таких отраслях, как агропромышленный комплекс, легкая промышленность, жилищное строительство, высокотехнологичное производство строительных материалов, генерация электрической энергии и, конечно, туристическая сфера. Необходимо продолжать работу по популяризации создающего имиджа Северного Кавказа, как благополучного и безопасного края. Поэтому особую остроту приобретают проблемы наполнения медийного поля качественной и профессиональной информацией, способствующей гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, эффективного использования мобилизационных возможностей «мягкой силы» — информационного, экономического, политического и культурного взаимодействия материальных и нематериальных ценностей, так называемых «этнокультурных брендов». Позитивизация имиджа региона должна быть

оформлена в некую медиаполитическую стратегию. Наша сила в общем культурном наследии, создаваемом многими поколениями, ответственном подходе и бережном отношении к исторической памяти, в укреплении общенародного единства, всего того, что составляет богатство и величие страны.

3.3 Институционализация формирования региональных политических элит (на примере республик Северного Кавказа)

Одним из ключевых моментов в исследовании политических и социальных процессов, происходящих в настоящее время в субъектах Российской Федерации, является проблема институционализации региональных политических элит. Элиты влияют на принятие стратегически важных решений в регионе, являются доминирующим актором регионального политического процесса. Осмысление специфики политического процесса невозможно без изучения основных показателей состояния политической элиты.

В контексте общероссийских политических реалий, тенденций элитогенеза отмечаются выраженные региональные особенности, вызванные социально-экономическими, историко-культурными, социоментальными и др. факторами. Политическая аналитика, применяемая к современному элитологическому процессу Северо-Кавказского федерального округа, предусматривает соотнесение детерминации и институционализации региональных элит со структурированием историко-культурных, общественно-политических и политико-управленческих процессов. В СКФО очевидна высокая зависимость становления и функционирования региональных элит от объективной и субъективной динамики этнополитического процесса. Особыми факторами, которые существенно влияют на ре-

гиональный элитогенез, выступают отождествление этничности и социальных негативов, проявления терроризма и национально-религиозного экстремизма, деструктивные религиозные учения, а также «надэтнические» криминальные конфликты, проявления коррупции, конкуренция между этническими группами в ходе осуществления реформы МСУ, в сфере сельского хозяйства, торговли, услуг и т.д.¹ В связи с этим элиты СКФО вынуждены и призваны осуществлять политико-властно-идеологическое позиционирование на разных уровнях меж- и внутрирегиональных противоречий, не только социально-экономической и общественно-политической природы, но и этнополитической, этносоциальной, этноконфессиональной. Регион имеет отчетливые черты традиционного общества, в котором этническая идентичность как феномен и институт занимает существенное место в комплексе общественных отношений.

Одним из актуальных вопросов является проблема институционализации формирования региональных политических элит СКФО. В этнонациональных субъектах РФ социальные и политические процессы имеют двойное измерение, двойные мировоззренческие и исследовательские стандарты. Политическая структура национальных республик России на современном этапе стала приобретать партийно-политическую окраску. Она складывается из взаимодействия управленческой элиты, организованной через административно-бюрократический аппарат, хорошо организованных через банковскую, финансовую

¹ Аствацатурова М.А., Чекменев Д.С. Методология и контент элитологического дискурса в контексте региональной общественно-политической конъюнктуры // Философия элитологии. Сб. трудов Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием/науч. ред. А.М. Старостин. — Ростов н/Д, 2013. — Т. 3. — С. 248-256.

систему и предпринимательство групп давления и пока еще слабо политически организованного населения. В ракурсе этого взаимодействия состоят, с одной стороны, возможности административного давления элит на общественное мнение и политический выбор населения, а, с другой — слабая социальная база политического и социально-экономического реформирования в регионах. Накануне выборов в органы государственной власти административно-бюрократическая элита практически всех субъектов РФ максимально использует возможности региональных бюджетов и обещает населению повышение жизненного уровня. Оппозиция, критикуя социальный и политический курс властной элиты, не является, по сути, реальной контрэлитой, способной заменить правящие круги или хотя бы оказать на них заметное давление. В начале предвыборной кампании любого уровня низкий жизненный уровень населения служит для власти, своего рода, социальной планкой, которую можно повысить путем бюджетных вливаний, к примеру, выдавая пенсии и социальные пособия накануне голосования. Механизм манипулирования общественным мнением в субъектах России давно отработан и апробирован путем целенаправленного и дозированного бюджетного ассигнования в социальную сферу. Электоральный выбор населения формируется из совокупности индивидуальных намерений, знаний, предпочтений, особенностей политической культуры и той информации и ограничений, которые создаются политическими элитами.

При рассмотрении социальных характеристик представителей депутатского корпуса законодательных собраний первого созыва республик СКФО становится очевидным, что в середине 1990-х гг. руководители крупных торговых и производственных предприятий численно преобладали

в органах законодательной власти практически всех регионов. Доля работников сферы образования (преимущественно руководителей региональных вузов) не превышала 6-8%, здравоохранения — 4-6%.¹ Сотрудники СМИ были представлены в парламентах республик весьма слабо. В Республике Дагестан активность национальных движений позволила некоторым их представителям пройти в состав парламента первого созыва.

В составе парламентов республик Северного Кавказа второго созыва также наблюдались высокие показатели представителей «директората», депутатов прежнего созыва и глав администраций. Вместе с тем, в законодательных собраниях Кабардино-Балкарии, Дагестана и Ингушетии увеличилось количество депутатов, вышедших из органов исполнительной власти республик.

В законодательных органах власти республик СКФО третьего созыва мы также наблюдаем значительное количество руководителей крупных предприятий. Кроме того, региональные парламенты все больше становятся профессиональными (об этом свидетельствует большой процент депутатов, сохранивших свои мандаты с предыдущих созывов законодательных собраний). Сотрудники СМИ традиционно представлены слабо. Руководители национальных и религиозных организаций, в среднем, составляют менее 1%. Первая категория, вероятно, в силу того, что политические элиты достигли определенного консенсуса по проблеме национального представительства. Вторая категория (духовенство) предпочла не прямое участие в

¹Усова Ю. В., Койбаев Б. Г. Институционализация политических элит в национальных республиках // Международный научный проект «The political elites of the North Caucasus: research and challenges (the second stage of research)» [коллективная монография (второй этап «Северный Кавказ: властная элита и политическая жизнь»)]/под ред. Т. Бодио. — Warszawa: OFI, 2014. — Том IX. — Часть I. — Гл. II. — С. 62.

политической жизни республик.

Значимая роль в качестве каналов рекрутирования региональных политических элит принадлежала государственным органам власти, включая правительство республик и администрацию президента, местные администрации районов и городов. Например, пять депутатов Народного Собрания Ингушетии ранее работали в республиканской администрации и правительстве. В силу законодательного запрета на избрание в народное собрание РД, главы местных администраций в выборах 2003 г. не участвовали, вместе с тем, в парламент республики прошли три заместителя глав органов местного самоуправления Дагестана.

Анализ социальных характеристик представителей политических элит республик СКФО в законодательных собраниях четвертого созыва позволяет говорить о том, что подтверждаются тенденции, обозначившиеся в 1990-х гг.: рост доли «директората» и представителей государственных органов власти, появление «профессиональных депутатов», сохранивших свои мандаты со времен прежних созывов парламентов. При этом увеличение числа руководителей предприятий, организаций, колхозов, совхозов происходило за счет снижения участия рядовых граждан.

Проанализируем качественный состав депутатского корпуса республик СКФО. В Народном Собрании (Парламенте) Карачаево-Черкесии IV созыва, избранном в 2009 г., было представлено семьдесят два депутата. Качественный анализ состава политической элиты КЧР показывает, что парламент на 88% сформирован из депутатов-мужчин (шестьдесят четыре депутата) и на 12% из депутатов-женщин (девять депутатов). Три представителя законодательной власти — моложе 30 лет и столько же депутатов старше 60 лет. В возрастной группе 30-39 лет

— двадцать три народных избранника (32%), 40-49 лет — двадцать четыре депутата (33%), 50-59 лет — двадцать депутатов (27%). Шестьдесят восемь человек имеют высшее образование, двенадцать из них являются докторами и кандидатами наук, а один — член-корреспондент РАН. Сфера образования и культуры представлена тринадцатью депутатами — (17%). Двадцать семь народных представителей (36%) работали в парламенте третьего созыва, двадцать шесть депутатов (35%) — представители малого и среднего бизнеса и руководители промышленных предприятий.¹

Принятые в начале 2000-х гг. законодательные изменения, повышающие роль центральных партий на региональных выборах, существенным образом отразились на порядке организации законодательной власти республик Северного Кавказа. Практически все региональные парламенты первого и второго созыва были сформированы при незначительном участии политических партий, вместе с тем, избирательные объединения имели право и возможность выдвигать своих кандидатов. Например, четырнадцать из семидесяти трех депутатов Народного Собрания КЧР первого созыва были выдвинуты от избирательного объединения «КПКЧР» и один — от «Аграрного союза КЧР».

В Республике Дагестан от избирательных объединений «КПРФ» и «За единство и справедливость» было выдвинуто тридцать восемь кандидатов (из общего числа зарегистрированных 496 кандидатов). В Карачаево-Черкесии в предвыборной кампании 1999 г. принимали участие представители блока «Русского народа и казачества», регионального отделения общероссийской общественно-политической организации «Отечество», КПКЧР и «Аграрной партии Рос-

¹ Официальный сайт Народного Собрания (Парламента) КЧР <http://parlament09.ru/>.

сии».¹

Выборы в законодательные органы власти Кабардино-Балкарии и Ингушетии 2003 г. проходили по новым правилам. Согласно полученным результатам, уверенное лидерство продемонстрировала партия «Единая Россия». В КБР она получила 73,6% голосов избирателей и сорок четыре из пятидесяти пяти мандатов, распределяемых по спискам. Представители КПРФ и «Аграрной партии России» набрали около 7% голосов и также вошли в состав Парламента республики.²

На выборах в Народное Собрание Ингушетии третьего созыва 39,6% голосов избирателей и семь депутатских мандатов получила партия «Единая Россия». Три депутатских мандата — «Российская партия мира», одним из лидеров которой стал прежний Президент Ингушетии Р. Аушев и столько же — «Российская партия жизни». По два мандата — Народная партия и «Яблоко».³

Победу «Единой России» продемонстрировали также выборы в КЧР 14 марта 2004 г., где единороссы получили 55,69% голосов избирателей (двадцать четыре мандата); КПРФ — 15,57% (семь мандатов), «Истинные патриоты России» и ЛДПР набрали свыше 6% голосов и по три мандата.⁴ В Парламенте КЧР четвертого созыва были созданы четы-

¹ Выборы в органы государственной власти субъектов РФ. 1997-2000. Электоральная статистика. — Т. 2. — М., 2001. — С. 42, 75, 135.

² Бечелов И. Решения, принимаемые нами, должны обеспечить общественное согласие в республике // Кабардино-Балкарская правда. — 2006. — 19 января.

³ Кынев А.В. Региональные выборы 7 декабря 2003 г.: переход к смешанной избирательной системе проходит не просто // Публикации международного института гуманитарно-политических исследований <http://www.igpi.ru>

⁴ Независимый институт выборов <http://www.vibory.ru/elects/regzak>.

ре депутатские фракции: «Единая Россия» (пятьдесят пять депутатов), КПРФ (пять депутатов), «Справедливая Россия: Родина. Пенсионеры. Жизнь» (пять депутатов), «Патриоты России» (четыре депутата). Еще четыре депутата остались в Парламенте республики в статусе независимых.

В апреле 2014 г. состоялась 51 сессия Народного Собрания Карачаево-Черкесии, на которой был единогласно принят закон КЧР «О выборах депутатов Народного Собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики», в соответствии с которым избрание депутатов Народного Собрания (Парламента) КЧР предусмотрено только по партийным спискам.

Обозначившиеся тенденции проявились и на выборах 27 ноября 2005 г. в Парламент Чеченской Республики. Представители партии «Единая Россия», согласно итогам голосования, получили шестнадцать депутатских мандатов; по два места — КПРФ и СПС. При низкой явке рядовых избирателей и активном использовании выдвиженцами от властных структур республики административного ресурса, полученный результат был предсказуем. На выборах в парламент Чеченской Республики, прошедших 12 октября 2008 г. 7% барьер голосов, необходимый для прохождения в законодательный орган власти, преодолели только две партии: «Единая Россия» и «Справедливая Россия». Первая набрала около 88% голосов, вторая — чуть больше 9%. В итоге партия «Единая Россия» получила тридцать семь мандатов, «Справедливая Россия» — четыре места в республиканском парламенте.¹

В единый день голосования 8 сентября 2013 года состоялись выборы нового третьего состава Парламента Чеченской Республики. На сегодняшний день в парламенте,

¹ Официальный сайт Парламента Чеченской Республики: <http://www.parlamentchr.ru/>

который состоит из 41 депутата и 10 постоянно действующих комитетов, представлены 3 фракции: «Единая Россия» (37 мест), «Справедливая Россия» (3 места) и «Патриоты России» (1 место).¹ В результате деятельности высшего законодательного органа республики можно ожидать создание определенного, хотя и весьма ограниченного по своим возможностям, противовеса чеченской исполнительной власти; проявление политической активности, которая была существенно ограничена в ходе «управляемых» президентских выборов; демократическую эволюцию республиканской политической системы и завершение формирования в Чечне всех ветвей власти, свойственных классической демократии.

В марте 2008 г. состоялись выборы депутатов Народного Собрания Республики Ингушетия четвертого созыва. Состав законодательного собрания был сформирован на пропорциональной основе (по партийным спискам). По итогам выборов к распределению двадцати семи депутатских мандатов были допущены четыре избирательных объединения: партия «Единая Россия» — двадцать мандатов, ЛДПР — три места, КПРФ и партия «Справедливая Россия» — по два места. Результаты выборов были восприняты в республике неоднозначно. Определенная часть электората не признала легитимным состав Народного Собрания, объясняя свое решение тем, что Парламент Ингушетии не имел права на существование, поскольку был не избран, а сформирован по принципу «свой-чужой», согласованному братьями Зязиковыми. В указанный период в республике действовал представительный общественный орган Мехк-Кхел, который был создан, как альтернатива ингушскому Парламенту, окончательно потерявшему какой-либо авторитет.

Выборы депутатов парламента Ингушетии пятого созы-

¹ Там же.

ва проходили в республике 4 декабря 2011 г., одновременно с выборами в Госдуму РФ. «Единая Россия» получила двадцать два места в парламенте из возможных двадцати семи. На выборах Народного собрания 78,1% избирателей отдали свои голоса за «Единую Россию», 7,02% голосов получила «Справедливая Россия», у «Правого дела» — 5,01%, у КПРФ — 7,1%. Партии ЛДПР отдали предпочтение чуть больше 2% избирателей.¹

Парламент Кабардино-Балкарской Республики четвертого созыва (2009-2014 гг.) был избран 1 марта 2009 года в соответствии с Законом КБР «О выборах депутатов Парламента Кабардино-Балкарской Республики». В состав высшего законодательного органа республики входили 72 депутата, 18 из которых работали на профессиональной постоянной основе. Каждый пятый представитель депутатского корпуса имел ученую степень, при этом, сфера образования и культуры была представлена лишь шестью депутатами. Традиционно преобладали руководители производства и сферы бизнеса (25%); представители государственных органов власти (24%).²

Парламент Кабардино-Балкарской Республики пятого созыва (2014-2019 гг.) избран 14 сентября 2014 г. К распределению депутатских мандатов было допущено пять партий. В соответствии с числом голосов избирателей, поданных за каждый список кандидатов, мандаты распределились следующим образом: Кабардино-Балкарское региональное отделение партии «Единая Россия» получило 50 мандатов; региональные отделения партии «Справедливая Россия» Кабардино-Балкарии и коммунистической партии — по 8 мандатов; Кабардино-Балкарское реги-

¹ Официальный сайт Народного Собрания Республики Ингушетия: <http://www.parlamentri.ru/>

² Официальный сайт Парламента КБР. <http://www.parlament-kbr.ru/>

ональное отделение ЛДПР и Российская экологическая партия «Зеленые» в КБР — по 2 мандата.¹ Основным кадровым резервом в списке «Единой России» предсказуемо стали республиканские чиновники, при этом фракция существенно обновилась за счет людей, рекрутированных в депутаты из работников бюджетной сферы — педагогов, врачей, деятелей культуры. Представителей бизнеса в списке «Единой России» оказалось непропорционально мало — около 10 мест.

Действующий высший законодательный орган республики состоит из 70 представителей, причем 18 депутатов работают на постоянной профессиональной основе; впервые избраны — 45. Средний возраст парламентариев составляет 51 год, тогда как в предыдущем составе он составлял 55 лет. Шестеро депутатов — в возрасте до 35 лет, ранее эта возрастная категория не была представлена вообще. Выросло и представительство женщин-депутатов. Теперь их одиннадцать, вместо девяти в прошлом созыве. Впервые высший законодательный орган республики возглавила женщина — представитель фракции «Единая Россия». Национальный состав, в целом, пропорционален общей структуре кабардино-балкарского общества: 52,8% депутатов — кабардинцы, 18,6% — балкарцы, 24,3% — русские и 4,3% — представители других национальностей.²

При исследовании политических процессов, происходящих в Республике Дагестан, необходимо учитывать клановую структуру дагестанского общества. Основной особенностью парламента (Народного собрания) республики является прямое представительство в законодательном органе власти наиболее влиятельных семей

¹ Там же.

² Там же.

и элитных групп, что приводит к относительно слабой управляемости депутатского корпуса, особенно со стороны местной исполнительной власти. В Народном собрании четвертого созыва, избранном в марте 2007 г. по партийным спискам, были представлены депутаты от четырех партий: «Единая Россия» (пятьдесят четыре мандата), «Справедливая Россия» (восемь мандатов), КПРФ и «Патриоты России» — по пять депутатских мест.¹ Но политического единства фракции не образовали. Региональное отделение партии «Единая Россия» включало в себя различных представителей дагестанского политического спектра. Большую роль сыграла совершенно сознательная политика правящей элиты республики. В 2007 г. выборы в Народное собрание впервые прошли без национального квотирования и список «Единой России» составлялся так, чтобы в парламенте были соблюдены принципы национального паритета. «Единая Россия» в итоге получила 89,19% голосов, и национальный паритет в парламенте соблюсти удалось.²

Особенности становления политической элиты в Дагестане имеют ряд специфических черт. Партийно-номенклатурная элита республики использовала имеющиеся государственные ресурсы в борьбе за власть с формальными и неформальными авторитетами из числа государственных деятелей, крупных бизнесменов и лидеров различных национальных движений. Влияние же законодательного органа власти Дагестана сведено к минимуму, хотя он обладает весьма существенными полномочиями: именно парламент утверждает на своих постах руководителя республики, премьер-министра, его кабинет. Законодатели могут устраивать слушания по любо-

¹ Северный Кавказ. — 2007. — 27 марта.

² Лик нового дагестанского парламента: <http://daginsure.ru/>

му актуальному для региона вопросу. Конструирование парламента, кроме прочего, способствовало появлению нескольких оппозиционно настроенных против бывшего президента знаковых фигур республиканской управленческой элиты в лице мэра Дербента (неформального лидера юга Дагестана) и бывшего прокурора республики. И первый, и второй открыто и публично выказывали недовольство методами формирования партийного списка.¹

В последние годы в республике заметно возросло количество лиц, стремящихся во власть. Так, на выборах 2010 года на семь тысяч мандатов в местные органы самоуправления было зарегистрировано свыше четырнадцати тысяч кандидатов. В мартовских выборах в парламент пятого созыва РД 2011 г. на девяносто депутатских мест претендовали одна тысяча восемьдесят три кандидата, в среднем по двенадцать человек на место. Депутатский корпус во второй раз был сформирован по партийной системе. В выборах участвовали шесть региональных отделений политических партий. Партия «Единая Россия» стала лидером на выборах депутатов парламента Дагестана пятого созыва. Согласно окончательным цифрам ЦИК РФ, партия власти набрала 65,21% голосов и получила шестьдесят два места в Народном собрании. На втором месте «Справедливая Россия» — 13,68% голосов и тринадцать мандатов в республиканском парламенте. Следом идут «Патриоты России» — 8,39% и восемь мест; КПРФ — 7,27% и шесть мест, а также партия «Правое дело» — 5,09% и одно место. Дагестанское отделение партии «Яблоко» само не изъявило желанья участвовать в выборном процессе. В Народное Собрание пятого созыва вошли тридцать шесть депутатов парламента предыдущего созыва.²

¹ Там же.

² Официальный сайт Народного Собрания РД: <http://www.nsrд.ru/>

Депутатский корпус представлен, в основном, мужчинами: третий созыв Народного собрания имел в своем составе шесть женщин, четвертый — пять, пятый — только три. Понижилась возрастная планка: самому молодому депутату от «Единой России» — 24 года. Все законодатели последнего и прошлых созывов, имеют дипломы о высшем образовании. Отдельные молодые народные избранники могут с гордостью предъявить дипломы об окончании зарубежных вузов, в основном английских и американских, но большинство представителей этой возрастной категории учились в родном крае, в основном — в институте бизнеса и права. 20% депутатов являются юристами, экономическое образование имеет каждый третий. Подобным потенциалом не может похвастаться ни один парламент России.¹

В парламенте пятого созыва РД ярко выражены административно-родственные связи. В той или иной мере шестьдесят три народных избранника являются близкими и дальними родственниками высокопоставленных чиновников. Почти все депутаты — состоявшиеся бизнесмены, администраторы, члены того или иного клана, рода. Именно поэтому, как считают некоторые политологи, каждый из них в первую очередь защищает собственные узкомеркантильные интересы, стремится посредством представившихся возможностей расширить зоны собственного и кланового влияния.² Незрелая многопартийность при засилье в законодательных и управленческих структурах представителей прежней номенклатуры, равнодушие и безответственность многих чиновников, отсутствие сильной и уважаемой муниципальной власти, выход на политическую арену прежде незаметных марги-

¹ Там же.

² Новое Дело. — 2011. — 15 Апреля. — № 14 (1002)

нальных групп — все это, по мнению экспертов, осложняет в целом политическую ситуацию в республике.

Президент РФ рассмотрел возможность корректировки прямой электоральной процедуры для северокавказских республик в связи с угрозой политической и национальной дестабилизации на их территориях в случае всенародного голосования, а Госдума приняла в первом чтении соответствующий законопроект. Главы Ингушетии и Дагестана — Ю.Б. Евкуров и Р.Г. Абдулатипов были избраны региональными парламентами в ходе единого дня голосования 8 сентября 2013 г. Ингушский лидер получил двадцать пять из двадцати семи депутатских голосов при стопроцентной явке последних, глава Дагестана — восемьдесят шесть из восьмидесяти восьми голосов.¹ Как уже было отмечено, в РД не проводились прямые выборы главы региона. До 2004 года главу республики избирал парламент, затем назначал президент, а выборы в органы законодательной власти, как правило, сопровождались громкими скандалами.

Многочисленные социологические опросы показывают, что в настоящее время общие черты предвыборных кампаний в республиках СКФО таковы: неприкрытая коммерциализация, возникновение новых избирательных технологий, возрождение традиционных родственных связей, снижение общественного интереса к результатам голосования. Политические элиты превратили выборы в инструмент манипулирования общественным сознанием с целью реализации личных и корпоративных интересов. Поэтому говорить о политической культуре избирателей республик Северного Кавказа, в целом, трудно. Формирование высокого уровня политической культуры населения напрямую связано с повышением электоральной

¹ <http://www.aif.ru/politics/article/66715>

культуры государственных органов, осуществляющих выборы.

В республиканский Парламент РСО-Алания первого созыва — высший законодательный и представительный орган республики, по итогам голосования 1995 года, было избрано семьдесят три депутата, в их числе — всего одна женщина. Политические партии были представлены четырьмя членами АПР, тремя представителями от НДР, двумя от КПРФ, одним от ВКПБ. Шестьдесят три народных избранника не имели партийной принадлежности.¹

В профессиональном отношении среди депутатов Парламента РСО-А первого созыва были представлены: директора производственных и торговых предприятий, руководители банков — 31%, главы органов местного самоуправления — 13%, представители аграрного сектора (председатели колхозов и совхозов) — 8%.² Важнейшей особенностью парламента республики стало отсутствие в его составе рядовых «тружеников производства», в то время как количество руководителей предприятий увеличилось. Формирование законодательного органа власти на основе демократических процедур обусловило ожесточенную предвыборную борьбу, победу в которой могли одержать кандидаты, располагающие необходимыми ресурсами и заручившиеся массовой поддержкой электората.

В апреле 1999 г. в Парламент РСО-Алания второго созыва было избрано семьдесят пять депутатов, включая двух женщин. Впервые в законодательный орган власти республики было избрано сорок семь представителей, двадцать восемь человек являлись депутатами первого

¹ Усова Ю. В. Койбаев Б. Г. Политическая элита Северной Осетии: трансформация в постсоветский период. — Владикавказ, 2009. — С. 125.

² Там же. — С. 125.

созыва парламента. Кроме того, главы администраций районов и городов республики составляли значительную долю народных избранников в законодательном собрании РСО-А второго созыва (около 12%).¹

На выборах в Парламент РСО-А второго созыва своих кандидатов выдвигали избирательные блоки «Северо-Осетинская республиканская организация КПРФ» и «Северо-Осетинская республиканская организация ЛДПР». Внутри парламента сформировалось несколько депутатских объединений: «Коммунисты Осетии», «За достойное будущее», «Строитель», «Отечество», «Единство». Вместе с тем, роль партий в формировании и функционировании законодательного органа Северной Осетии оставалась незначительной.²

Выборы в Парламент РСО-Алания третьего созыва, состоявшиеся в 2003 году, еще четче обозначили сложившиеся, в целом, в Северо-Кавказском регионе тенденции. В ходе двух туров избирательной кампании было избрано шестьдесят восемь депутатов, из них одна женщина. Впервые в депутатский корпус Парламента были избраны двадцать девять человек, тридцать шесть представителей входили в состав законодательного органа РСО-А второго созыва. Значительная часть депутатских мандатов пришлось на «директорат» крупных предприятий — 36%, работники образования составили 6%, специалисты в области сельского хозяйства — 5%.³

Уровень образования республиканской политической элиты в указанный период был достаточно высок. В составе депутатского корпуса третьего созыва увеличилось количество депутатов с экономическим и юридиче-

¹ Там же. — С. 126.

² Усова Ю. В., Койбаев Б. Г. Указ. соч. — С. 123.

³ Там же. — С. 126.

ским образованием. Некоторые представители политической элиты республики имели второе высшее образование или ученую степень. Ученая степень кандидата или доктора наук сегодня также является важным элементом имиджа любого политика как регионального, так и федерального уровня и служит своеобразным показателем его квалификации.

Преобладающее количество представителей политической элиты республики принадлежало к возрастной категории от 40 до 60 лет. Численность представителей депутатского корпуса старшего и младшего поколения составляла незначительное количество, что характерно для большинства региональных legislatures РФ в указанный период.

Анализ качественных изменений состава депутатского корпуса в Республике Северная Осетия-Алания позволяет отметить специфические черты каждого из них и определить реальную внутреннюю трансформацию политической элиты республики. В Парламенте РСО-А первого созыва, как и во всех органах представительной власти республик СКФО, наметился рост доли руководителей предприятий, организаций за счет снижения участия рядовых граждан. Это изменение было естественным и неизбежным следствием смены политического режима. Выборы в региональные органы законодательной власти второго созыва выявили преобладающее количество депутатов предыдущего созыва, которые наряду с «директоратом» и главами районных и городских администраций, составили костяк в новом составе парламента. То, что большая часть парламентариев сохранила свои позиции в законодательных собраниях, свидетельствует, с одной стороны, об ослаблении ротации депутатского корпуса, с другой, о стабилизации политического режи-

ма. Парламент РСО-Алания третьего созыва стал мощным каналом рекрутирования в систему исполнительной власти республики, своеобразным институциональным каналом прохождения в исполнительную власть и органы местного самоуправления.

Принятый в 2002 г. Федеральный закон о гарантиях избирательных прав граждан содержал требование, согласно которому половина депутатов парламента субъекта РФ должна избираться по партийным спискам, причем в выборах могут принимать участие только региональные отделения центральных политических партий. По результатам выборов в Парламент РСО-А третьего созыва кандидаты от партии «Единая Россия» получили двадцать депутатских мандатов из шестидесяти восьми возможных. На втором месте расположились представители «Аграрной партии России», получившие двенадцать мест. К 2006 году в Парламенте Северной Осетии сформировалась мощная фракция «единоросов», насчитывающая тридцать пять депутатов. Выдвиженцы от «Российской партии жизни» составили вторую по численности фракцию (восемь депутатов).¹ В октябре 2006 года на внеочередном съезде политической партии «Родина» было объявлено о слиянии трех партий: «Родины», «Российской партии жизни» и «Партии пенсионеров» в единый блок «Справедливая Россия». Возросла роль политических партий в функционировании парламента республики, что способствовало появлению среди депутатов политиков-профессионалов, представляющих интересы определенных социальных групп.

В ноябре 2006 года на очередном заседании Парламента РСО-А третьего созыва был принят новый закон о выборах депутатов парламента. Среди кардинальных но-

¹ Там же. — С. 130.

вовведений — увеличение срока полномочий депутатов до пяти лет, а также сокращение количественного состава депутатского корпуса до семидесяти депутатов (вместо семидесяти пяти, как было ранее). Причем, половина установленного числа должна избираться в соответствии с Федеральным законом о выборах пропорционально числу голосов, поданных за списки кандидатов в депутаты, выдвинутых политическими партиями и избирательными объединениями. Усиление роли центральных партий в региональных выборах должно было постепенно привести к замене ключевых каналов рекрутирования политической элиты республики, которыми до недавнего времени были «директорат» и органы государственного управления.

Главной интригой парламентских выборов, состоявшихся 2 декабря 2007 года в РСО-А, было голосование по пропорциональной и мажоритарной системам. Представители от «Единой России» получили двадцать пять мест в Парламенте, «КПРФ» — шесть депутатских мандатов, и «Справедливая Россия» — четыре мандата. Северная Осетия в этом смысле выглядела политически более «зрелой», чем некоторые соседние регионы, где за партию власти было отдано до 99% голосов избирателей.¹ Однако большинство населения в своем выборе руководствовалось не рациональными доводами — программой или лозунгами партии, а симпатией или антипатией к ее лидеру. Чем более «раскручена» фигура лидера, тем больше внимания привлекает партия. Не следует забывать, что выдвинутцы от партий были представлены по одномандатным округам и стали решающей резервной силой в доминировании «единороссов». Партия власти получила, так называемое, конституционное большин-

¹ Северная Осетия. — 2007. — 15 декабря.

ство в Парламенте РСО-Алания четвертого созыва, которое теоретически давало право вносить изменения в Конституцию республики. В результате упростился процесс законодательного обеспечения проводимой политики, стройность вертикали власти и её управляемость. А на практике это означало принятие любого закона, предложенного фракцией «единороссов». Таким образом, Парламент РСО-А четвертого созыва состоял из семидесяти представителей: по тридцать пять депутатских мест получили выдвиженцы от партий и депутаты, избранные на мажоритарной основе. В составе предыдущего Парламента работали двадцать четыре человека.¹

Проанализируем социальные характеристики представителей политической элиты республики в Парламенте РСО-Алания четвертого созыва. Большинство депутатов (более 50%) принадлежало к возрастной категории от 40 до 60 лет. Доля молодых людей (от 20 до 30 лет) — составляла около 15%. По профессиональному составу, как и в большинстве регионов СКФО, доминировал «директорский» корпус. Вхождение в состав политических элит представителей бизнеса и значительный рост политического влияния бизнеса на региональном уровне является наиболее существенной тенденцией трансформации современных региональных политических элит. Согласно проведенным исследованиям, данная тенденция характерна, в целом, для большинства регионов России. Наиболее распространенные формы участия бизнеса в региональной политике можно разделить на две категории:

- избрание представителей бизнес-элиты в качестве руководителей исполнительной власти регионов;
- вхождение представителей бизнес-элиты в состав региональных legislатур, а также в Совет Федерации ФС

¹ Там же.

РФ в качестве представителей регионов.

Представительство интеллектуальной элиты в лице ректоров, проректоров и президентов ВУЗов в составе Парламента РСО-А четвертого созыва оставалось незначительным. Степень политического влияния руководителей высших учебных заведений обусловлена рядом объективных факторов. Высшее образование стало, в значительной степени, платным, что позволяет ректорам ВУЗов концентрировать в своих руках значительные денежные средства и часть их направлять на собственное политическое продвижение. Немаловажным является и тот факт, что каждый руководитель учебного заведения в период избирательной кампании может мобилизовать многочисленную группу электората в лице студентов, которые становятся важной политической силой. Что касается преподавателей ВУЗов, то их возможность оказывать влияние на принятие политических решений во всех регионах СКФО, включая Северную Осетию, остается на крайне низком уровне.

Следует особо отметить, что в составе законодательных органов РСО-Алания третьего и четвертого созывов, не оказалось рядовых представителей творческой интеллигенции, системы образования и здравоохранения, если не считать нескольких руководителей лечебных и учебных учреждений. Таким образом, научная и культурная среда, здравоохранение, СМИ, общественные и профессиональные организации в качестве каналов рекрутирования региональных политических элит большой роли не играют.

При исследовании особенностей формирования политических элит в Северо-Кавказском регионе большое значение имеет гендерный аспект. Практически все этнократические элиты Северного Кавказа являются мужскими

по своему составу (андроцентристскими). Традиционная психология кавказских народов исторически не позволяла женщинам участвовать в политической жизни общества наравне с мужчинами. Немногочисленные примеры участия женщин в политике, как правило, связаны с их выходом за пределы регионального политического пространства.¹ Что касается Парламента РСО-Алания четвертого созыва, то среди семидесяти депутатов было всего шесть женщин (4% состава). Однако это в несколько раз превышает прежние показатели. Например, в состав Парламента РСО-А третьего созыва была избрана всего одна женщина, в то время как на всех уровнях провозглашалась необходимость равноправия, в том числе, избирательного. Интересен тот факт, что по одномандатным округам в Парламент РСО-А четвертого созыва тоже прошла одна женщина. Поэтому первый успех перехода к формированию парламента на партийной основе для женщин очевиден.²

В национально-территориальных образованиях, в частности, в республиках Северного Кавказа, становление политической элиты, как особого социального слоя, имеет еще одну характерную особенность. Курс на «коренизацию» местного государственного аппарата, то есть его формирование из представителей «титულных» национальностей, продолжает играть большую роль. В период существования СССР политическая система блокировала возможность объединения населения по этническим интересам. Этнические позиции в социальной структуре существовали, но оказывались «замороженными». Проявление каких-либо этнических отношений, как группо-

¹ См. Новиченко А.И. Региональные этнократические элиты: тенденции формирования и специфика политической деятельности (на примере ЮФО) // Дис... кандидата полит. н. — Ростов-на-Дону, 2009.

² Северная Осетия. — 2007. — 14 декабря. 23/111

вых, допускалось лишь по вертикали, по отношению к центру, а не по горизонтали. Поэтому иерархия этносов существовала и проявлялась в форме политико-юридических статусов народов (реализация титульного этноса в форме союзной республики, автономной республики и т.д.). Она, бесспорно, проецировалась на характер горизонтальных межэтнических отношений. Однако не ими формировались эти отношения, не они продуцировали иерархию этносов. Распад СССР дал толчок развитию множества социальных процессов, к числу которых можно отнести межэтническую конкуренцию. Особенно ярко этот процесс проявился на Северном Кавказе. Он определил вектор политического развития региона последнего десятилетия — этнизацию государственности. По всему комплексу проблем межнациональных отношений до настоящего времени существует острое противостояние позиций внутри российской политической элиты, поскольку они непосредственно затрагивают главный вопрос российской государственности — сущность федерализма.¹ События 1990-х гг. прошлого века привели к тому, что теперь иерархичность выстраивалась «изнутри», исходила не от «центра», а задавалась аскриптивными характеристиками этносов (численность, территория, автохтонность), которые определяли место этноса в социальной иерархии полиэтнического общества.

По расчетам экспертов за последнее десятилетие произошло существенное изменение соотношений основных этнических групп в Северо-Кавказском регионе.

Таблица. Отток русскоязычного населения в республиках СКФО

¹ Гаркуша Е.В. Этнократические региональные элиты // Элитологические исследования. Ежегодник 2005/Под ред. А.В. Понеделкова, А.М. Старостина. — Р н/Д., 2005. — С. 237.

в 2002-2010 гг.¹

Субъект Федерации	2002 г.			2010 г.		
	Численность населения	Кол-во русских	% от всего населения	Численность населения	Кол-во русских	% от всего населения
РД	2576531	120875	4,6	2910249	104020	3,6
РИ	467294	5559	1,2	412529	3215	0,8
КБР	901494	226620	25,1	859939	193155	22,5
КЧР	439470	147878	33,6	477859	150025	31,3
РСО-А	710275	164734	23,1	712980	147090	20,6
ЧР	1103686	40645	3,7	1268989	24382	1,9

В последние годы обозначилась новая тенденция — отток русского населения из некоторых районов Ставропольского края. Сегодня прекращение этих процессов является стратегической задачей. Русскоязычное население для Северо-Кавказского федерального округа не только важнейший фактор стабилизации этнополитической ситуации, но и источник высококвалифицированных кадров, необходимых для обеспечения устойчивого развития этого региона и достижения его инвестиционной привлекательности. Меры, предпринимаемые в республиках СКФО и программы по возвращению русскоязычного населения в эти регионы, пока не дали ощутимого результата. К примеру, за время существования программы (более 10 лет) в Республику Ингушетия не вернулось ни одного человека.² В Северной Осетии происходят аналогичные процессы. За последние годы наблюдается активный приток в РСО-Алания осетин из Грузии, республик Средней Азии и Казахстана. Русскоязычное население, напротив, покидает республику.

Учитывая вышеизложенное, можно согласиться с ведущими исследователями ростовской элитологической школы, которые обозначают политические элиты республик

¹ АИФ-Северный Кавказ. — 2012. — № 15.

² Проблемы СКФО и Александр Хлопонин: <http://www.1kmv.ru/blog/politic/562.html> 22.08.2010.

Северного Кавказа, как этнократические. Данный фактор выступает основным элитаобразующим вектором в республиках СКФО.

Проанализируем национальный состав Парламента РСО-Алания четвертого созыва, который, как и большинство законодательных собраний республик Северного Кавказа, не претерпел значительных изменений на протяжении всего периода существования РФ. «Титульная» нация республики составляет в нем около 90%, а возможности политического участия представителей других национальностей, проживающих в РСО-Алания, весьма ограничены. Будучи в меньшинстве, они даже не могут выдвинуть и провести в парламент своего кандидата и оказывают незначительное влияние на принятие важных политических решений. Можно отметить, что политические элиты республик СКФО отличаются своей этнической однородностью. На Северном Кавказе представители «нетитульных» национальностей в высшем правящем слое составляют менее 10%. Этническое представительство относительно соразмерно только на среднем уровне административных элит. В шестнадцати из двадцати одной национальных республик РФ высшие должностные лица — это представители «титульных» этносов. В итоге складывается этнократия, которая является характерной чертой для южных регионов России и имеет вполне объективные основания и значительное воздействие на региональный элитогенез. Разрастаясь и набирая силу, этнократические тенденции препятствуют развитию демократических процессов, поскольку интересы других социальных слоев существенно ограничиваются.

На этом фоне представляются логичными идеи деэтизации властных отношений, преодоления коррупции и клановости на путях совершенствования кадровой политики Кремля, т.е. создания системы воспитания, подбора и

расстановки кадров, обладающих соответствующими личными и деловыми качествами.

14 октября 2012 г. в РСО-Алания прошли выборы в законодательное собрание республики пятого созыва. Они стали первыми с момента изменения законодательства о политических партиях, при этом участие в выборах приняли не шесть партий, как было ранее, а девятнадцать политических объединений. Такая либерализация законодательства, несомненно, в целом повысила уровень демократизации общества, но, в то же время, и усложнила процедуру голосования. На усложнении процедуры сказалось и то, что состав депутатов парламента РСО-А уже второй раз формируется двумя путями: по партийным спискам в едином общереспубликанском округе и из кандидатов в одномандатных округах.

По итогам парламентских выборов в высший законодательный орган республики вошли представители четырех партий. В указанный период РСО-Алания оказалась единственным регионом РФ, где «Единая Россия» ухудшила свой результат. Если на думских выборах в 2011 г. партия власти набрала в республике 67,9%, то на выборах в законодательное собрание пятого созыва ее результат оказался ниже и составил 64,3% голосов избирателей. Занявшие же второе место «Патриоты России», напротив, кардинально улучшили свой результат — с 0,35% на думских выборах до 20% на выборах в региональный парламент. «Патриотам» удалось обойти КПРФ и «Справедливую Россию», набравших по 7,1% голосов.¹ Таким образом, «Единая Россия» получила сорок четыре мандата из семидесяти возможных, шестнадцать мандатов у представителей регионального отделения партии «Патриоты России». Коммунисты и эсеры получили по

¹ Северная Осетия. — 2012. — 16 ноября.

пять депутатских мест.

По сути, 20% голосов избирателей, набранных «Патриотами России», отдано не партии, а лидеру списка, оппозиционеру, экс-депутату Госдумы РФ, олимпийскому чемпиону А. Фадзаеву. На региональных выборах по-прежнему личности продолжают играть большую роль. Позитивным аспектом является тот факт, что в республиканском парламенте пятого созыва присутствует оппозиционная сила, представляющая те слои населения, которые не всегда и не во всем согласны с политикой «Единой России». Вместе с тем, расстановка политических сил в Северной Осетии не претерпела существенных изменений. В новом составе парламента, как и в предыдущем, доминирует партия власти. Даже в союзе с коммунистами и эсерами «Патриоты России» остаются в меньшинстве.

Качественный анализ состава депутатского корпуса РСО-Алания пятого созыва позволяет говорить о том, что подтверждаются некоторые тенденции, обозначившиеся в предыдущие годы, а именно, преобладание доли «директората» и представителей бизнеса. Представителей прежних созывов Парламента — двадцать восемь человек. Количество женщин в законодательном собрании пятого созыва увеличилось до восьми человек. Что касается возрастного состава, то большинство депутатов принадлежат к возрастной категории от 40 до 60 лет. Численность представителей старшего и младшего поколения не столь значительна (самому молодому народному избраннику — 26 лет, а самому старшему — 77). Современные условия отличаются от тех, в которых работал Парламент РСО-А четвертого созыва: это и жёсткая избирательная кампания, и новые вызовы, и необходимость отвечать на запросы быстро меняющегося общества. Но и в этих обстоятельствах все фракции должны ответственно и профессионально

принимать оперативные решения, направленные на стабилизацию ситуации в республике.

Таким образом, в результате проведенного исследования был проанализирован состав законодательных собраний республик СКФО по следующим основным направлениям:

1) сфера деятельности представителей политической элиты (производство, торговля, образование, здравоохранение, сельское хозяйство, органы власти и местного самоуправления);

2) социальный статус и социальные характеристики;

3) политические ориентации (партийная принадлежность, участие в национальных или религиозных организациях).

Полученные результаты позволили сделать следующие выводы:

— основной элитообразующий вектор в республиках Северного Кавказа — формирование и циркуляция политических элит по этническому, родственному и клановому признаку;

— состав региональных политических элит имеет андроцентристский характер, обусловленный особенностями традиционного уклада кавказских народов и влиянием религиозного фактора;

— в органах законодательной власти республик преобладают руководители производственных и торговых предприятий, госслужащие, выходцы из других институтов власти и управления, имеющие большой опыт управленческой работы и достаточные финансовые ресурсы для обеспечения победы на выборах;

— увеличилось количество «профессиональных» депутатов в составе органов законодательной власти, имеющих опыт парламентской работы и реальные возможности

для дальнейшего продвижения внутри системы государственных органов;

— продвижение по каналам бизнес-структур приобрело статус второго по значению (после административной карьеры) пути в органы законодательной власти республик и является свидетельством формирования тенденции горизонтальной проницаемости каналов рекрутирования элит на региональном уровне;

— повысилась роль законодательных собраний, как институционального канала прохождения в исполнительную власть и органы местного самоуправления;

— повысился удельный вес представителей политических партий в составе региональных элит, что связано как с организационно-политическим укреплением «Единой России» (именно доля представителей партии власти в партийном сегменте увеличилась заметнее всего), так и с усилением влияния политических институтов;

— повысился образовательный уровень представителей политических элит республик, при этом, роль системы образования, науки, культуры, здравоохранения, СМИ в качестве каналов рекрутирования региональных политических элит остается незначительной.

В результате экономических, социокультурных, профессиональных и иных различий между субъектами РФ невозможно выстроить единые для всех регионов схемы политического влияния, но основные тенденции динамики региональных политических элит выявить можно.

Проведенные исследования,¹ включая авторское, по

¹ Рудой В.В. Современные региональные элиты (социологический анализ) // материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием «Элитология России: современное состояние и перспективы развития» — Ростов-н/Д., 2013; Понделков А.В., Старостин А.М. и др. Региональные административно-политические элиты России: двадцать лет постсоветской эволюции (социологический анализ). — Ростов н/Д, 2012; Новикова О.С., Горбунов Ю.В. Ре-

казывают, что в качестве главных источников рекрутирования региональных элит выступают администрация регионального и федерального уровней, бизнес структуры и политические партии. Успешная политическая карьера в большинстве субъектов РФ обеспечивается принадлежностью и поддержкой со стороны групп влияния (фаворитизм, протекционизм, коррупция и т.п.), общностью политико-экономических интересов, родственными или земляческими связями патрон-клиентарными отношениями. В процессе трансформации структуры общероссийских элит отчетливо проявляется наиболее существенное различие между федеральными и региональными элитами — медленный процесс обновления региональных политических элит. Таким образом, результаты, полученные в ходе исследования, укладываются в общую картину трансформации региональных политических элит.

гиональные политические элиты России. — М., 2005; Зелетдинова Э. А., Ломов В. Н. Региональная элита в условиях трансформации вертикали власти // Социально-экономическая реальность и политическая власть. — М., 2004; Трофимова В. В. Политико-психологический анализ процесса рекрутирования политической элиты федерального уровня в современной России: диссертация... кандидата политических наук. — М., 2012; Кочетков В. В. Российская элита и модернизация политической системы. — М., 2013; Сидиков А. М. Российская политическая элита в современных условиях: автореферат дис. кандидата политических наук. — Ставрополь, 2012; Татарина Ю. Н. Современная российская политическая элита: имидж в электоральных предпочтениях: автореферат дис.... кандидата политических наук. — М., 2013; Пономаренко Н. А. Региональная политическая элита в условиях радикальной трансформации постсоветской России: на материалах Сибирского макрорегиона: автореферат дис.... кандидата политических наук. — Чита, 2012; Ханнин Д. И. Региональная политическая элита в условиях Забайкальского края: автореферат дис.... кандидата политических наук. — Чита, 2012; Мурланов С. П. Становление региональных политических элит XXI века: на примере Ленинградской области: автореферат дис.... кандидата политических наук. — СПб, 2013.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В политических процессах современной России элиты играют доминирующую роль, вырабатывают цели развития общества, обладают наивысшим статусом и авторитетом. В итоге происходит трансформация самих элит, характера политических отношений и институтов власти. В советский период существовала партийно-советская централизованная элита, которая допускала наличие баланса интересов «центра» и регионов в разделе ресурсов. Данная система характеризуется, как номенклатурная (по типу рекрутирования) и идеологизированная. Постсоветская система, сложившаяся в переходный период от декларированного федерализма советского типа к децентрализованной и асимметричной федерации, явилась следствием приватизации собственности и создания новых институтов власти. Реформы 1990-х годов привели к значительным изменениям социально-экономического и политического устройства России, произошли фундаментальные структурно-институциональные перемены. На федеральном и региональном уровнях на смену номенклатурным институтам власти пришли новые институты, не связанные с коммунистической партией и построенные на иных принципах. В постсоветский период правящий слой, находящийся на вершине иерархических структур, изменил свои качественные социальные характеристики. Новые обстоятельства и другая институциональная среда оказали существенное влияние на деятельность и ценностные ориентации элитных групп, их функционирование и встроенность в существующий, постоянно меняющийся институциональный порядок.

Анализ основных характеристик современных отечественных политических элит позволяет утверждать, что

процесс их формирования еще не завершился. Они не обладают относительной сплоченностью, целостностью и единством. У большинства элитных групп отсутствует широкая социальная база, усиливается тенденция к закрытости. Степень интегрированности российских политических элит в настоящий момент находится на достаточно низком уровне. Разнонаправленность процессов в «верхних» и «нижних» эшелонах властной пирамиды способна нивелировать все позитивные перемены. Для большинства субъектов РФ характерно: обособление и автономизация интересов политических элит от экономических, социальных и политических проблем региона; низкий модернизационный потенциал основных групп региональных элит; рост коррупционной составляющей, детерминированной ориентацией политических элит на потребление в качестве важнейшего критерия стратификации; неразвитость институтов гражданского общества; преемственность в осуществлении кадровых назначений по принципу клановости, родства, землячества, клиентелизма.

На основе вышеизложенного, можно предложить следующие рекомендации представителям современных политических элиты России и на федеральном и на региональном уровнях:

— перспективы развития политических элит включают в себя, прежде всего, увеличение «качественных» показателей, так как общие требования современного периода связаны с повышением качества управленческой компетентности, основанной на меритократических принципах информационного общества;

— приоритетным направлением должно стать тесное взаимодействие и федеральных и региональных политических элит на горизонтальном уровне по таким направлениям, как дальнейшая модернизация современной по-

литической системы, стабилизация социально-экономических связей, решение проблем миграции, обеспечение безопасности граждан, ликвидация угрозы экстремизма и терроризма, стабилизация межнациональных отношений. Не менее важной проблемой являются вопросы горизонтальной межрегиональной интеграции. Создание горизонтальных связей между регионами РФ, региональными органами власти позволит снизить накал политической напряженности в регионах. Эта необходимость должна осознаваться как на уровне федерального «центра», так и региональных элит;

— вопросы модернизации политической системы и политических институтов, сформулированные правящей элитой страны в качестве основных задач современной России, должны способствовать становлению и развитию новых механизмов взаимодействия различных групп политических элит, адекватному ответу на вызовы и реалии современных политических процессов;

— представители российских политических элит и на федеральном и на региональном уровне должны руководствоваться социоцентрическими мотивами, стремиться к выработке универсальных ценностей, норм, ориентаций общественного согласия, способствовать формированию здоровых сил в обществе и рекрутировать из них своих представителей. В этом есть залог сохранения России, как целостного государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алмонд, Г. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор/Алмонд Г., Пауэлл Дж, Стром К., Далтон Р. — М.: Аспект Пресс, 2002-537 с.
2. Амелин В.Н. Социология политики. — М.: Изд-во МГУ, 1992. — 183 с.
3. Андерсон, П. Размышления о западном марксизме/П. Андерсон. — М., 1990. — 240 с.
4. Антология мировой политической мысли Т.2/Руковод. проекта Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1997. — 657 с.
5. Аристотель. Афинская политика: государственное устройство афинян/Аристотель. — М., 2003. — 226 с.
6. Арон, Р. Эссе о свободах. Демократия и тоталитаризм/Р. Арон. — М., 2005. — С. 55-137.
7. Аствацатурова, М.А. Ресурсы и перспективы этнических элит в условиях политической модернизации // Элиты и будущее России: взгляд из регионов/Сборник материалов международной научно-практической конференции — Ростов-н/Д, 2007.
8. Афанасьев, М.Н. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. — М.; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. — 224 с.
9. Афанасьев, М.Н. Руководители регионов на парламентских выборах: смена ролей? // Регион как субъект политики и общественных отношений. — М.: МОНФ, 2000. — С. 78-82.
10. Афанасьев, М.Н. Клиентелизм и российская государственность/М.Н. Афанасьев — М: Центр конституционных исследований МОНФ, 1997. — 301 с.
11. Афанасьев, М.Н. Государство и номенклатура // Политические исследования. — 1996. — № 2. — С. 68-74.
12. Афанасьев, М.Н. Динамика конфликтов в правящих региональных группах // Власть. — 1997. — № 9. — С. 36-39.
13. Афанасьев, М.Н. Изменения в механизме функционирования правящих региональных элит/М.Н. Афанасьев // По-

- литические исследования. — 1994. — № 6. — С. 59-66.
14. Афанасьев, М.Н. Клиентела в России вчера и сегодня/М.Н. Афанасьев // Полис. 1994. — № 1. — С. 118-122.
15. Афанасьев, М.Н. Правящая элита, образ деятельности // Мировая экономика и международные отношения. — 1996. — № 4. — С. 30-51.
16. Ачкасова, В.А. Региональный политический ландшафт: столкновения интересов. — СПб.: СПб. ГУ, 2002. — 208 с.
17. Ашин, Г.К. Миф об элите и массовом обществе. — М., 1966. — 179 с.
18. Ашин, Г.К. Основы элитологии: курс лекций/Г.К. Ашин. Алматы: Хардвест, 1996.—228 с.
19. Ашин, Г.К. Правящая элита и общество/Г.К. Ашин // Свободная мысль. — 1993. — № 3. — С. 58-69.
20. Ашин, Г.К. Смена элит // Общественные науки и современность. — 1995. — № 1. — С. 40-51.
21. Ашин, Г.К. Современная буржуазная социология. — М., 1965. — 187 с.
22. Ашин, Г.К. Современные теории элиты/Г.К. Ашин — М, 1987. — 400 с.
23. Ашин, Г.К. Элитизм и демократия/Г.К. Ашин // ОНС. 1995. — №5. — С. 59-70.
24. Ашин, Г.К. Элитология в зеркале политической философии и политической социологии/Г.К. Ашин // Социально-политический журнал. —1998. — №6. — С. 54-68.
25. Ашин, Г.К. Элитология в системе общественных наук/Г.К. Ашин // ОНС. 2003. — №4. — С. 124-131.
26. Ашин, Г.К. Элиты как субъект модернизации // Модернизация и национальная культура. Материалы теоретического семинара. — М.: МОДЕРН, 1995.
27. Бадовский, Д.В. Трансформация политической элиты в России — от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти»/Д.В. Бадовский // Политические исследования. — 1994. — № 6. — С. 42-58.
28. Бадовский, Д. В., Шутов, А.Ю. Региональные элиты в постсоветской России: особенности политического уча-

- стия/Д.В. Бадовский, А.Ю. Шутов // Кентавр. — 1995. — № 6. — С. 3-23.
29. Баранов, А.В. Взаимодействие акторов региональных политических процессов в постсоветской России — М.: Социально-политическая мысль, 2007. — 191 с.
30. Баранов, А.В. Политические институты федерализма как фактор этнической конфликтности (на материалах Косова и Чечни) // Федерализм и российские регионы: Сб. материалов. — М.: ИНИОН РАН, 2006. — С. 78-94.
31. Баранов, А.В. Политическая регионалистика в современной России: ретроспектива и перспектива становления // Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990-2007). — М.: РАПН; РОССПЭН, 2008. — С. 105-125.
32. Баранов, А.В. Политико-культурные лакуны Юга России (сравнительный анализ) // Регионалистика и этнополитология/под ред. Р.Ф. Туровского. — М.: РАПН; РОССПЭН, 2008. — С.128-147.
33. Барзилов, С.И. Провинция: элита, номенклатура, интеллигенция/С. Барзилов, А. Чернышов // Свободная мысль. 1996. — №1. — С. 43-54.
34. Барзилов, С. И., Чернышев, А.Г. Политическая структура современной российской провинции/С.И. Барзилов, А.Г. Чернышев — М., 1997. — 31 с.
35. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1993.
36. Бердяев, Н.А. Философия неравенств. — М.: ИМА-пресс, 1990. — 386 с.
37. Березовский, Е.Б. Политическая элита российского общества на рубеже эпох/Е.Б. Березовский. М., 1999. — Ч.1. — 223 с.
38. Бёрнхэм, Дж. Менеджерская революция/Дж. Бёрнхэм. СПб.: Юридическая литература, 1993. — 324 с.
39. Бирюкова, Н.С. Социально-философский анализ концен-та «элита» в классических и постклассических теориях элитообразования // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал) — №4 (12). — 2012

// www.sisp.nkras.ru

40. Блау, П.М. Исследование формальных организаций/П.М. Блау // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. — М., 1970. — С. 93-105.

41. Борцов, А.С. Владимир Путин. — Ростов н/Д: Феникс, 2001. — 510 с.

42. Бурдые, П. Социология политики/П. Бурдые. — М., 1993. — 336 с.

43. Буренкова, Э.Э. Трансформации общества и внутренние характеристики элитных групп // Мир России. — 1995. — № 3. — Т. 4. Социология, этнология, культурология. — С. 3-24.

44. Бурлацкий, Ф. М., Галкин, А.А. Современный Левиафан/Ф.М. Бурлацкий, А. А. Галкин — М., 1985. — 448 с.

45. Буртин, Ю.Г. Новый строй: о номенклатурном капитализме. Статьи, диалоги, интервью/Ю.Г. Буртин — Харьков, 1995. — 191 с.

46. Быковский, А. В. Теневые политико-элитные группы в постсоветской России: типы и тенденции эволюции: автореферат дис... кандидата политических наук. — Уфа, 2012. — 17 с.

47. Бязров, А. В. Проблемы внутриэлитного взаимодействия в современном политическом процессе России: автореферат дис.... кандидата политических наук. — Краснодар, 2012. — 26 с.

48. Васильева, Л.Н. Элита или эрзац-элита: политическое будущее России // Общественные науки и современность. 2007. — № 1. — С. 91-102.

49. Вассерман, А. Медведев становится опасен для России // <http://www.iarex.ru/news/14460.html>.

50. Вебер, М. Избранные произведения/М. Вебер. М.: Прогресс, 1990. — 710 с.

51. Вебер, М. Политика как призвание и профессия/М. Вебер. — М., 1990. — 706 с.

52. Веблен, Т. Теория праздного класса/Т. Веблен. — М., 1984. — 367 с.

53. Восленский, М.С. Номенклатура. Господствующий класс

- Советского Союза/М.С. Восленский. М.: Захаров, 2005. — 640 с.
54. Гаман-Голутвина, О.В. Региональные элиты России в зеркале экспертного опроса // Власть. — 2004. — № 5. — С. 3-10.
55. Гаман-Голутвина, О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // Полис. — 2004. — № 2. — С. 6-19; № 3. — С. 22-32.
56. Гаман-Голутвина, О.В. Политические элиты России: Вехи истории эволюции/О.В. Гаман-Голутвина. — М., 1998. — 415 с.
57. Гаман-Голутвина, О.В. Региональные элиты современной России как субъекты политического процесса/О.В. Гаман-Голутвина // Вестник МГУ. Серия 18 — № 4. — 1995. — С. 22-30.
58. Гаман-Голутвина, О.В. Российские политические элиты: факторы эволюции/О.В. Гаман-Голутвина // Элитизм в России: «за» и «против». — Пермь.: 2002. — С.92-113.
59. Гаман-Голутвина, О. В. Элиты и общество в сравнительном измерении *Elites and Society in Comparative Perspective*: [сборник статей]/Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации, Фонд им. Фридриха Эберта (Германия), Российская ассоц. политической науки; под ред. О.В. Гаман-Голутвиной; [Г *Elites and Society in Comparative Perspective*. — Москва: РОССПЭН, 2011.
60. Гаман-Голутвина, О.В. Метафизика элитных трансформаций в России // Полис. — 2012. — № 4. — С. 23-40.
61. Гаркуша, Е.В. Этнократические региональные элиты // Элитологические исследования. Ежегодник 2005/Под ред. А.В. Понеделкова, А.М. Старостина. — Р н/Д., 2005. — С. 237-240.
62. Гаташов, В.В. Региональная правящая элита России: формы адаптации к новым реалиям // Известия вузов Сев.-Кав. Региона. Общественные науки. — Ростов н/Д, 1996. — № 2. — С. 80-81.
63. Гельман, В. Я. «Сообщество элит» и пределы демократизации: Нижегородская область // Полис. — 1999. — № 1. — С. 79-97.

64. Гельман, В.Я. По ту сторону Садового кольца: опыт политической регионалистики России // Полития. 2001-2002. №4. С.65-94.
65. Гельман, В.Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и пратикы // Полис. — 1998. — № 1. — С. 87-105.
66. Гельман, В.Я. Стратегии региональной идентичности и роль политических элит // Региональные процессы в современной России: экономика, политика, власть. — М.: ИНИОН РАН, 2002. — С. 30-50.
67. Гельман, В. Я., Тарусина, И. Г. Изучение политических элит России: проблемы и альтернативы // Политическая наука. — 2003. — № 1. — С. 53-78.
68. Гельман, В.Я. Региональные режимы: завершение трансформации?/В.Я. Гельман // Свободная мысль. — 1996. — № 9. — С. 13-20.
69. Гельман, В.Я. Шахматные партии российской элиты/В.Я. Гельман // Pro et contra. 1996. — Т. 1. № 1. — С. 18-27.
70. Гидденс, Э. Социология/Э. Гидденс. — М., 2005. — 627 с.
71. Глинчикова, А.В. Логика трансформации. Политический кризис в России: истоки и перспективы/А.В. Глинчикова // Открытая политика. — 1999. — № 37. — С. 37-42.
72. Головачев, Б. В., Косова Л.Б. Высокоstatusные группы: штрихи к социальному портрету // Социологические исследования. — 1996. -№ 1. — С. 45-51.
73. Головачев, Б. В., Косова Л.Б. Ценностные ориентации советских и постсоветских элит // Куда идет Россия? — 1995. — С. 183-187.
74. Госдума ввела в России прямые выборы губернаторов: <http://ria.ru/politics/20120601/662008532.html>
75. Грачев, М.Н. Средства коммуникации как инструмент преобразования социально-политической действительности // Вестник Российского университета дружбы народов. — Серия: Политология, — 2001. — № 3. — С. 88-103.
76. Гуревич, П. С. Современный буржуазный элитизм: истоки, версии, тенденции/П. С. Гуревич // Социально-политические

теории современной буржуазной идеологии: критический анализ. — М., 1981. — 156 с.

77. Даль, Р. Демократия и ее критики. — М.: РОССПЭН, 2003. — 415 с.

78. Дегоев, В. В, Ибрагимов Р. Ю. Россия при Путине: обретения, тревоги, надежды. — М.: «Империум XXI век», 2007. — 238 с.

79. Денисовский, Г. М., Козырева П. М. Политическая толерантность в реформируемом российском обществе второй половины 90-х годов. М.: Институт социологии РАН, Центр общечеловеческих ценностей, 2002.

80. Джилас, М. Лицо тоталитаризма/М. Джилас. — М., 1992. — 539 с.

81. Дискин И. Е. Элиты как субъекты российских реформ // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. — 1996. — № 1. — С. 12-17.

82. Дискин, И. Е. Россия: трансформация элиты/И. Е. Дискин. — М., 1995. — 120 с.

83. Древнекитайская философия: в 3 т. — М.: Высшая школа, 1972.

84. Дука, А. В. Институционализация политико-административной элиты в Санкт-Петербурге // Полития. — 2003. — № 2. — С. 126-149.

85. Дука, А. В. Трансформация местных элит (институционализация общественных движений: от протеста к участию) // Мир России. — 1995. — № 2. — Т. 4. — С. 106-117.

86. Дука, А. В. Властные элиты: Социологический анализ/А. В. Дука // Элитизм в России: «за» и «против». Пермь.: 2002. — С. 29-64.

87. Дука, А. В. Перспективы социологического анализа властных элит/А. В. Дука // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. — Т. 3, №1. — С. 64-82.

88. Дюверже, М. Политические партии/М. Дюверже. М.: Академический проект, 2002. — 560 с.

89. Елизаров, В. М. Элитистская теория демократии и современный российский политический процесс // Политические

- исследования. — 1999. — № 1. — С. 72-78.
90. Елисеев, С.М. Политические отношения и современный политический процесс в России. — СПб, 2000. — 214 с.
91. Здравомыслов, А.Г. Ответственность экономической элиты: мнения россиян/А.Г. Здравомыслов // *Общественные науки и современность*. — 2005. — № 1. — С. 50.
92. Зелетдинова, Э.А. Основания легитимации региональной власти (на примере Астраханской области)// *Астраполис (Астраханские политические исследования)*. — 2005. — № 1. — С.32-44.
93. Зелетдинова, Э.А. Демократия. Власть. Элита. (Теория, методология и практика регионального развития). Астрахань: Изд-во АГТУ, 2001. — 172 с.
94. Зелетдинова, Э.А. Механизмы демократизации региональной административной элиты // *Власть*. 2002. № 7. — С.22-29
95. Зелетдинова, Э.А. Механизмы демократизации государственных органов власти региона и региональной властной элиты // *Власть*. — 2002. — № 9. — С. 22-31.
96. Зудин, А.Ю. Российские элиты при В.В. Путине // *Политические элиты перед историческими вызовами 21 века*. — М., 2004. — С. 5-27.
97. Зудин, А.Ю. Государство и бизнес в посткоммунистической России: цикличность и перспективы институционализации // *Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе/Под ред. А. Мельвиля*. М., 1999. — С. 35-37.
98. Игнатов, В.Г. Южная Россия: история и современность/Игнатов В.Г., Бутов А.И. — Ростов н/Д: СКАГС, 2002. — 400 с.
99. Ильин, В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917-1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистического анализа. — Сыктывкар, 1996. — С.122-135.
100. Ильин, И.А. О воспитании национальной элиты. — М.: Жизнь и мысль, 2001. — 512 с.
101. Ильин, М.В. Ритмы и масштабы времени (О понятиях

«процесс». «изменение» и «развитие» в политологии) // Полис. — 1993. — № 2. — С. 57.

102. Ирхин, Ю. В. «Электронное правительство» и общество: мировые реалии и Россия (сравнительный анализ) // Социс. — №1. — 2006.

103. Казенин, К. Народное собрание Дагестана: политические и лоббистские группы // http://bubakiri.narod2.ru/regionalnaya_politika/

104. Калиев, Т. Б. Политическое лидерство как институт политической власти: современное состояние и перспективы развития: автореферат дис.... кандидата политических наук. — Пятигорск, 2013. — 23 с.

105. Карабущенко, П. Л. Политическое образование для становления элит // Полис. — 2000. — № 4;

106. Карабущенко, П. Л. Элитология образования: методология и теория // Элитологические исследования. — 1998. — № 2-3.

107. Карабущенко, П. А. Миф элиты: мифы, рожденные элитой; элиты рожденные мифом // Астраполис. 2002. — №1. — С.107-118.

108. Карабущенко, П. А. Политическая элитология и современные политические элиты в России // Астраполис. 2003. — № 1. — С.44-55.

109. Карабущенко, П. А. Триады политического сознания: массы — элиты — лидеры. — Астрахань, 2004. — 316 с.

110. Карабущенко, П. Л. Интеллектуальный потенциал политической и культурной элит ЮФО (сравнительный анализ) // Системные исследования современного состояния и пути развития Юга России (Природа, Общество, Человек). 2006. — С.61-62.

111. Карабущенко, П. Л., Карабущенко, Н. Б. Психологические теории элит. — М., 2006. — 448 с.

112. Карлейль, Т. История французской революции/Т. Карлейль. — М., 1991. — 575 с.

113. Карлейль, Т. Теперь и прежде/Т. Карлейль. — М., 1994. — С. 41-94.

114. Кастельс, М. — Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ, под науч. ред. О.И. Шкарата-на. — М.: ГУВШЭ, 2000. — 608 с.
115. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. — М.: Academia, 1999. — 494 с.
116. Келлер, С. Стратегические элиты в современном обществе/С. Келлер. — Киев: Свободный дом, 1994. — 187 с.
117. Кинсбургский, А.В. Трансформация структуры российской политической элиты в оценках экспертов // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 91-94.
118. Кислицин, С. А., Лощиков, П.Г. Проблемы формирования гражданского общества в условиях российской демократической реформации. Монография/С. А. Кислицин, П. Г. Лощиков — Ростов-на-Дону, 2004. — 274 с.
119. Ковалев, В. А. «Не-московский» политический процесс: факторы трансформации и перспективы изучения // Регионология. — Саранск, 2001. -№ 3. — С. 52-65.
120. Койбаев, Б.Г. Проблемы взаимоотношения региональной элиты и населения в общественно-политической жизни // Гражданское общество. — Владикавказ, 2006. — № 1. — С. 3-9.
121. Койбаев, Б.Г. Теракт в Беслане: Глобальные и региональные аспекты, политические последствия // Кавказ в системе международных отношений. — Тренчин. Словакия. — 2006. — С. 173-177.
122. Колесник, Н.В. Финансовая элита российской провинции/Н.В. Колесник // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2000. — Том III. — № 1. — С. 102-120.
123. Колесников, А. Новая номенклатура // Новое время. 1997. №16. С. 12-15.
124. Колобов, О.А. Современный российский федерализм. Монография/О.А. Колобов, И.П. Скляр. Н. Новгород: ИСП ННГУ, 2001. — 265 с.
125. Колодко, Г.В. Десять лет постсоциалистического перехода. У политических реформ/Г.В. Колодко // Чиновник. —

2000. — № 2 (8). — С. 8-16.
126. Колосов, В., Стрелецкий, В. Калмыкия-Хальмг Тангч: экономика, партии, лидеры/В. Колосов, В. Стрелецкий // Власть. — 1996. — № 1. — С. 24-33;
127. Коновалов, А.А. Где взять элиту с идеологией?/А.А. Коновалов // Политический класс. 2006. — № 4 (16). — С. 2? 7.
128. Конрад, Дж., Селейни, И. Интеллектуалы на пути к классовому господству/Дж. Конрад, И. Селейни. — М., 1987. — 429 с.
129. Конституция РФ с комментариями для изучения и понимания/Л. Ш. Лозовский, Б. А. Райзберг. — М.: ИНФРА-М, 2006. — 127 с.
130. Конфуций. Суждения и беседы/Конфуций. — М., 2005. — 224 с.
131. Коржихина, Т.П. Советская номенклатура: становление, механизм и действие/Т.П. Коржихина, Ю.Ю. Фигатнер // Вопросы истории. 1993. — №7. — С. 21-28.
132. Корнхаузер, У. Политика массового общества/У. Корнхаузер. — М., 1959. — 289 с.
133. Корольков, Н. А., Цветкова, Е. Г., Фролов, С. Н. Обладает ли российская элита созидательным потенциалом?/Н.А. Корольков, Е.Г. Цветкова, С.Н. Фролов // Власть. 2005. — № 7. — С. 74-75.
134. КОРТУНОВА, А. В. Возможен ли пакт общественно-политических сил России?/А.В. КОРТУНОВА // Политические исследования. — 1996. — № 5. — С. 96-106.
135. КОРЫТНИКОВА, Н. В. Виртуализация общества и Интернет как средство производства сетевых коммуникаций // Социс. — №2. — 2007.
136. Косалс, Л. Я., Рывкина, Р. В. Социология перехода к рынку в России/Л. Я. Косалс, Р. В. Рывкина — М., 1998. — 336 с.
137. Коу, Ц. Отношение российской политической элиты к модернизации Китая: диссертация...кандидата политических наук. -Ульяновск, 2012. — 169 с.
138. Коу, Ц. Элиты в контексте модернизации России // Власть. — 2012. — № 10. — С.43-49.

139. Кочетков, В. В. Российская элита и модернизация политической системы. - Москва: ИНФРА-М, 2013.
140. Криндач, А. Д., Туровский, Р.Ф. Политическое развитие российской провинции/А.Д. Криндач, Р.Ф. Туровский // Независимая газета. — 1993. — 11 июня. — С. 11.
141. Крыштановская, О.В. Качели власти // http://www.ng.ru/ideas/2009-10-26/8_putin_medvedev.html
142. Крыштановская, О.В. Политические реформы Путина и элита // Экономика и общество. — 2003. — № 4. — С. 3-50.
143. Крыштановская, О.В. Кто нами правит? // Открытая политика. 1995. №1. С13-19.
144. Крыштановская, О.В. Анатомия российской элиты/О.В. Крыштановская. М.: Захаров, 2004. — 384 с.
145. Крыштановская, О.В. Бывшие. Тенденции нисходящей мобильности российской элиты/О.В. Крыштановская // ОНС. — 2003. — №5. — С.33-40.
146. Крыштановская, О.В. Каркас власти: опыт политологического исследования/О.В. Крыштановская, Л.А. Радзиховский // Вестник РАН. — 1993. — Т.63. — №2. — С. 94-101.
147. Крыштановская, О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту/О.В. Крыштановская // Общественные науки и современность. — 1995. — № 4. — С. 51-62.
148. Крэстева, А. Власть и элита в обществе без гражданского общества/А. Крэстева // Социс. 1996. — №4. — С. 19-28.
149. Кудрин, А. С надеждой на «русское чудо» // Российские вести № 49 (1990). 21-27.12.2009.
150. Куколев, И. В. Трансформация политических элит в России // Общественные науки и современность. — 1997. — № 4. — С. 82-91.
151. Куколев, И. В., Штыков, П. Становление элитоведения (1991-1996) // Социальные исследования в России: Немецко-российский мониторинг/Ред. Освальд И. и др. — Берлин; М.: Полис, 1998. — С. 107-37.
152. Куколев, И. В. — Региональная элита: борьба за ведущие роли продолжается // Власть. — 1996. — № 1. — С. 46-52.

153. Кулова, М.Р. Проблемы обеспечения политической модернизации субъектов Северо-Кавказского федерального округа (на примере республики Северная Осетия-Алания) // Вестник ПГЛУ. — 2011. — № 4. — С. 443-447.
154. Лапина, Н.Ю. Формирование современной российской элиты: (Проблемы переходного периода) — М.: ИНИОН РАН, 1995. — 59 с.
155. Лапина, Н.Ю. Элитные группы России // Общество и экономика. — 2000. — № 2. — С. 18-33.
156. Лапина, Н. Ю., Чирикова, А.Е. Политическое самоопределение региональных элит // Социс. — 2000. — № 6. — С. 98-107.
157. Лапина, Н. Ю., Чирикова, А.Е. Региональная власть: парадоксы переходного общества // Полития. — 2000-2001. — № 4 (18) — С. 93-99.
158. Лапина, Н. Ю., Чирикова, А.Е. Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. — М.: ИНИОН РАН, 1999. — 192 с.
159. Лапина, Н. Ю., Чирикова, А.Е. Реформа российского федерализма: региональные элиты в поисках стратегии // Россия: трансформирующееся общество. — М.: Канон, 2001. — С. 359-372.
160. Лапина, Н. Механизм трансформации советской политической элиты/Н. Лапина. <http://elis.pstu.ru>
161. Лапина, Н.Ю. Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российской обществе: Дис. ... д-ра полит. наук/Н.Ю. Лапина. — М., 2004.
162. Лассуэлл, Х. Власть и персоналии/Х. Лассуэлл. М.: Научная мысль, 1989. — 188 с.
163. Лассуэлл, Х. О политической социологии/Х. Лассуэлл. М.: Научная мысль, 1990. — 205 с.
164. Левада, Ю.А. Социально-пространственная структура российского общества. Куда идет Россия?/Ю.А. Левада // Мониторинг общественного мнения. — 1996. — № 2 — С. 40-56.
165. Левада, Ю.А. Элитарные структуры в советской и по-

стсоветской ситуации // *Общественные науки и современность*. 2007. № 6. С. 5-15.

166. Левин, М. Номенклатура Arcanum imperii: Технологии управления против социологии управленцев/М. Левин // *Свободная мысль*. — 1997. — Апрель. — С. 71-82.

167. Ледяев, В.Г. Кто правит? Дискуссия вокруг концепции власти Роберта Даля // *Социологический журнал*. — 2002. — № 3. — С. 31-68.

168. Лейн, Д. Перемены в России: роль политической элиты // *Социологические исследования*. — 1996. — № 4. — С. 30-40.

169. Ленин, В.И. Полн. собр. соч./В.И. Ленин. — М., 1982.

170. Лидеры оппозиции в российских СМИ: <http://www.public.ru/meeting> 2012.

171. Леонтьев, М. Зачем Народный Фронт? <http://www.odnako.org/blogs/show>

172. Липсет, С.М. Третьего пути не существует. (Перспективы левых движений)/С.М. Липсет // *Политические исследования*. — 1991. — № 5. — С. 15-32.

173. Литвинова Т.Н. Представительная власть на Северном Кавказе и Парламент Северной Осетии (изменение состава в ходе политических трансформаций) // *Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, 16-17 мая 2006 г./Под ред. В.В. Дегоева*. — М., 2007. — С. 136-140.

174. Лихачев, И.В. Политические элиты современной России: сущность, особенности, перспективы: Дис. ... канд. полит. наук/И.В. Лихачев. — М., 2005.

175. Магомедов, А.К. Локальные элиты и идеология регионализма в новейшей истории: сравнительный анализ. — Ульяновск: УГТУ, 1998. — 150 с.

176. Магомедов, А.К. Мистерия регионализма: Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). — М.: МОНФ, 2000-224 с.

177. Магомедов. А.К. Политическая идеология локальных

правлящих элит в России // Россия и современный мир. — 1996. — № 4. — С. 152-176.

178. Магомедов, А. К., Кириченко М. М. От Ельцина к Путину: Кремль и региональная Россия (на примере Ульяновской области и Краснодарского края) // Феномен Владимира Путина и российские регионы: Победа неожиданная или закономерная? Сб. статей/Науч. ред. К. Мацузато. — М.: Материк, 2004. — С. 267-311.

179. Макиавелли, Н. Государь/Н. Макиавелли. — М., 2003. — 221 с.

180. Маленкин, А. Н. Теория политической элиты Р. Михельса // Социологический журнал. — 1994. — № 3. — С. 80-89.

181. Малютин, М. «Новая элита» в новой России // Общественные науки и современность. — 1992. — № 2. — С. 36-45.

182. Малютин, М. В. «Новая» элита в новой России/Малютин М. В. // Общественные науки и современность. — 1992. — № 2. — С. 36-45.

183. Мангейм, К. Очерки социологии знания: проблема поколений — состоятельность — экономические амбиции/К. Мангейм. — М., 2000. — 164 с.

184. Маннгейм, К. Диагноз нашего времени/К. Маннгейм. М.: Монолог, 1994.-387с.

185. Маркс, К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта/Маркс К., Энгельс Ф. — Т. 7. — М., 1989, — С. 423.

186. Мацузато, К. Электоральная география в России: Белый, Красный, Серый и Взрывной пояса (выборы и партии в регионах России). — СПб, 2000. — 278 с.

187. Медведев заинтриговал парламентариев// <http://www.pravda.ru/politics/elections/federal/12-07-2011/1083624-medved-0/mode=print>

188. Медведев заявил о едином видении будущего России с Путиным//<http://centr.skrauchenko.ru/index.htm>

189. Медведев, А. В. Диалектика развития советского общества/А. В. Медведев. Н. Новгород: ННГУ, 2007. — 68 с.

190. Медведев: Нам нужна постепенная модернизация политической системы// <http://www.argumenti.ru/society/2011/0>

9/123883

191. Медведев, Д.А. Пять стандартов демократии // <http://www.rg.ru/2010/10/15/yar-forum.html>.

192. Медведев, Д.А. Россия, вперед! // <http://www.kremlin.ru/news/5413>.

193. Мейзел, Дж. Миф правящего класса/Дж. Мейзел. М.: «Де-конт», 1993. — 198с.

194. Мертон, Р. К., Мид, Дж., Парсонс, Т., Шюц, А. Американская социологическая мысль. Тексты/Р.К. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс, А. Шюц. — М., 1996. — 560 с.

195. Милановски, В. Политические элиты элиты в политике/В. Милановски // Политология вчера и сегодня. Вып.3. — М.: 1991.

196. Миллс, Ч. Властвующая элита/Ч. Миллс. М.: Изд-во иностранная литература, 1959. — 543 с.

197. Мирский, Г.И. Судьба советской элиты: самоубийство или трансформация?/Г.И. Мирский. <http://elis.pstu.ru>.

198. Мирясова, О.А. Российская оппозиция как актор институциональной трансформации // Полис. — 2013. — № 5. — С. 112-120.

199. Михельс, Р. Демократия и железный закон олигархии/Р. Михельс // Диалог. — 1991. — № 3. — С. 3-15.

200. Михельс, Р. Необходимость организации/Р. Михельс // Диалог. 1990. — №3. С. 52-75

201. Михельс, Р. Социология политической партии в условиях демократии/Р. Михельс // Диалог. 1990. — № 5,7,9.

202. Монтескье, Ш. Избранные произведения. — М.: Иностранная литература, 1955. — 378 с.

203. Моска, Г. Правящий класс // Социологические исследования. — 1994. — № 10. — С. 187-198.

204. Моска, Г. Элементы политической науки // Социологические исследования. — 1995. -№ 8. — С. 130-139.

205. Мохов, В.П. Институциональная природа номенклатуры // Власть, государство и элиты в современном обществе: Сборник материалов второго всероссийского научного семинара «Социологические проблемы институтов власти в

условиях российской трансформации»/Под ред. А.В. Дуки, В.П. Мохова. Пермь: ПГТУ, 2005.

206. Мохов, В.П. Политическая элита в СССР/В.П. Мохов // Перспективы. — 1991. — № 8. — С. 14-22.

207. Мохов, В.П. Региональная политическая элита. 1945-1991./В.П. Мохов. Пермь: Пермское кн. изд-во, 2003. — 238 с.

208. Мохов, В.П. Топология политического пространства/В.П. Мохов. — Пермь: Пермский гос. техн. ун-т, 2002. — 214 с.

209. Мохов, В.П. Элитизм и история. Проблемы изучения советских региональных элит/В.П. Мохов. Пермь: Пермское кн. изд-во, 2000. — 195 с.

210. Мунчаев, Ш. М. Политическая история России/Ш. М. Мунчаев, В.М. Устинов. М.: Норма — Инфа-М, 1999. — 800 с.

211. Мурланов, С. П. Становление региональных политических элит XXI века: на примере Ленинградской области: автореферат дис.... кандидата политических наук. — Санкт-Петербург, 2013. — 22 с.

212. Мощелков, Е.Н. Переходные процессы в России: Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики. — М., 1996. — С. 19-33.

213. Мясников, О.Г. Смена правящих элит: «консолидация или вечная схватка?» // Полис. — 1993. — № 1. — С.52-60.

214. Нарта, М. Теория элит и политика: к критике элитаризма. — М.: Прогресс, 1978. — 237 с.

215. Нисневич, Ю.А. Гражданский контроль как механизм противодействия коррупции: проблемы реализации в России // Полис. — № 1. — 2011. — С. 174-178.

216. Ницше, Ф. Воля к власти/Ф. Ницше. — СПб., 2006. — 442 с.

217. Новиков, Д. В. «Антизападничество» как стратегия рационального поведения современной российской элиты // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 71-74.

218. Новиченко, А.И. Региональные этнократические элиты: тенденции формирования и специфика политической дея-

- тельности (на примере ЮФО) // Дис... кандидата полит. н. — Ростов-н/Д., 2009. — 156 с.
219. Норт, Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. — 1997. — № 3. — С.4-16.
220. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики/Д. Норт. М.: Начала, 1997. — 245 с.
221. Оболонский, А. В. Бюрократия и государство. Очерки. — М., 1996. — 67 с.
222. Оболонский, А. В. Бюрократия и бюрократизм. (К теории вопроса)/А. В. Оболонский // Государство и право. — 1993. — № 2. — С. 97-98;
223. Ожиганов, Э. Н. Политическая теория Макса Вебера: критический анализ/Э. Н. Ожиганов — Рига, 1986. — 156 с.
224. Опыт российских модернизаций XVIII-XX века. М.: Научная книга, 2000. — 261 с.
225. Орехов, А. М. Бюрократия: от традиционного общества к информационному/А. М. Орехов // Социально-политический журнал. — 1996. — № 6. — С. 5-16.
226. Орлов, Д. «Единая Россия» и партийная система: новые вызовы и новое лидерство. Аналитический доклад: <http://rostov-inside.ru/experts/>
227. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. — М.: АСТ, 2008. — 347 с.
228. Официальный сайт ВЦИОМ: <http://wciom.ru/>
229. Официальный сайт Народного Собрания (Парламента) КЧР <http://parlament09.ru/>
230. Официальный сайт Народного Собрания Республики Дагестан: <http://www.nsrdr.ru/>
231. Официальный сайт Народного Собрания Республики Ингушетия: <http://www.parlamentri.ru/>
232. Официальный сайт Парламента РСО-А: <http://www.parliament.rso-a.ru.>
233. Официальный сайт Правительства РФ: <http://government.ru.>
234. Официальный сайт Президента РФ: <http://www.kremlin.ru/>

235. Официальный сайт Федерального Собрания РФ: <http://www.duma.gov.ru>.
236. Охотский, Е. В. Политическая элита/Е. В. Охотский — М., 1993. — 91 с.
237. Охотский, Е. В. Политическая элита: состояние и перспективы становления/Е. В. Охотский. — М.: Экономика, 1993. — 217 с.
238. Павленко, С. И. Центр-регионы: кто-кого?/С. И. Павленко // *Международная жизнь*. — 1993. — № 4. — С. 91.
239. Пай, Л. Незападный политический процесс // *Политическая наука*. — 2003. — № 2. — С.66-86.
240. Парето, В. О применении социологических теорий // *Социологические исследования*. — 1995. — № 10; 1996. — №№ 1; 2; 7; 10.
241. Парето, В. Трактат по общей социологии/В. Парето. — СПб., 2004. — 327 с.
242. Парсонс, Т. Общий обзор. Перспективы. Проблемы. Методы/Т. Парсонс // *Американская социология*. — М., 1972. — 378 с.
243. Перегудов, С. П., Лапина, Н. Ю., Семенов, И. С. Группы интересов и российское государство. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 353 с.
244. Перегудов, С. П. Политическое представительство интересов: опыт Запада и проблемы России/С. П. Перегудов // *Политические исследования*. — 1993. — № 4. — С. 56-62.
245. Петров, Н. В. Политические элиты в центре и на местах // *Российский мониторинг*. — 1995. — № 5. — С. 41-63.
246. Петухов, В. В. Бюрократия и власть // *Социс*. — №3. — 2006.
247. Платон. Государство/Платон. — СПб., 2005. — 570 с.
248. Платон. Сочинения: в 3 т. — М.: Мысль, 1972.
249. Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения/Г. В. Плеханов. — М., 1956. — Т. 2.
250. Пляйс, Я. А. Политическая элита в поисках новой идеологии // *Обозреватель*. — 2008. -№ 3. — С. 6-17.
251. Пляйс, Я. А. Политическая элита России в диссертациях

отечественных политологов. — Ростов н/Д: СКАГС, 2001. — 58 с.

252. Пляйс, Я. А. Политическая элита России: тенденции развития и современные особенности: Аналитический обзор. — Ростов н/Д: СКАГС, 2004. — 52 с.

253. Подолько, Е. О. Роль элиты в бифуркационных точках общественных изменений // Власть. — 2012 — № 9. — С.59-61.

254. Поланьи, К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени/К. Поланьи — СПб., 2002. — 320 с.

255. Политическая модернизация Дмитрия Медведева// <http://www.politcom.ru/10712.html>

256. Политическая энциклопедия: в 2 т. — М.: Мысль, 1999.

257. Политология: Словарь-справочник/Под ред. М. А. Васильева, М. С. Вершинина и др. — М.: Гардарики, 2003. — 653 с.

258. Понеделков, А. В., Старостин, А. М. Элитологи об элитах. — Ростов н/Д: СКАГС, 2007. — 121 с.

259. Понеделков, А. В. Политико-административные элиты России в середине 90-х и 10 лет спустя (теоретический и прикладной аспект анализа). Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 2005. — 379 с.

260. Понеделков, А. В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России/А. В. Понеделков. — Ростов н/Д.: Феникс, 1995. — 221 с.

261. Понеделков, А. В. Элита/А. В. Понеделков. — Ростов-на-Дону, 1995;

262. Понеделков, А. В., Огарев, А. М. Лидер, элита, регион/А. В. Понеделков, А. М. Огарев. — Ростов-на-Дону, 1995;

263. Понеделков, А. В., Старостин, А. М. Партийные элиты и партийное строительство в России/А. В. Понеделков, А. М. Старостин // Наука. 2004. — № 5. — С. 98-107.

264. Пономаренко, Н. А. Региональная политическая элита в условиях радикальной трансформации постсоветской России: на материалах Сибирского макрорегиона: автореферат дис.... кандидата политических наук. — Чита, 2012. — 24 с.

265. Пугачев, В. П. Субъекты политики: личность, элиты, ли-

- дерство/В.П. Пугачев. — М: Знание, 1991. — 225 с.
266. Путин, В.В. Быть сильным: гарантия национальной безопасности: <http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html>.
267. Путин, В.В. Демократия и качество государства // РГ. — 2012. — 6 февраля.
268. Путин, В.В. О наших экономических задачах: <http://surkov.info/statya-putina-o-nashix-ekonomicheskix-zadachax/>
269. Путин, В.В. Позитивные тенденции есть, но пока это только тенденции // Независимая газета. — 2000. — 28 мая.
270. Путин, В.В. Послание Президента Российскому парламенту // Российская газета. — 2003. — 26 апреля.
271. Путин, В.В. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить: <http://izvestia.ru/news/511884>.
272. Путин, В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России: <http://www.rg.ru/2012/02/13/putin-statya.html>.
273. Путин, В.В. Россия: национальный вопрос// НГ. — 2012-23 января.
274. Работяжев, Н.В. К вопросу о генезисе и сущности номенклатурного капитализма в России/Н.В. Работяжев // Мировая экономика и международные отношения. — 1998. — № 2. — С. 38-51.
275. Радаев, В. В., Шкаратан, О.И. Социальная стратификация/В.В. Радаев, О.И. Шкаратан. — М., 1996. — 315 с.
276. Разинкин, В., Тарабрин, А. Цветная масть: элита преступного мира. — М., 2008. — 47 с.
277. РГАНИ. Ф.5. — Оп. 32. — Д. 238.1. Документы и материалы партийно-государственной власти советского периода.
278. Ривера, Ш.В. Тенденции формирования состава посткоммунистической элиты России: репутационный анализ // Полис. — 1995. — № 6. — С.64-69.
279. Ривера, Д., Ривера, Ш.В. Ельцин, Путин и президентская власть // Полис. — 2012. — № 3. — С.19-28.
280. Рисмен, Д. Лица в толпе/Д. Рисмен. — СПб., 1952. — 240 с.

281. Российская историческая политология/Отв.Ред. С. А. Кислицин. — Р/н/Д.: Феникс, 1998. — 608 с.
282. Российская элита в зеркале социологии. Информационно-аналитические материалы. — Ростов н/Д: СКАГС, — 2007. — 58 с.
283. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф.5. -Оп. 29.-Д. 33.
284. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. — Оп. 117. — Д. 64445.
285. Рудой, В. В. Шутов А. Ю., Понеделков А. В., Старостин А. М., Воронцов С. А., Черкасова Т. П., Змяк С. С., Кузина С. И., Ляхов В. П. Современные региональные элиты (социологический анализ): информационно-аналитические материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием «Элитология России: современное состояние и перспективы развития» 7-8 октября 2013 г. — Ростов-н/Д: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2013-184 с.
286. Руткевич, М. Н. Трансформация социальной структуры российского общества/М. Н. Руткевич // Социологические исследования. — 1997. — №7. — С. 3-19;
287. Рябов, А. М. Какая элита спасет Россию?/А. М. Рябов // Материалы круглых столов // Вестник аналитики. — 2004. — № 2 (16). — С. 198.
288. Самарин, А. Н. Реформаторские элиты у власти: углубляющаяся деградация России // Конфликтология: теория и практика/Журнал, СПб №1 (2), 2004.
289. Самые влиятельные люди России — 2003/Науч. ред. О. В. Гаман-Голутвина. — М.: ИСАНТ, 2004. — 696 с.
290. Сартори, Дж. Вертикальная демократия // Полис. — 1993. — № 2. — С. 80-88.
291. Свириденко, Ю. П. «Кадры решают все?»/Ю. П. Свириденко, В. П. Пашин // Россия: идеи и люди: Сборник научных трудов. Вып. 1. М.: Академия, 1994.
292. Свириденко, Ю. П. Коммунистическая номенклатура: истоки. Сущность, содержание/Ю. П. Свириденко, В. П. Пашин. М.: Высшая школа, 1995. — 286 с.

293. Седова, Н. Н. Эффективность бюрократии в оценках россиян // Социс. — №3. — 2006.
294. Сельцер, Д. Г. Взлёты и падение номенклатуры / Д. Г. Сельцер. Тамбов, 2006. — 592 с.
295. Сидаков, А. М. Российская политическая элита в современных условиях: диссертация... кандидата политических наук. - Ставрополь, 2012. — 185 с.
296. Слепцов, Н. С., Куколев, И. В., Рыскова, Т. М. Лидеры российских регионов: испытание плебисцитом / Н. С. Слепцов, И. В. Куколев, Т. М. Рыскова // Социологические исследования. — 1998. — № 7. — С. 118-128.
297. Смирнов, В. А. Структурные изменения политической элиты постсоветской Литвы: автореферат дис.... кандидата политических наук. — Москва, 2012. — 26 с.
298. Соснин, Д. П. Городская элита в контексте процессов модернизации субрегиональных политических институтов постсоветской России: автореферат дис.... кандидата полит. наук. — Саратов, 2012. — 24 с.
299. Стариков, А. Г. Взаимодействие элиты СМИ и политической элиты в политическом процессе современной России: Дис.... канд. полит. наук: 23.00.02: Ростов н/Д, 2005.
300. Старостин, А. М. Административно-политические элиты России: позиционирование во власти и управленческая эффективность. — Ростов н/Д, 2003.
301. Старостин, А. М. Современные российские элиты: на пути к новой конфигурации // Власть. 2003. — № 7. — С. 48-55.
302. Старостин, А. М. Эффективность деятельности государственной власти и управления. — Ростов н/Д, 2005.
303. Старостин, А. М. Философия элитологии: статус научного направления и базовые проблемы // Философия элитологии. — Сб. науч. трудов. — Ростов н/Д, 2013.
304. Старостин, А., Понеделков, А. Современные российские элиты // http://www.polit.ru/article/2004/03/24/polit_studies.
305. Татаринова, Ю. Н. Современная российская политическая элита: имидж в электоральных предпочтениях: авторе-

- ферат дис.... кандидата политических наук. — Москва, 2013. — 26 с.
306. Титов, В.Н. Политическая элита и проблемы политики/В.Н. Титов // Социологические исследования. — 1998. — № 7. — С. 109-115.
307. Тихонова, Н.Е. Бюрократия: часть общества или его контрагент? // Социс. — №3. — 2006.
308. Тихонова, Н.Е. Новые капиталисты: кто они?/Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. 2005. — № 2. — С. 29-39.
309. Тихонова, С.В. Коммуникационная революция сегодня: информация и сеть // Полис, № 3-2007. С. 53.
310. Трофимова, В. В. Политико-психологический анализ процесса рекрутирования политической элиты федерального уровня в современной России: диссертация... кандидата политических наук. - Москва, 2012. — 176 с.
311. Тощенко, Ж. Т. Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? //Социологические исследования. 1999. № 11. С. 123-133.
312. Туровский, Р.Ф. Республика Коми: экономика, партии, лидеры/Р.Ф. Туровский // Власть. — 1995. — № 10. — С. 34-62;
313. Удникова, О. И. Политическое лидерство в условиях трансформации российского общества: на примере Северо-Кавказского Федерального Округа: автореферат дис.... кандидата политических наук. — Москва, 2013. — 24 с.
314. Усова, Ю.В. Региональные политические элиты современной России: характеристика и научный анализ. — LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. — 145 с.
315. Феномен Владимира Путина и российские регионы: Победа неожиданная или закономерная? Сб. статей/Науч. Ред. К. Мацузато. — М.: Материк, 2004. — 368 с.
316. Фливберг, Б. Рациональность и власть: еще раз о кейс-стади // Социс. — №1-2007.
317. Ханин, Денис Игоревич Региональная политическая элита в условиях Забайкальского края: автореферат дис.... кандидата политических наук. — Чита, 2012. — 23 с.

318. Хоскинг, Дж. История Советского Союза. 1917-1991/Дж. Хоскинг. -Смоленск: Русич, 2000. 496 с.
319. Хоффман-Ланге, У. Элиты и демократизация: германский опыт/У. Хоффман-Ланге // Социологические исследования. — 1996. — № 4. — С. 50-51.
320. Храмчихин, А.А. Русские регионы Северного Кавказа: политическая ситуация, внутренние проблемы, взаимоотношения с федеральным центром // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. — М.: Ин-т политич. и военного анализа, 2001. — С. 120-132.
321. Хунагов, Р.Д. Проблема рациональности организационных структур/Р.Д. Хунагов // Социологические исследования. — 1995. — № 7. — С. 122-131.
322. Червяков, С. А., Березовский, Е. Б. Современная политическая элита России/С. А. Червяков, Е. Б. Березовский // Свободная мысль. — 1993. — № 1. — С. 56-65.
323. Черкесов, Р.А. Модернизационный потенциал российской политической элиты <http://do.gendocs.ru/docs/index>
324. Чирикова, А. Е., Лапина Н. Ю. Реформа российского федерализма: региональные элиты в поисках стратегии // Россия: трансформирующееся общество. — М.: «Канон-пресс-Ц», 2001. — С. 359-372.
325. Чирикова, А.Е. Социальные реформы в современной России: в оценках региональных лидеров // Социс. — №11-2007.
326. Шан, Ян. Книга правителя области Шан (Шан Цзюнь Шу). Пер. с кит. — М., 1968. — 156 с.
327. Шаран, П. Сравнительная политология: В 2 ч. — М.: Мысль, 1992. — 332 с.
328. Шатилов, А. Идеологическое обеспечение политического курса властвующей элиты России // Обозреватель — Observer. — 2012. — №.12 (275) — С. 8-17.
329. Шепелева, Ю. Л. Политическое лидерство в современном российском обществе: гендерный аспект: автореферат дис.... кандидата политических наук. — Ростов-на-Дону, 2013. — 21 с.

330. Шестопал, Елена Борисовна Человеческий капитал российских политических элит: политико-психологический анализ: [коллективная монография]/[Шестопал Е.Б. и др.]; под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. — Москва: РОССПЭН, 2012.
331. Шопенгауэр, А. Афоризмы и максимы/А. Шопенгауэр. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. — С. 129.;
332. Шумпетер, И. Капитализм, социализм и демократия. — М.: МГУ, 1995. — 397 с.;
333. Энгельс, Ф. Крестьянская война в Германии/К. Маркс, Ф. Энгельс. — Т. 7. М., 1989. — С. 123.
334. Эндрувайт, Г. Элиты и развитие: теория и исследования влияния элит на процессы социально-политического развития // Политическая наука. Элиты в сравнительно-исторической перспективе. Проблемно-тематический сборник. — М., 1998.
335. Январские тезисы Дмитрия Медведева // РГ. — 2008. — 24 января.
336. Янг, М. Возвышение меритократии. — В кн.: Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М., 1991. С.317-346.
337. Blondel, J. Political leadership: towards a general analysis. London: Sage.1987.
338. Bottomore, T. B. Political sociology. New York: Harper & Row. 1979.
339. Brown, A. Political leadership in the Soviet Union. Bloomington: Indiana University Press. 1989.
340. Bruce, B. Images of Power. How The Imagemakers Shape Our Leaders. London, 1992, p. 87-88.
341. Bukatman, S. Virtual Textuality // Artforum. 1994. № 1.
342. Burnham, J. The managerial revolution: what is happening in the world/J. Burnham. — N. Y., 1941. — 279 p.
343. Burton M., Gunther R., Higley G. Introduction: Elite Transformation and Democratic Regimes // Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe. Cambridge: Cambridge University Press. 1992.

344. Dahl, R. *Who Governs? Democracy and Power in an American City*/R. Dahl. — New Haven and London: Yale University Press. 1961.
345. Dawisha, K., Parrott B. *The Consolidation of democracy in East-Central Europe*. Cambridge: Cambridge University Press. 1977.
346. Domhoff, G.W. *Wright Mills and the power elite*. Boston: Beacon Press. 1968.
347. Domhoff, G.W. *Who rules America?* Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall. 1967.
348. Domhoff, G.W. *Power structure research*. Beverly Hills, Calif.: Sage. 1980.
349. Eldersveld, S.J. *Political elites in modern societies. Empirical research and democratic theory*. Ann Arbor, Mich.: University of Michigan Press. 1989.
350. *Elite Recruitment in Democratic Politics* // H. Eulau, M. Czudnowski (eds.). New York, 1996.
351. Etzioni-Halevy, E. *The elite connection: problems and potential of Western democracy*. Cambridge: Polity Press. 1993.
352. Foucault, M. *The Subject and Power* // *Power: Critical Concepts*/ed. by John Scott. Vol 1. London: Routledge, 1994.
353. Friedgut, T., Hahn, J. (eds.). *Local Power and post-Soviet Politics*/Ed. By T. Friedgut and J. Hahn. Armonk (N. Y.) — London, 1994. — 151 p.
354. Czudnowski, M.M. *Political elites and social change: studies of elite roles and attitudes*. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 1983.
355. Higley, J., Pakulski J., and Wesolowski W. *Postcommunist elites and democracy in Eastern Europe*. Basingstoke: Macmillan. 1998.
356. Higley, J. *Elites vneelitnye groups and policy limits: a theoretical perspective* // *Elites and society in comparative terms*. M., 2011.
357. Kelly, K. *Out of Control: The Rise of Neo-Biological Civilization*. New York, 1992.
358. Kryshchanovskaya, O., White S. *The Nomenklatura in Post-*

Communist Russia. In: *Elites and Leadership in Russian Politics. Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warsaw, 1995*/ed. by G. Gill. Macmillan, 1998.

359. Lane, D. *Transition under Eltsin: The Nomenclatura and Political Elite Circulation* // *Political Studies*. 1997. vol. 45. №5. 874 p.

360. Lane, D. *Elites and political power in the USSR*. Aldershot: Elgar. 1988.

361. Lane, D. *Soviet Society under Perestroika*. Boston: Unwin Hyman, 1990.

362. Lane, D. *Soviet Elites, Monolithic or Polyarchic? // Russia in Flux. The Political and Social Consequences of Reform*. Ed. D. Lane. London, Vermont: Edward Elgar, 1992. P. 3-23.

363. Layder, D. *Power, Structure and Agency* // *Power: Critical Concepts*/ed/by John Scott. Vol 2. London: Routledge, 1994.

364. Lee, Jae Mook. «The political consequences of elite and mass polarization.» dissertation, University of Iowa, 2012. <http://ir.uiowa.edu/etd/3333>.

365. *Local Power and Post-Soviet Politics*. Ed. By T. Friedgut and J. Hahn. Armonk (N. Y.) London: M. E. Sharpe. 1994. 292 p.

366. Miliband, R. *Divided societies: class struggle in contemporary capitalism*. Oxford: Oxford University Press. 1991.

367. McAuley, M. *Politics, Economics, and Elite Realignment in Russia: A Regional Perspective*/M. McAuley // *Soviet Economy*. — 1992. — № 1. — P. 46-88.

368. McAuley, M. *Russia's Politics of Uncertainty*/M. McAuley.? Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1997. — 279 p.

369. McLuhan, U. *Understanding Media: The Extension of Man*. New York, 1964.

370. Moses, J. C. *Saratov and Volgograd, 1990-1992: A Tale of Two Russian Provinces/Local Power and Post-Soviet Politics*/Ed. By T. Friedgut and J. Hahn. — p. 35-41.

371. Nelson, T. *Computer Lib/Dream Machins*. 1974.

372. Paige, G. *The Scientific Study of Political Leadership*. N. Y., 1977.

373. Parry, G. Political elites. London:George Allen&Unwin. 1980.
374. Prewitt, K. and Stone A. The ruling elites: elite theory, power, and American democracy. New York: Harper & Row. 1973.
375. Rawls, J. Theory of Justice. Cambridge (Mass.), 1971. P.3.
376. Ries, Al, Trout, J. Positioning The Battle for Your Mind. N. Y., McGraw-Hill, 1979; Bottom-Up Marketing, 1990.
377. Rizzi, B. The bureaucratization of the world/B. Rizzi. — L., 1985. — P. 238.
378. Schluchter, W. Der Elite-begriff als soziologische Kategorie. — Kolner Zeitschrift fur Soziologie und Sozisl-psychologie. 1963, №2, S. 247.
379. Schumpeter, J.A. Capitalism, socialism and democracy; introduction by Tom Bottomore. — 5th ed. London: Allen & Unwin. 1976.
380. Steen, A. Ethnicity and politics in Estonia, Latvia and Lithuania. [Oslo]: Institutt for statsvitenskap, Universitetet i Oslo. 1997.
381. Steen, A. Regime legitimacy in post-communist countries: a comparative analysis of mass attitudes in the Baltic states 1992-1997. Oslo: Universitetet. 1998.
382. Steen, A. Between past and future: elites, democracy and the state in post-communist countries: a comparison of Estonia, Latvia and Lithuania. Aldershot: Ashgate. 1997.
383. Tonnies, F. A new evaluation: Essays and documents/Ed. and with introduction by W.J. Cahnman. Leiden: E.J. Brill, 1973.
384. Turkic, Sh. The Second Self: Computer and Human Spirit. 1984.
385. Useem, M. The Inner Circle: Large Corporations and the Rise of Business Political Activity. N. Y.: Oxford University Press, 1984.
386. Woshinsky, O.H. Culture and politics: an introduction to mass and elite political behavior. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall. 1995.
387. Wrong, D.H. Some Problems in Defining Power // Power: Critical Concepts/ed. by John Scott. Vol 1. London: Routledge, 1994.

Таблица 1. Прямые выборы глав субъектов РФ 2014

№	Субъект федерации	Должность	Предыдущий глава	Врио главы	Выборы	Избран	% голосов
1	Ставропольский край	Губернатор Ставропольского края	В. Г. Зеренков 5 мая 2012–27 сентября 2013 (досрочная отставка, срок истек в мае 2017)	В. В. Владимиров с 27 сентября 2013	Досрочные выборы губернатора Ставропольского края (2014)	В. В. Владимиров (Единая Россия)	84,22%
2	Ивановская область	Губернатор Ивановской области	М. А. Мень 23 декабря 2005 — 16 октября 2013 (досрочная отставка, срок истек в декабре 2015)	П. А. Коньков с 16 октября 2013	Досрочные выборы губернатора Ивановской области (2014)	П. А. Коньков (Единая Россия)	80,32 %
3	Республика Коми	Глава Республики Коми	В. М. Гайзер 15 января 2010–14 января 2014	В. М. Гайзер с 14 января 2014	Выборы главы Республики Коми (2014)	В. М. Гайзер (Единая Россия)	78,97%
4	Кировская область	Губернатор Кировской области	Н. Ю. Белых 15 января 2009–14 января 2014	Н. Ю. Белых с 14 января 2014	Выборы губернатора Кировской области (2014)	Н. Ю. Белых (самовыдвижение)	69,98%
5	Челябинская область	Губернатор Челябинской области	М. В. Юревич 22 апреля 2010–15 января 2014 (досрочная отставка, срок истек в апреле 2015)	Б. А. Дубровский с 15 января 2014	Досрочные выборы губернатора Челябинской области (2014)	Б. А. Дубровский (Единая Россия)	86,37%
6	Республика Алтай	Глава Республики Алтай	А. В. Бердников 20 января 2006–18 января 2014	А. В. Бердников с 18 января 2014	Выборы главы Республики Алтай (2014)	А. В. Бердников (Единая Россия)	50,63%

7	Курганская область	Губернатор Курганской области	О.А. Богомолов 6 февраля 1997-14 февраля 2014 (досрочная отставка, срок истекал в сентябре 2014) ¹⁹ , а до сокращения облдумой — в декабре 2014)	А.Г. Кокорин с 14 февраля 2014	Выборы губернатора Курганской области (2014)	А.Г. Кокорин (Единая Россия)	84,87%
8	Удмуртская Республика	Глава Удмуртской Республики	А.А. Волков 3 ноября 2000-19 февраля 2014	А.В. Соловьёв с 19 февраля 2014	Выборы главы Удмуртской Республики (2014)	А.В. Соловьёв (Единая Россия)	84,84%
9	Ненецкий автономный округ	Губернатор Ненецкого автономного округа	И.Г. Фёдоров 24 февраля 2009-22 февраля 2014	И.В. Кошин с 22 февраля 2014	Выборы губернатора Ненецкого автономного округа (2014)	И.В. Кошин (Единая Россия)	76,70%
10	Орловская область	Губернатор Орловской области	А.П. Козлов 27 февраля 2009-26 февраля 2014	В.В. Потомский с 26 февраля 2014	Выборы губернатора Орловской области (2014)	В.В. Потомский (КПРФ)	89,17%
11	Псковская область	Губернатор Псковской области	А.А. Турчак 27 февраля 2009-27 февраля 2014	А.А. Турчак с 27 февраля 2014	Выборы губернатора Псковской области (2014)	А.А. Турчак (Единая Россия)	78,36%
12	Воронежская область	Губернатор Воронежской области	А.В. Гордеев 12 марта 2009-7 марта 2014 В.А. Юрченко 22 сентября 2010-17 марта 2014	А.В. Гордеев с 7 марта 2014	Выборы губернатора Воронежской области (2014)	А.В. Гордеев (Единая Россия)	88,81%
13	Новосибирская область	Губернатор Новосибирской области	(отрешён от должности президентом в связи с утратой доверия, срок истекал в сентябре 2015)	В.Ф. Городецкий с 17 марта 2014	Досрочные выборы губернатора Новосибирской области (2014)	В.Ф. Городецкий (Единая Россия)	64,97%

14	Волгоградская область	Губернатор Волгоградской области	С. А. Боженков 2 февраля 2012-2 апреля 2014 (досрочная отставка, срок истек в феврале 2017)	А. И. Бочаров со 2 апреля 2014	Досрочные выборы губернатора Волгоградской области (2014)	А. И. Бочаров (Единая Россия)	88,49%
15	Республика Саха (Якутия)	Глава Республики Саха (Якутия)	Е. А. Борисов 17 июня 2010-24 апреля 2014 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истек в июне 2015)	Е. А. Борисов с 24 апреля 2014	Досрочные выборы главы Республики Саха (Якутия) (2014)	Е. А. Борисов (Единая Россия)	58,79%
16	Мурманская область	Губернатор Мурманской области	М. В. Ковтун 13 апреля 2012-5 мая 2014 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истек в апреле 2017)	М. В. Ковтун с 5 мая 2014	Досрочные выборы губернатора Мурманской области (2014)	М. В. Ковтун (Единая Россия)	64,69%
17	Республика Калмыкия	Глава Республики Калмыкия	А. М. Орлов 24 октября 2010-6 мая 2014 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истек в октябре 2015)	А. М. Орлов с 6 мая 2014	Досрочные выборы главы Республики Калмыкия (2014)	А. М. Орлов (Единая Россия)	82,89%
18	Красноярский край	Губернатор Красноярского края	Л. В. Кузнецов 17 февраля 2010-12 мая 2014 (досрочная отставка в связи с назначением министром, срок истек в феврале 2015)	В. А. Толоконский с 12 мая 2014	Досрочные выборы губернатора Красноярского края (2014)	В. А. Толоконский (Единая Россия)	63,30%

19	Липецкая область	Глава администрации Липецкой области	О. П. Королёв 12 апреля 1998-17 мая 2014 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истекал в апреле 2015)	О. П. Королёв с 17 мая 2014	Досрочные выборы главы администрации Липецкой области (2014)	О. П. Королёв (Единая Россия)	81,83%
20	Курская область	Губернатор Курской области	А. Н. Михайлов 18 ноября 2000-17 мая 2014 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истекал в марте 2015)	А. Н. Михайлов с 17 мая 2014	Досрочные выборы губернатора Кур- ской области (2014)	А. Н. Михайлов (Единая Россия)	66,81%
21	Томенская область	Губернатор Томенской области	В. В. Якушев 24 ноября 2005-17 мая 2014 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истекал в ноябре 2015)	В. В. Якушев с 17 мая 2014	Досрочные выборы губернатора Тюмен- ской области (2014)	В. В. Якушев (Единая Россия)	86,56%
22	Оренбургская область	Губернатор Оренбургской области	Ю. А. Берг 15 июня 2010-17 мая 2014 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истекал в июне 2015)	Ю. А. Берг с 17 мая 2014	Досрочные выборы губернатора Орен- бургской области (2014)	Ю. А. Берг (Единая Россия)	80,28%
23	Вологодская область	Губернатор Вологодской области	О. А. Кувшинников 28 декабря 2011-17 мая 2014 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истекал в декабре 2016)	О. А. Кувшин- ников с 17 мая 2014	Досрочные выборы губернатора Воло- годской области (2014)	О. А. Кувшин- ников (Единая Россия)	62,98%
24	Республика Башкортостан	Президент Республики Башкортостан	Р. З. Хамитов 19 июля 2010-30 мая 2014 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истекал в июле 2015)	Р. З. Хамитов с 30 мая 2014	Досрочные выборы президента Респу- блики Башкортостан (2014)	Р. З. Хамитов (Единая Россия)	81,71%

25	Нижегородская область	Губернатор Нижегородской области	В. П. Шанцев 8 августа 2005-30 мая 2014 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истек в августе 2015)	В. П. Шанцев с 30 мая 2014	Досрочные выборы губернатора Нижегородской области (2014)	В. П. Шанцев (Единая Россия)	86,93%
26	Приморский край	Губернатор Приморского края	В. В. Миклушевский 28 февраля 2012-31 мая 2014 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истек в марте 2017)	В. В. Миклушевский с 31 мая 2014	Досрочные выборы губернатора Приморского края (2014)	В. В. Миклушевский (Единая Россия)	77,43%
27	Самарская область	Губернатор Самарской области	Н. И. Меркушкин 12 мая 2012-4 июня 2014 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истек в мае 2017)	Н. И. Меркушкин с 4 июня 2014	Досрочные выборы губернатора Самарской области (2014)	Н. И. Меркушкин (Единая Россия)	91,35%
28	Санкт-Петербург	Губернатор Санкт-Петербурга	Г. С. Полтавченко 31 августа 2011-5 июня 2014 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истек в августе 2016)	Г. С. Полтавченко с 5 июня 2014	Досрочные выборы губернатора Санкт-Петербурга (2014)	Г. С. Полтавченко (Единая Россия)	79,30%
29	Алтайский край	Губернатор Алтайского края	А. Б. Карлин 25 августа 2005-31 июля 2014 (досрочная отставка, ради участия в выборах срок истек в 25 августа 2014)	А. Б. Карлин с 31 июля 2014	Выборы губернатора Алтайского края (2014)	А. Б. Карлин (Единая Россия)	72,97%

30	Астраханская область	Губернатор Астраханской области	А. А. Жилкин 23 декабря 2004-24 декабря 2014	–	Выборы губернатора Астраханской области (2014)	А. А. Жилкин (Единая Россия)	75,28%
----	----------------------	---------------------------------	---	---	--	---------------------------------	--------

Таблица 2. Назначение глав субъектов РФ через голосование в парламенте 2014 г.

№	Субъект федерации	Должность	Предыдущий глава	Временно исполняющий обязанности главы	Кандидаты	Результат
1	Кабардино-Балкарская республика	Глава Кабардино-Балкарской Республики	А. Б. Каноков 28 сентября 2005 — 6 декабря 2013	Ю. А. Коков с 6 декабря 2013	Ю. А. Коков И. Е. Марьяш А. Т. Мусуков	
2	Республика Крым	Глава Республики Крым (должность учреждена)	Председатель Совета министров Крыма А. В. Могилёв (8 ноября 2011-27 февраля 2014) С. В. Аксёнов (с 27 февраля 2014)	С. В. Аксёнов с 14 апреля 2014	С. В. Аксёнов Г. П. Нараев А. В. Терентьев	
3	Севастополь	Губернатор Севастополя (должность учреждена)	Председатель горадминистрации В. Г. Яцуба (7 июня 2011 года — 7 марта 2014) А. М. Чалый (21 марта 2014-14 апреля 2014)	С. И. Меняйло с 14 апреля 2014	С. И. Меняйло В. М. Пархоменко О. Ю. Росляков	

Таблица 3. Назначение глав субъектов РФ через голосование в парламенте 2015 г.

№	Субъект федерации	Должность	Предыдущий глава	Врио главы	Кандидаты от президента	Дата голосования	Результат
1	Ханты-Мансийский АО — Югра	Губернатор Ханты-Мансийского АО — Югры	Н.В. Комарова 1 марта 2010-27 февраля 2015	Н.В. Комарова с 27 февраля 2015	Н.В. Комарова А.В. Савинцев М.И. Сердюк†	13 сентября 2015	Н.В. Комарова 28 из 35 депутатов (80% голосов)
2	Ямало-Ненецкий АО	Губернатор Ямало-Ненецкого АО	Д.Н. Кобылкин 16 марта 2010-12 марта 2015	Д.Н. Кобылкин с 12 марта 2015 ⁽⁴⁷⁾	Д.Н. Кобылкин Д.В. Садовников А.И. Сак		
3	Республика Северная Осетия — Алания	Глава Республики Северная Осетия — Алания	Т.Д. Мамсуров 7 июня 2005-5 июня 2015	Т.К. Агузаров с 5 июня 2015	Т.К. Агузаров Э.А. Бокоев Е.А. Князева	13 сентября 2015	Т.К. Агузаров 66 из 68 депутатов (97% голосов)

Таблица 4. Прямые выборы глав субъектов РФ 2015 г.

№	Субъект федерации	Должность	Предыдущий глава	Врио главы	Выборы	Избран	% голосов
1	Брянская область	Губернатор Брянской области	Н. В. Денин 28 декабря 2004-9 сентября 2014 (досрочно отстранён президентом в связи с утратой доверия, срок истекал в октябре 2017)	А. В. Богомаз с 9 сентября 2014	Досрочные выборы губернатора Брянской области (2015)	Богомаз А. В.	79,96
2	Республика Марий Эл	Глава Республики Марий Эл	Л. И. Маркелов 17 января 2001-14 января 2015	Л. И. Маркелов с 14 января 2015	Выборы главы Республики Марий Эл (2015)	Маркелов Л. И.	50,78
3	Еврейская автономная область	Губернатор ЕАО	А. А. Винников 25 февраля 2010-24 февраля 2015	А. Б. Левин-таль с 24 февраля 2015	Выборы губернатора Еврейской автономной области (2015)	Левинталь А. Б.	75,42
4	Республика Татарстан	Президент Республики Татарстан	Р. Н. Минниханов 25 марта 2010-24 марта 2015	Р. Н. Минниханов с 24 марта 2015	Выборы президента Республики Татарстан (2015)	Минниханов Р. Н.	94,4
5	Сахалинская область	Губернатор Сахалинской области	А. В. Хорошавин 7 августа 2007-25 марта 2015 (досрочно) отстранён президентом в связи с утратой доверия, срок истекал в августе 2016)	О. Н. Кожемяко с 25 марта 2015	Досрочные выборы губернатора Сахалинской области (2015)	Кожемяко О. Н.	67,8

6	Амурская область	Губернатор Амурской области	О. Н. Кожемяко 20 октября 2008-25 марта 2015 (досрочная отставка в связи с назначением врио губернатора Сахалинской области, срок истек в октябре 2017)	А. А. Козлов с 25 марта 2015	Досрочные выборы губернатора Амурской области (2015)	Козлов А. А.	50,64
7	Кемеровская область	Губернатор Кемеровской области	А. Г. Тулеев 1 июля 1997-16 апреля 2015 А. Н. Ткачёв 5 января 2001-22 апреля 2015 (досрочная отставка в связи с назначением министром сельского хозяйства РФ, срок истек в апреле 2017)	А. Г. Тулеев с 16 апреля 2015	Выборы губернатора Кемеровской области (2015)	Тулеев А. Г.	96,69
8	Краснодарский край	Глава администрации Краснодарского края	В. И. Кондратьев 22 апреля 2015	В. И. Кондратьев с 22 апреля 2015	Досрочные выборы главы администрации Краснодарского края (2015)	Кондратьев В. И.	83,64
9	Ленинградская область	Губернатор Ленинградской области	А. Ю. Дрозденко 28 мая 2012-12 мая 2015 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истек в мае 2017)	А. Ю. Дрозденко с 12 мая 2015	Досрочные выборы губернатора Ленинградской области (2015)	Дрозденко А. Ю.	82,10
10	Камчатский край	Губернатор Камчатского края	В. И. Илюхин 25 февраля 2011-13 мая 2015 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истек в марте 2016)	В. И. Илюхин с 13 мая 2015	Досрочные выборы губернатора Камчатского края (2015)	Илюхин В. И.	75,48

11	Иркутская область	Губернатор Иркутской области	С. В. Ерошенко 18 мая 2012-13 мая 2015 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истекал в мае 2017)	С. В. Ерощенко с 13 мая 2015	Досрочные выборы губернатора Иркутской области (2015)	II тур
12	Омская область	Губернатор Омской области	В. И. Назаров 30 мая 2012-14 мая 2015 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истекал в мае 2017)	В. И. Назаров с 14 мая 2015	Досрочные выборы губернатора Омской области (2015)	53,99 Назаров В. И.
13	Костромская область	Губернатор Костромской области	С. К. Ситников 28 апреля 2012-15 мая 2015 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истекал в апреле 2017)	С. К. Ситников с 15 мая 2015	Досрочные выборы губернатора Костромской области (2015)	65,62 Ситников С. К.
14	Смоленская область	Губернатор Смоленской области	А. В. Островский 26 апреля 2012-18 мая 2015 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истекал в апреле 2017)	А. В. Островский 18 мая 2015	Досрочные выборы губернатора Смоленской области (2015)	62,18 Островский А. В.
15	Архангельская область	Губернатор Архангельской области	И. А. Орлов 3 февраля 2012-22 мая 2015 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истекал в феврале 2017)	И. А. Орлов с 22 мая 2015	Досрочные выборы губернатора Архангельской области (2015)	56,25 Орлов И. А.
16	Пензенская область	Губернатор Пензенской области	В. К. Бочкарев 18 апреля 1998-25 мая 2015	И. А. Белозерцев с 25 мая 2015	Выборы губернатора Пензенской области (2015)	86,04 Белозерцев И. А.

17	Тамбовская область	Глава администрации	О. И. Бетин 24 марта 1995-27 декабря 1995; 31 декабря 1999-25 мая 2015 (досрочная отставка, срок истек в июле 2015)	А. В. Никитин с 25 мая 2015	Выборы главы администрации Тамбовской области (2015)	Никитин А. В.	85,47
18	Ростовская область	Губернатор Ростовской области	В. Ю. Голубев 14 июня 2010-8 июня 2015 М. В. Игнатьев 29 августа 2010-9 июня 2015 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истек 29 августа 2015)	В. Ю. Голубев с 8 июня 2015	Выборы губернатора Ростовской области (2015)	Голубев В. Ю.	78,21
19	Чувашская Республика	Глава Чувашской Республики	М. В. Игнатьев 29 августа 2010-9 июня 2015 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истек 29 августа 2015)	М. В. Игнатьев с 9 июня 2015	Выборы главы Чувашской Республики (2015)	Игнатьев М. В.	65,54
20	Калужская область	Губернатор Калужской области	А. Д. Артамонов 24 ноября 2000-11 июня 2015 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истек 26 июля 2015)	А. Д. Артамонов с 11 июня 2015	Выборы губернатора Калужской области (2015)	Артамонов А. Д.	71,43
21	Калининградская область	Губернатор Калининградской области	Н. Н. Цуканов 28 сентября 2010-27 июня 2015 (досрочная отставка ради переизбрания, срок истек 28 сентября 2015)	Н. Н. Цуканов с 27 июня 2015	Выборы губернатора Калининградской области (2015)	Цуканов Н. Н.	70,41

Таблица 5. Кому, на Ваш взгляд, сегодня реально принадлежит власть в регионе (на примере РСО-А)

	Население (%)		Эксперты (%)	
	2010	2014	2010	2014
1. Законодательному органу власти	14,2	17,9	10,3	8,6
1. Отдельным политическим партиям и общественным организациям	12,7	14,2	4,6	2,9
3. Руководителю субъекта РФ	55,4	50,6	48,7	50,2
4. Прежней номенклатуре	9,5	6,5	7,4	5,3
5. Представителю Полпреда Президента РФ в субъекте	10,8	27,6	9,3	17,5
6. Руководителям крупных государственных предприятий	4,2	6,2	3,6	3,7
7. Коррупцированной части аппарата управления	24,7	46,3	12,9	27,7
8. Представителям бизнес-элиты	25,6	23,4	15,2	26,4
9. Криминальным структурам	17,8	14,6	10,9	13,7

Таблица 6. Какие проблемы должны быть в центре внимания властей (на примере РСО-А)

	Население (%)		Эксперты (%)	
	2010	2014	2010	2014
1. Безработица	40,2	47,9	30,3	38,6
2. Экономика	42,6	44,2	34,6	39,2
3. Ценообразование	35,4	40,6	37,3	34,2
4. Жилье	59,5	56,5	47,4	35,3
5. Преступность	51,8	52,6	49,3	47,5
6. Угроза терактов	74,2	76,2	63,6	63,7
7. Здоровье	34,7	43,6	32,9	37,7
8. Образование	26,5	24,3	45,2	36,4
9. Экология	27,8	44,6	40,9	43,7
10. Миграция населения	20,5	24,4	29,2	31,2
11. Обострение межнациональных отношений	70,3	72,1	63,2	65,6

Таблица 7. Каким основным требованиям должна удовлетворять современная элита

	Население (%)		Эксперты (%)	
	2010	2014	2010	2014
1. Профессионализм, компетентность	54,2	67,9	63,3	78,6
2. Нравственность и высокая внутренняя культура	32,6	34,2	24,6	29,2
3. Образованность, эрудиция	33,4	42,6	30,3	24,2
4. Управленческий опыт	19,5	26,5	7,4	25,3
5. Патриотизм	21,8	32,6	19,3	27,5
6. Практичность, прагматизм	14,2	9,2	5,6	9,7
7. Умение учитывать и координировать интересы различных соц. групп	34,7	43,6	32,9	37,7
8. Справедливость	26,5	34,3	15,2	16,4
9. Связь с народом	20,8	24,6	10,9	11,7
10. Политическая воля	3,5	4,4	2,2	3,2
11. Демократизм	7,3	7,1	13,2	15,6

Таблица 8. Механизмы воспроизводства современных региональных элит

	Население (%)		Эксперты (%)	
	2010	2014	2010	2014
1. Ротация кадров	24,2	37,9	33,3	38,6
2. Использование кадрового резерва	12,6	14,2	22,6	24,2
3. Политическая борьба	18,4	16,6	17,3	18,2
4. Обучение представителей элит в специальных ВУЗах	19,5	16,5	17,4	21,3
5. Увеличение представителей бизнеса, научной элиты и СМИ	21,8	16,6	15,3	17,5
6. Смена бывшей номенклатурой идеологической принадлежности	29,2	34,2	25,6	49,7
7. Демократический путь	14,7	13,6	12,9	7,7

*Таблица 9. Динамика изменений современных
российских политических элит*

	Население (%)		Эксперты (%)	
	2010	2014	2010	2014
1. Позиции административных и политических элит усиливаются	34,2	55,5	32,7	36,8
2. Позиции политических и административных элит ослабевают	20,6	11,2	21,3	14,2
3. Происходит деградация элит, в результате чего эффективность деятельности власти снижается	38,4	66,6	37,3	38,2

Научное издание

УСОВА Юлия Викторовна

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ РЕГИОНОВ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ И ВЕКТОРЫ
ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ

Книга издана в авторской редакции

Технический редактор – *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка – *А.В. Черная*
Дизайн обложки – *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 15.10.15.
Формат 60×84 1/16, Бум офс. Печать цифровая.
Гарнитура «Myriad». Усл. п.л. 15,6.
Тираж 100 экз. Заказ №95.

Издательско-полиграфический центр СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: rio-soigsi@mail.ru

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО-Алания, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3